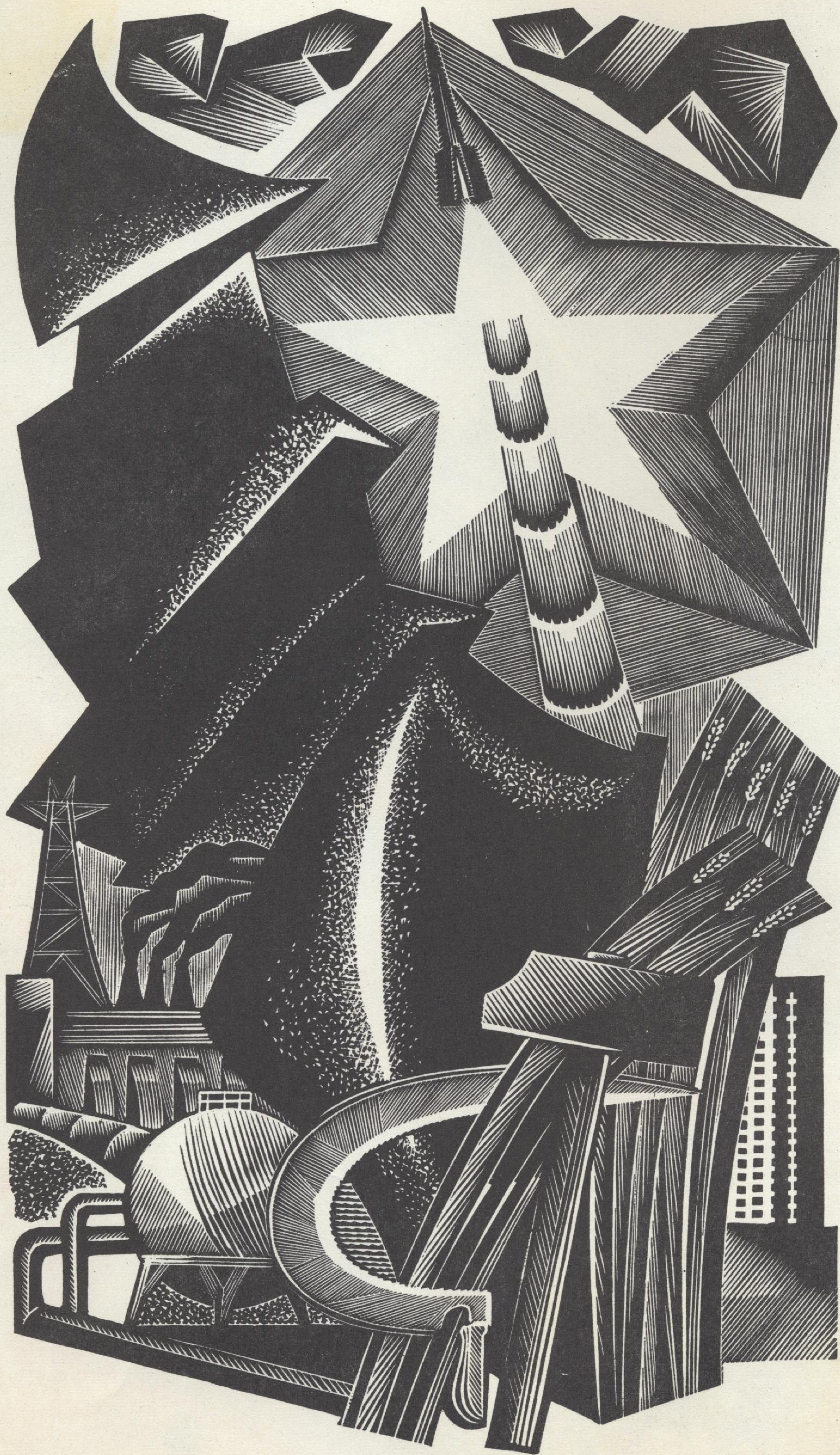

ПИОНЕР 11

НОЯБРЬ ● 1976 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ИДЕМ ДОРОГОЙ ЛЕНИНА,

Гравюры В. НОСКОВА.

ДОРОГОЙ ОКТЯБРЯ

**7 ноября 1977 года наш народ,
все прогрессивное человечество будут отмечать
60-летие Великого Октября.**

СЛАВА
РОДИНЕ
ЛЕНИНА!

**103 909 пионерских дружин, 831 685 отрядов
выполняют задания Марша
«Идем дорогой Ленина, дорогой Октября!».
Впереди колонны юных ленинцев —
пионерские комиссары — вожатые страны.
Рядом с ребятами —
старшие друзья-наставники —
ветераны партии и комсомола,
герои войны и труда,
ученые и писатели, воины и спортсмены.
Они помогают пионерам**

**УЧИТЬСЯ ПО-ЛЕНИНСКИ,
ТРУДИТЬСЯ ПО-ЛЕНИНСКИ,
ЛЮБИТЬ СТРАНУ СОВЕТОВ ТАК, КАК ЛЮБИЛ ЕЕ
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.**

**ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!
СОВЕТАМ ОТРЯДОВ И ДРУЖИН!
«Пионер» предлагает включиться
в «ОКТЯБРЬСКУЮ ЭСТАФЕТУ» —
заочную перекличку пионерских отрядов
и дружин страны.
Она поможет вам, ребята,
еще увереннее шагать маршрутами
Всесоюзного Марша.**

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

НОЯБРЬ 11

Издательство «Правда»
Москва 1976 г.

...НЕТ У РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА!

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ВОЛГОГРАДСКОМ ТРАКТОРНОМ ЗАВОДЕ, О ЕГО ЛЮДЯХ, О НАС С ТОБОЙ, О НАШЕМ ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ, БУДУЩЕМ...

Л. СИМОНОВА

Рисунки С. ТРОФИМОВА

Сидит на скамеечке у подъезда дома девчонка. Две косички, курносый нос выставила на солнце... Глаза зажмурила, ногами болтает, песенку поет: «С голубого ручейка начинается река, ну а дружба начинается с улыбки...»

Я стою, смотрю — хорошо ей! И спрашивать ничего не надо: кончился последний день учебного года. Впереди каникулы: три счастливых месяца, полных радости, открытий, исполнения желаний...

Тихонько, чтоб не спугнуть, я сажусь рядом. Целый день я хожу по городу — с ног сбилась. Солнце палит. Каменные дома тяжело дышат, и асфальтовые тротуары от жары стали липкими.

Мне нужно успеть повидаться со всеми, кого я разыскиваю. Только, пожалуйста, не думай, что с этими поисками связано что-то таинственное. Напротив, я стремлюсь встретиться с людьми, очень похожими на тех, которые и с тобой живут в одном доме, работают на соседнем заводе или в совхозе, приходят в школу, дружат с пионерскими отрядами. Я иду к этим людям, чтобы расспросить их, что они всегда считали **ГЛАВНЫМ** в своей жизни, с кем и за что боролись, кого уважали и любили, а кого ненавидели, к чему стремились, о чем мечтали и как добиваются того, что задумали...

Советский человек, советский характер, советский народ, советский образ жизни — эти понятия сложились за шестьдесят лет Советской власти и стали теперь историческими понятиями. Но это и про нас с тобой, про наших родных, про наших друзей...

Как человек мыслящий, вполне современный, можешь ли ты позволить себе не размышлять о жизни, которая окружает тебя, о том, почему именно так, а не иначе поступали хорошо знакомые тебе люди и те, о которых ты узнаешь из газет, из книг, из рассказов... Ты не существуешь сам по себе, **ты — частица своего народа, ты — сын или дочь своей страны — Союза Советских Социалистических Республик.**

Девчонка, которая греется на солнышке рядом со мной, тем временем широко открывает глаза и вопросительно смотрит: кто, мол, ты? Откуда? Зачем пришла? Я быстро отвечаю на все не заданные мне вопросы, и мы знакомимся.

— Проничкин? — удивляется девочка, зовут её Мариной,— Василий Петрович? Так это же мой дедушка! А зачем он вам?

— Мне сказали, он помнит, как первый трактор сошел с конвейера и как миллионный...

— Мой дедушка? — снова удивляется девочка.— Так он же на пенсии... И вообще он вчера на дачу уехал — больно любит в саду копаться... А бабушка Ромку собирает гулять (Ромка, как выясняется, двоюродный брат). Сейчас они придут сюда...

Мы ждем и разговариваем... Я узнаю, что всех внуков сыновья и дочери Проничкиных «подкидывают» бабушке и дедушке, что внукам нравится «пастись» в дедовом доме: все им самое вкусненькое, самое хорошенькое, и никаких упреков и нотаций... Еще я узнаю, что через несколько дней Марина с папой и мамой поедут в профилакторий папиного завода, потом в «Артек-на-Ахтубе», так называется пионерский лагерь Волгоградского тракторного завода (маме для Марины дают путевку), потом, может, папа получит «Жигули» — можно будет путешествовать...

Больше всего на свете Марина любит путешествовать и играть на пианино. Она учится в музыкальной школе и хочет стать учительницей музыки.

Все ясно, все определенно. Одного только точно не знает Марина: кем работал всю жизнь на Тракторном ее дед? Кузнецом? Или печником? В этом она не уверена...

Невысокого роста седенький старичок стремительно распахнул дверь комитета комсомола и прямо с порога начал свою речь, необычайно живую, с шутками да прибаутками, полную старческой мудрости и глубокого понимания жизни...

— Комсомолия доложила мне, что вы, друг сердечный, интересуетесь в известном смысле историей Волгоградского тракторного? Так вот сообщу я вам для начала один любопытнейший факт...— Он протягивает мне руку и улыбается широко и приветливо.

На заводе мне много рассказывали о нем. Николай Афанасьевич Цветков, Герой Социалистического Труда. Начинал на Тракторном, можно сказать, с фундамента. Всю свою жизнь отдал заводу: строил, налаживал производство тракторов, осваивал новую технику... В войну в ополчении защищал завод от фашистов, одевал тракторы в броню — отправлял на фронт танки... Поднимал завод из руин, снова строил, осваивал, выводил в люди учеников... И незаметно для себя состарился. Пришло время идти на пенсию. Но без завода он не может. «Пропуск у меня без срока,— смеется он,— вот и хожу...»

Мы хотим лучше понять себя.
Хотим достойно построить свою жизнь.
И мы пристально вглядываемся в наше прошлое —
в жизнь наших отцов и дедов...

Однажды кто-то из приезжих спросил его: «Вы коммунист?» Он вроде бы обиделся. «Вы,— говорит,— с какой точки зрения будете меня рассматривать? Если так: имею ли я партийный билет? Не имею. В свое время, в молодости, стыдился проситься в партию. Зачем, думаю, нужен я партии неграмотный?.. А если рассудить, как я свою жизнь прожил, то прошу, друг сердечный, считать меня коммунистом. Потому что для партии и для ее дела я безотказный...»

А он продолжает:

— Прибегает тут как-то ко мне внук и без всякого, как говорится, предисловия и вступления выпаливает: «Рассказал я на уроке, как вы на «козе» кирпичи таскали, когда завод строили, а они смеются...» Понимаете, смеются!.. Думают, если коза, так та, что у бабки на веревке пасется и бодается... Ни один человек в классе не знал, что это за чу-

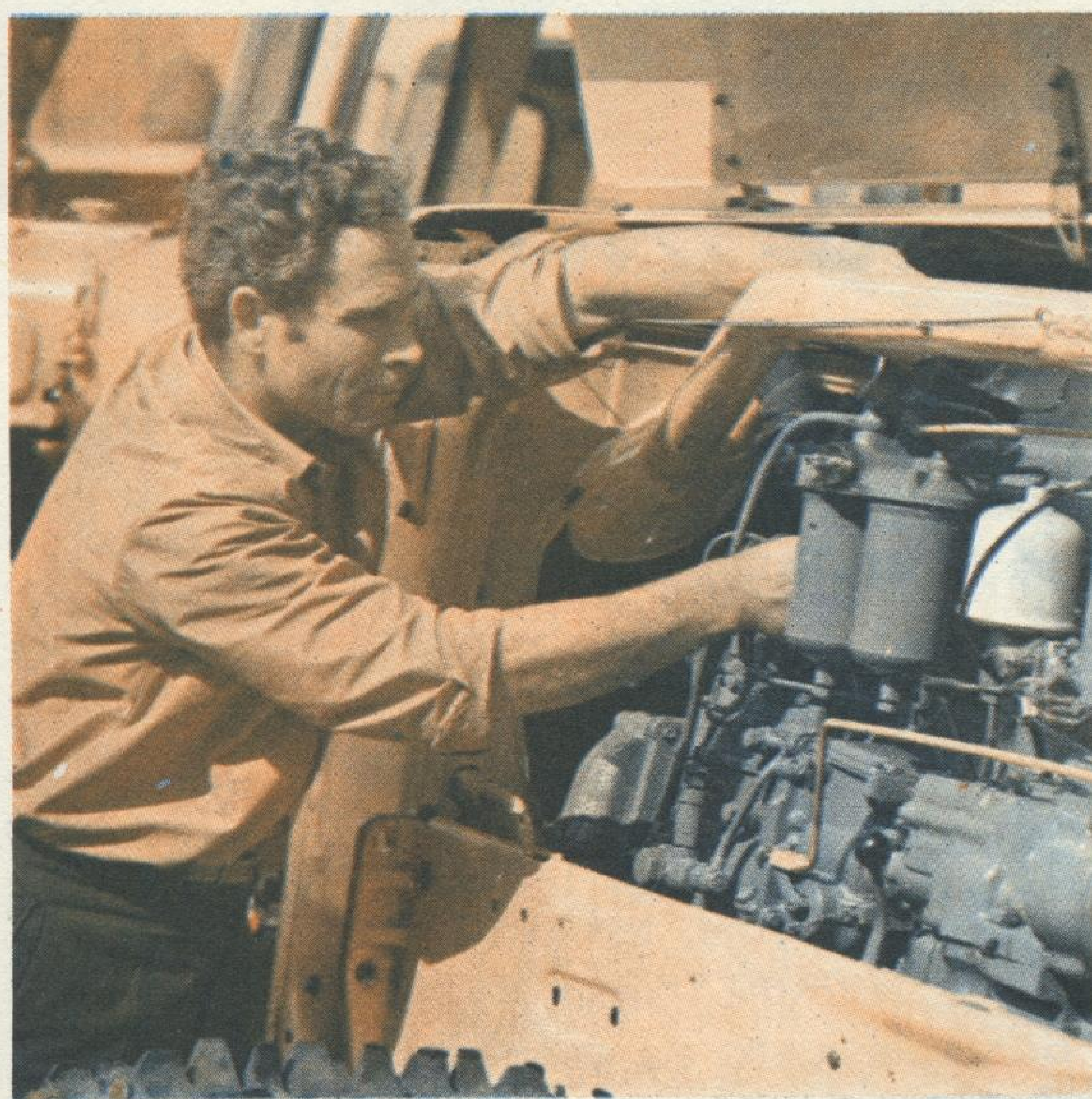

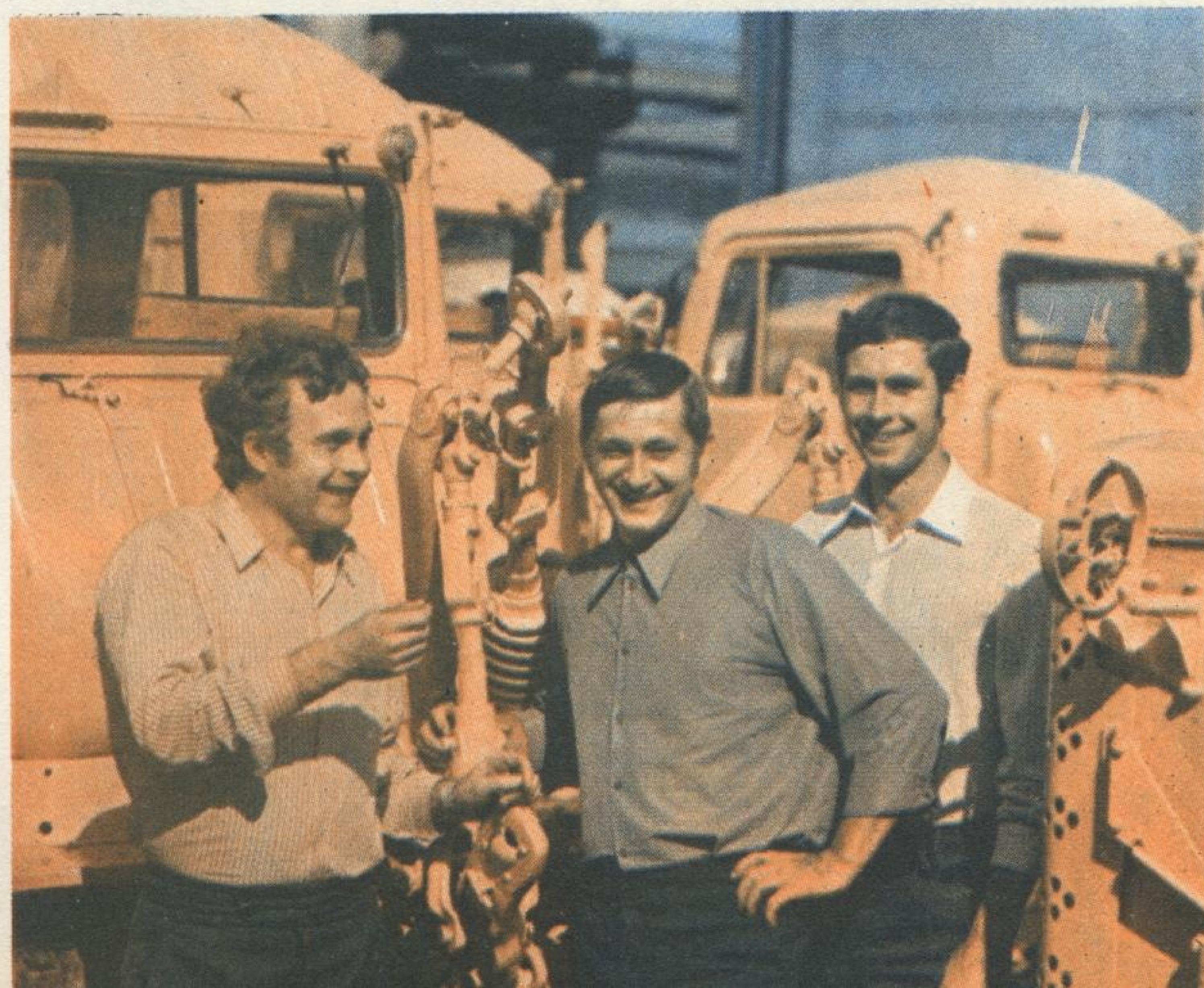
ВОЛГОГРАД И

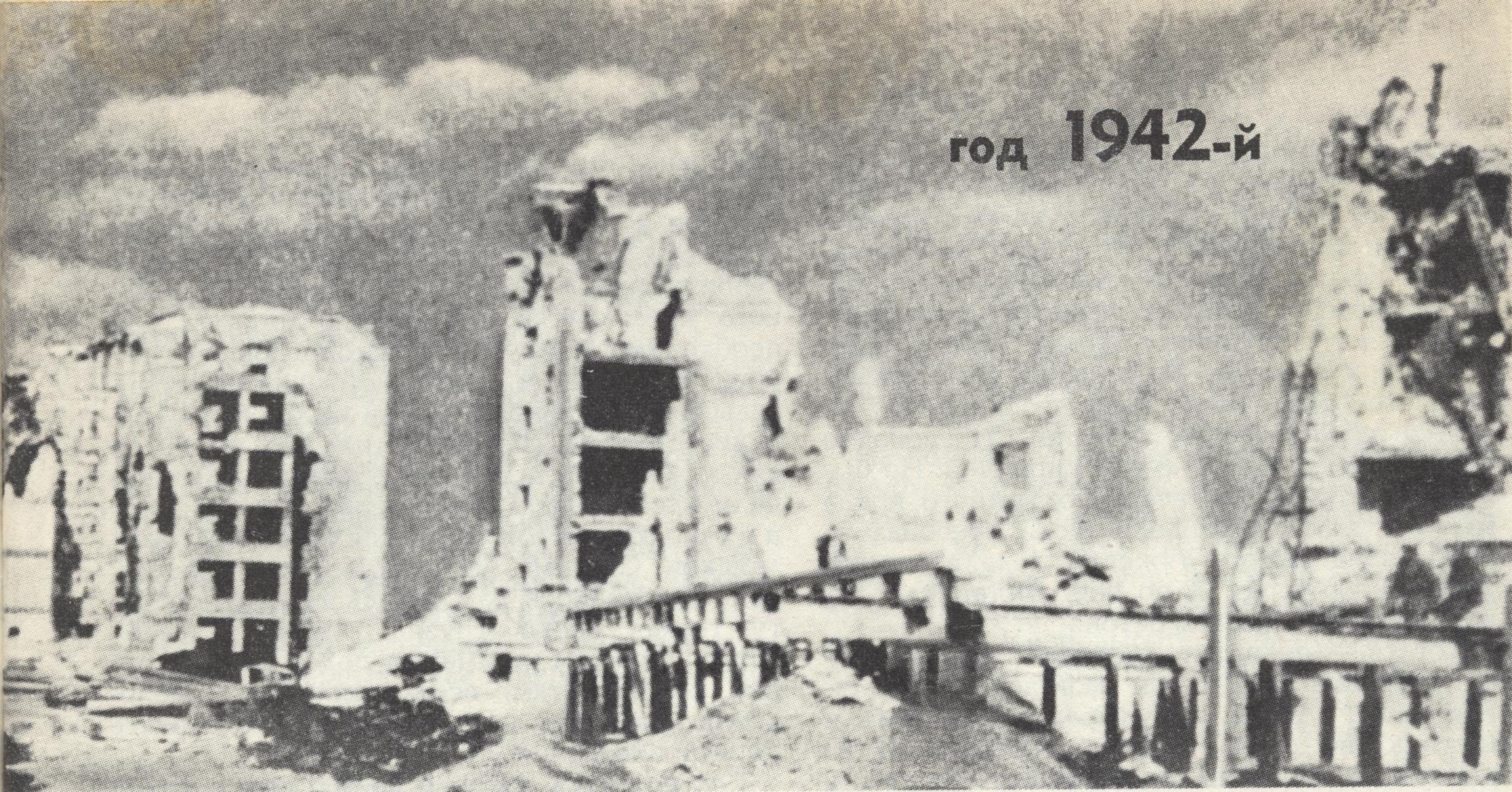
Фотографии
В. ПОСТНИКОВА.

Тракторный завод и его люди.

ВОЛГОГРАДЦЫ

Родина - мать. Скульптура Е. Вучетича.

до такое, та самая «коза», которая помогла нам воздвигнуть в степи гигант индустрии. А вы-то, кстати, товарищ корреспондент, слышали про «козу»? То-то и дело, не слышали... А между тем это — оригинальное изобретение своего времени. Берется доска. Прибиваются к ней четыре ножки: две в одну сторону, две — в другую... Вроде стол, только с одного бока ногами кверху. Приспосабливается эдакий столик за спину. И свободно можно унести за раз 8—10 кирпичей. Не было у нас тачек для всех. Подъемного крана мы и в глаза не видели. Если требовалось поднять на высоту тяжести, делали эдакую деревянную горку и по ней доставляли наверх кирпичи, бревна, бетон...

Кстати,— он вдруг перестал посмеиваться и резко изменил тон разговора,— что такое бетон? Да вы не улыбайтесь. Я хоть и шутник, но сейчас говорю серьезно. Я из деревни пришел на стройку. Был батраком, скотину пас. Я не то что писать — считать, фамилию свою изобразить не мог. Поручили мне бетон месить, чтобы столбы под фундамент поставить. А как его, беса, месить? Сколько песка класть, сколько воды лить? Бетон не похлебка в деревенской печи. Знающих людей было раз, два, и обчелся, а нас, молодых, семь тысяч... Иногда у меня теперь спрашивают: «Как вы все смогли?» Как смогли? Хотелось, чтобы в деревню поскорее пришел трактор!.. Мы понимали: без тракторов не выбраться нашей деревне из нищеты, не построить новой жизни... Видели бы вы, как люди целыми деревнями бежали по полю за трактором, когда он первую борозду прокладывал: диво-дивное — стальной конь!

...В Соединенных Штатах Америки массовый выпуск тракторов начался в 1913 году, а у нас, в России, землю обрабатывали сохами и косулями, плугами и боронами. И большинство крестьян, не имея лошадей, сами тащили этот плуг и эту борону... У американцев в 19-м году было уже 80 тысяч тракторов, а у нас — 600 штук, ввезенных, главным образом, из той же Америки во время первой мировой войны. Коммунисты понимали, что с такой «технической базой» нельзя и думать о серьезных преобразованиях в деревне.

На VIII съезде партии (он проходил в девятнадцатом) В. И. Ленин сказал: **«Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снарядить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это—фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию (т. е. за коммунизм)».**

Но только через шесть лет, пережив гражданскую войну и разруху, страна смогла приступить к выполнению ленинского завета.

12 июля 1926 года на северной окраине Сталинграда в голой степи заложили первый тракторный завод, а строить по-настоящему начали лишь в начале 1929 года.

Директором «Тракторостроя» назначили балтийского матроса, участника гражданской войны Василия Ивановича Иванова. Он говорил о себе: «Бросать боевую гранату и владеть винтовкой я умел сравнительно неплохо, на это у меня ушло пять лет гражданской войны, затем я помогал разжигать первую домну, еще позднее я принимал участие в реконструкции цветной промышленности, а сейчас мне предстояло заново строить завод». Иванов был внуком крепостного крестьянина, он хорошо понимал, как необходимы измученной, изголодавшейся деревне тракторы. Для него, коммуниста, строительство тракторного завода было боевым заданием партии. И он выполнял его, не жалея сил и жизни, с таким же ясным пониманием цели и сознанием долга перед народом, как и в революционных сражениях и в боях гражданской. Сутками не выходил он с завода. Если требовалось, сам брался за любую работу: таскал доски, грузил вагонетки, месил бетон. Личным примером подсказывал другим коммунистам, всем строителям, молодежи, как жить и действовать, что считать нормой поведения...

Тут, пожалуй, пришло время нам с тобой договориться: мы не пишем историю первого в стране тракторного завода, хотя сама по себе эта история необычайно интересна и удивительно прекрасна. Мы размышляем о том, как рождались **законы нашей жизни,** и **главный** из них: «Не мое, а наше, не для себя, а для всего общества». Мы говорим о том, как складывалась и утверждалась **наша мораль:** «Человек человеку друг, товарищ и брат; каждый за всех, все за одного; высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов; честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни...» И мы вспоминаем нашу историю.

...Осенью 1929 года, в самый разгар стройки Сталинградского тракторного, сезонники — временные рабочие — стали складывать свои сундуки и собираться домой, в деревню: зимой в России никогда не строили.

Сезонных рабочих было четыре тысячи из шести, и договор их кончался 14 октября... Создавалось угрожающее положение. Коммунисты собирали старых мастеровых, разъясняли им, в большинстве своем деревенским мужикам, как важно поскорее начать выпуск тракторов. На живом тягле, если даже от зари до зари пахать, больше гектара, а то и половины не вспашешь. Вот и не верилось, что трактор может за день 8 гектаров обработать!..

Коммунистам удалось все-таки многих уговорить. Сами они встали на самые тяжелые участки работы. Ты знаешь, так и повелось у нас: коммунисты берут на себя самое трудное.

И лед тронулся... Старый строитель Титов организовал бригаду из молодых и сказал: «Раз надо, будем строить зимой». В тот момент это был дерзкий вызов.

Артель каменщиков Левушкина взяла нормы кладки кирпичей больше прежних, первой

в стране начала класть кирпичи на высоте без лесов...

Так появлялось представление о том, что такое **почин.** Рождались и закреплялись в сознании людей правила и преимущества **социалистического соревнования...**

24 декабря 1929 года, той самой сложной для стройки зимой, Центральный Комитет ВЛКСМ принял постановление: «Провести вербовку 7 тысяч рабочих и батраков, проверенных на общественной работе, для направления на «Тракторострой».

И это тоже было началом замечательной традиции — **участия комсомольцев, молодежи в ударных стройках пятилетки.**

Они приходили пешком и приезжали из самых отдаленных мест с деревянными сундуками и баулами, в лаптях и дырявых ботинках, в легкой, плохонькой одежонке с острым желанием строить, учиться, покорить технику, машины, которых не знали, не видели. Во что бы то ни стало хотели они стать хозяевами в своей стране, которая ждала теперь их помощи и обещала новую, счастливую жизнь. Они готовы были переносить любые трудности, преодолевать любые преграды, лишь бы поскорее пришла эта счастливая жизнь, пусть даже не для них, для их детей, их внуков...

На стройке спешили:
установить конструкции, смонтировать оборудование,
потом освоить станки,
начать выпускать тракторы...

Говорят, в тот год в декабре было 30 морозных дней, в январе — 31, в феврале — 27. А на стройке спешили установить конструкции, смонтировать оборудование, потом освоить станки, начать выпускать тракторы... И вот однажды появилась срочная необходимость настелить полы в огромном механосборочном цехе. Иначе нельзя устанавливать оборудование. А цех не застеклен, и ветер гуляет вовсю... На работу вышла бригада плотников Михаила Бердикова. Торцы досок приходилось заливать кипящей смолой. От резкой смены жары и холода на лицах и на руках трескалась кожа, но никто не ушел, не отступил.

На помощь Мише Бердикову, который был членом комитета комсомола, ринулись девушки-комсомолки во главе с Женей Зазулей, тоже членом комитета комсомола. Даже опытные рабочие не имели опыта стеклить окна зимой, в свирепый мороз на пятнадцатиметровой высоте. А в пустых оконных проемах цеха было 28 тысяч квадратных метров!.. За день научились девушки стеклить и отправились на крышу, словно в бой пошли. Поднялась метель. Руки деревенели, пальцы отказывались шевелиться, лица в несколько минут становились белыми от мороза. Одна из этих двухсот девушек напишет потом в воспоминаниях: «...Рукам холодно, а лицу вовсе. И вот закроешься рукой, а промеж пальцев на лице остаются белые полоски...» Но задание они выполнили в срок!

Жизнь этих молодых людей, их отношение к делу, друг к другу создавали новую мораль, новое представление о том, что хорошо и что дурно, что достойно и что осуждается,

во имя чего стоит жить и как достигать цели...

«Не одним железом держится «Тракторострой»,— писала тогда газета Сталинградского окружного комитета комсомола «Резервы».— Если бы железо и бетон не скреплялись еще одним «дефицитным материалом»— большевистским упорством, молодежным задором, неисчерпаемой творческой энергией пролетариата, то сверхамериканских темпов мы не достигли бы».

А теперь прочти высказывание другой газеты,—немецкой «Фоссише Цайтунг». «Хватаешься за голову! — восклицает ученый, доктор Свен фон Мюллер.— Верховные комиссары всерьез полагают, что семь тысяч необученных подростков, среди них 35 процентов девушек, смогут сегодня-завтра скопировать методы Форда, основанные на опыте целого поколения...»

Это суждение, правда, относится к более позднему периоду, когда на заводе, который уже построили, начали осваивать американское оборудование. Такие же неграмотные деревенские парни и девушки, каким был в ту пору знакомый тебе теперь Николай Афанасьевич Цветков.

«Слов нет,— рассказывает в воспоминаниях Василий Иванович Иванов,— они сами по себе хорошие ребята, но многие из них до того гайки в руках не держали. Мы были примитивно безграмотны, учились, как масло носить, а не только как станки смазывать. Там, где станки имеют большие подшипники и малое число оборотов, там можно смазать не совсем чистым маслом, но на малых подшипниках, где оборачиваемость быстрее, грязь в масле недопустима. А мы думали, что сойдет, лили грязное масло, и надо было долго убеждать и учить, как хранить масло, как переносить его, чтобы пыль не попадала, как не ставить масленки на грязный пол, и тысяча других производственных «мелочей». На это уходило много времени, а мы были нетерпеливы».

«Вот удивительно, никогда я не думала, что шестерня такая сложная вещь.— Это строки из воспоминаний Алевтины Хлоптуновой, дочери красильщика с ткацкой фабрики в Саратове.— Смотришь на шестерню, кажется, тут и думать нечего, а оказывается, нужно знать математику, построение зуба, деление его...»

«Работала и училась в школе ФЗО,— читаем мы в воспоминаниях из мордовской деревни Мэме Керемэ...— Там было все: и геометрия, и технология, и машиноведение, а я трактора в жизни не видела. Ночей не спала... Ну и сдала...»

А теперь я хочу остановить твое внимание на рассказе американского мастера, одного из тех специалистов, которые приехали в Советский Союз, чтобы показать нашим рабочим, как управляться с американскими станками и машинами.

«Никогда за всю мою многолетнюю практику мне не приходилось иметь дела с более зеленым молодняком. Признаюсь, в первую минуту я даже струсил: и таких вот юнцов обучить обращению со сложнейшими машинами! Да они ровнехонько ничего не поймут!.. Они меня забросали вопросами, они мне не давали передохнуть, они хватали меня за лацкан пиджака, если им казалось, что я хочу увильнуть или что я недостаточно охотно им отвечаю. Их интересовал каждый винтик, каждая гайка, станок, за которым им предстояло работать. И тут впервые я понял огромную разницу между капиталистическим строем и строем страны, которую я впервые посетил. Я привык к тому, что у меня на родине капиталистам невыгодно допускать рабочих к тайнам работы станка. Там из них делают дешевые автоматы, все дело которых заключается в передвижке рычага... Здесь хотят быть не двуногой машиной, автоматически выполняющей несложную работу, а живым человеком, заинтересованным в станке, работающим сознательно и планомерно.

...Я не социолог и в политике, откровенно говоря, слаб. Не ждите от меня описания значения коммунистического образа жизни как идеала товарищеского общества. Но даже и не разбираясь в таких премудростях, я могу смело сказать, что моим соотечественникам есть что посмотреть, есть чему поучиться у моих юных советских друзей. Никогда и нигде я не видел таких изумительных взаимоотношений между юношами и девушками».

Мы с тобой тоже не социологи и не философы.

Мы просто хотим лучше понять себя. Мы хотим достойно построить свою жизнь. И мы пристально вглядываемся в свое прошлое — в жизнь отцов и дедов, которые за шестьдесят лет превратили нашу страну из отсталой и неграмотной в могущественную и великую державу.

Несколько лет назад комсомолец Леня Панчишкин получил орден Красной Звезды. Боевой орден — в мирное время!

Ты спросишь, за что? За мужество и отвагу при охране военного объекта.

...Был солнечный день. Дежурство подходило к концу. Бандиты появились неожиданно, как говорится, из-за угла. Стреляли из автомата. Это он помнит, и больше ничего. Когда он очнулся, почувствовал страшную боль: внутри у него «словно пожар полыхал»... Открыл глаза и понял, что не в силах пошевелиться... Прикрыл глаза, прислушался: вокруг грохотала канонада. Что это? Война? Глупости... Просто в груди у него горит и в ушах шумит...

Нет сил пошевелиться? Что это он раскис?.. На фронте бывало и пострашнее... Отец в детстве рассказывал ему, как летчики сажали на землю горящие самолеты, как шли на таран, как, раненные, ползли десятки километров, чтобы добраться к своим... Он пополз — надо было добраться до телефона...

У него было семь пулевых ранений. Семь! В военном госпитале шесть пуль вынули, а седьмая, под ребром, у сердца, осталась, «хоть и несколько лет прошло, в непогоду ноет»...

Мы встретились во время обеденного перерыва в его механическом цехе. Я думала, он богатырь, а он худенький, невысокий.

— Чего особенного?— говорит он грубовато (я понимаю — это от застенчивости: неудобно ему перед товарищами выделяться).— У отца вот два ордена Красной Звезды и другие еще... Отец всегда говорил мне, что всякое дело надо делать как следует... И в школе десять лет то же самое повторяли... И как-то на уроке литературы досталось разбирать «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого...

Вот и весь сказ. У него теперь свой сын, Денис, четыре года... Вообще он люби- детей, собирается в школе вести музыкальный кружок: «Когда-то в молодости занимался в музыкальном училище, на дирижерском отделении... Зря не должно пропадать — надо передать детям».

Передать детям... Возможно, в этом есть величайшая мудрость жизни... Он-то сам, комсомолец Леня Панчишкин, откуда взял свое начало? От своего отца — подполковника авиации в отставке Николая Георгиевича Панчишкина... От школьных своих учителей и из книжек, которые прочитал в детстве... И от тех старых рабочих-ополченцев с тракторного, которые героически обороняли свой город в великой битве на Волге.

— Как это было? — переспрашивает меня, словно сам себе задает вопрос, Александр

Не успел Саша Талдыкин заползти в кусты, как прямо перед собой, за деревьями, увидел двух гитлеровцев...

Иванович Талдыкин (теперь он на заводе начальник бюро экспортных поставок).— Я был мальчонкой... Шестнадцать лет. В тракторном цехе работал... В первые дни войны много мальчишек и девчонок пришло в цеха... вместо тех, кто ушел на фронт, вместо своих отцов... Учили нас с техникой управляться и военному делу учили — в отрядах ополчения. Я научился водить трактор военного типа...

Когда фашисты добрались до Мокрой Мечетки (это река тут за заводом, совсем рядом), нашему истребительному батальону дали задание задержать врага. Я лучше вам нарисую, какое сложилось положение...— И он быстро, прикусив губу и морща лоб, на маленьком листочке моей записной книжки восстанавливает поле боя.— И мы погнали их прочь от Мечетки... Вернее сказать, конечно, не погнали, отодвинули к лесу, километра на два от завода. Залегли фашисты в кустах, притаились... Начальник штаба Панченко Борис Борисович позвал меня и приказывает, что там приказывает, просит: «Пойди, Сашок, погляди в оба — много ли их и какая там обстановка». Тут должен я сказать, что в истребительный батальон меня брать не хотели по молодости, но я настырный был, выпросился связным, для разведки. Начальник штаба взял меня под свою ответственность...

...Не успел Саша Талдыкин заползти в кусты, как прямо перед собой, за деревьями, увидел двух гитлеровцев! Со страху выстрелил он из своего карабина — один из фашистов упал. Другой открыл огонь из автомата... Тут сообразил Саша, что вступать ему в открытую схватку глупо — бой будет неравный. И задания он не выполнит!.. Что делать? Фашист выстрелил еще раз. В голове загудело, загремело. Думал Саша: «Все, конец, убит...» Потрогал руками голову — вроде цела, и руки действуют... Отполз в кусты, а там его каска валяется, и в каске две дырки. И тут, как сообразил, что случилось, потерял сознание... Очнулся, видит рядом с ним в кустах Панченко Борис Борисович. Сам приполз: услышал выстрелы, понял — мальчишка в опасности.

Разработали они тут же первую боевую операцию. Борис Борисович открыл огонь из кустов. Фашисты его не видели, подумали, мальчишка стреляет, двинулись ему навстречу, хотели, видно, живым взять, а он быстро, что есть мочи полз все дальше и дальше, зашел с тыла и бросил гранату... Одну, вторую...

Вот так держали они оборону на Мокрой Мечетке... И выдержали до прихода наших солдат! Они защищали свой собственный завод, свое детище, свою счастливую жизнь, к которой шли с боями и трудностями.

В том же тракторном цехе, где работал шестнадцатилетний мальчишка Саша Талдыкин, старый кадровый рабочий Кортяев, выступая перед товарищами, сказал: **«Я оборо-**

нял Царицын от белогвардейцев. Могу ли я допустить, чтобы после 20 лет счастливой жизни советского народа подлый враг растоптал нашу свободу, нашу Родину, нашу честь? Нет! Ни за что! Запишите меня в народное ополчение». Это вслед за ним пошел заводской паренек Саша Талдыкин. И за теми бойцами гражданской, которых считал любимыми своими героями.

Я пытался разыскать на Тракторном когонибудь из тех, кто участвовал в героической Обороне Царицына в грозном 1919 году. Но — увы! — их уже нет. Люди уходят от нас. И мы должны успеть записать их воспоминания — для истории, для самих себя и для тех, кто придет после нас.

На стене механосборочного цеха, на том участке главного конвейера, где на будущий трактор устанавливают поддерживающие ролики (они поддерживают гусеницы), висит фотография молодого паренька... Цех не комната в квартире, где в своей личной домашней жизни несколько человек бережно хранят память о близких и дорогих им людях... И все, кто впервые попадает на завод, вроде бы удивляются этой фотографии...

Снимок сделан до войны, и молодой паренек на нем — Петр Тупиков — работал здесь в цехе на конвейере. Одним из первых записался он, коммунист, в отряд ополчения и погиб в боях у вокзала... Александр Иванович Талдыкин рассказывал молодым рабочим, как это было.

Целый день держали они оборону у вокзала и у железнодорожного моста. К вечеру на них двинулись танки... Отступать было некуда. С одной стороны река Царица, с другой — глубокий овраг. Решили попытаться перебраться на ту сторону оврага. Но это место простреливалось со всех сторон... Комбат скомандовал: «Автоматчики, вперед!» (коммунистами и комсомольцами были в этом батальоне все). И начался бой!.. Вышли с поля сражения только двое: Талдыкин и еще один боец. Оба были тяжело ранены. Петр Тупиков погиб.

Установка роликов — трудная операция. Издавна повелось: на этом участке работают коммунисты и комсомольцы. В бригаде Петра Федотова: он и Иван Май — молодые коммунисты, Владимир Панкратов — комсомолец. (На 4-й странице ты можешь увидеть их на фотографии.) А четвертый — Петр Тупиков... Он погиб, но он не ушел из их жизни. Они зачислили его в свою бригаду и работают за него...

Пусть никому не покажется, что нет большого труда втроем работать за четверых. На трактор нужно установить четыре очень тяжелых ролика: два с одной стороны, и два — с другой. И каждый закрепить двумя болтами. Они придумали и постепенно приспособились делать так: двое устанавливают по ролику и закручивают болты, а третий ставит сразу два ролика, но болты не закрепляет, переходит к следующему трактору, с болтами управляются его товарищи. Потом они меняются...

Рассчитано каждое действие, каждый шаг, каждое движение руки. И еще взято в расчет — полное понимание друг друга с полуслова, с одного взгляда.

Однажды шла по цеху делегация американских фермеров, остановилась у фотографии, поинтересовалась: «Чья?» Один фермер не сдержался, сказал: «Непонятно!.. Непостижимо!.. Работать «за того парня». За какого парня? Они его не знали и не видели!..»

— А деньги, простите, которые ему причитаются,— вежливо поинтересовался другой фермер,— вы получаете сами?

— Как? — удивился Май.— Деньги мы переводим в Фонд мира. Мать Тупикова жива, но она ни в чем не нуждается: пенсию получает, и дети ей помогают. Мы ходим к ней посидеть вместе: расскажем, как работаем, чаек попьем. Ей не деньги, ей человеческое тепло нужно...

Как объяснить им в доли секунды (не станешь же останавливать для долгой беседы конвейер!), чтобы поняли...

— Все, что растет на земле,— сказал Петр Федотов,— хлеба, деревья, цветы,— все корнями уходит в почву и оттуда питается соками, оттуда берет свою силу...

Фермеры заулыбались, одобрительно закачали головами: это им было понятно.

— Так вот,— продолжал разговор Федотов,— до нас здесь же, на заводе, когда на фронт сражаться с фашистами уходили наши рабочие, их товарищи выполняли свою и их работу и выпускали отличные танки... В кузнечном цехе рабочий был — Матвеев. На митинге в первые дни войны он заявил: «Вчера мы проводили на фронт двух своих товарищей. Но это нисколько не должно отразиться на производстве. Я беру на себя обязательство работать один за троих и давать продукции столько, сколько мы ее давали втроем. К этому я призываю всех, кому дороги наша Родина и Советская власть». Это у нас в крови, понимаете? Как говорится, с молоком матери...

Трудно сказать, было ли это понятно фермерам, только один из них по-стариковски тяжело вздохнул и еле слышно сказал: «У меня два сына погибли во Вьетнаме, их никто не вспоминает...» — И отвернулся. И они пошли дальше...

А лента конвейера, не останавливаясь, продолжала подносить бригаде Федотова будущие тракторы, на которые они устанавливали ролики...

Долго стояла я у их рабочего места, внимательно следила за работой и думала... Конвейер... Нельзя отойти. Нельзя задуматься. Нельзя передохнуть. Изо дня в день, из месяца в месяц поднимаешь ролики, ввинчиваешь болты — одна и та же работа, которая становится механической... Так складывалось наше прежнее представление о конвейере. Конвейер сам по себе, возможно, и не изменился, изменились люди. Петр Федотов, рядовой рабочий, кавалер ордена Славы, лауреат премии Ленинского комсомола, образованный, мыслящий... Он, завинчивая болты, не перестает думать, как уменьшить количество операций, как изменить инструмент, чтобы делать быстрее и качественнее... Вчера он изобрел, как устанавливать ролики втроем,— теперь так работают все бригады. Сегодня вместе с конструкторами он создает более легкий, более удобный инструмент... Будет еще и завтра и послезавтра, потому что он не может не думать, не изобретать, не двигаться дальше...

Слов нет, работа, конечно, тяжелая — первое время он хотел было бросить, уйти. Цвет-

ков был его учителем, мастером. Пригласил как-то домой, в гости. Сели они в саду чай пить. Николай Афанасьевич на деревце молоденькое показывает, говорит: «Видишь, Петро, всю ночь гроза его трепала, думал, сломает, а оно выстояло. Молодец! А ты заладил: «Уйду да уйду». Ну и иди, будешь, как перекати-поле. Человек должен знать свое место... За что, к примеру, ты, Петро Федотов, в своей собственной стране отвечаешь? А ты скажешь: «Я в своей жизни отвечаю за Волгоградский тракторный завод, за ролики на тракторах...» Когда его в партию принимали, напутствовали: «Закрепись, Петр, на этом сложном участке, и, как говаривали у нас, держи оборону. Тут твое место...» Он вспоминал учителя своего, Николая Афанасьевича Цветкова.

Как-то приехал на завод журналист из Эквадора (иностранных гостей на заводе всегда много). Познакомили его с Геннадием Варфоломеевичем Букаевым. (Его фотография тоже есть на 4-й странице журнала.) Геннадий Варфоломеевич — кадровый рабочий. Двадцать лет на заводе. Кавалер орденов Ленина, Октябрьской Революции, многих медалей. Товарищи-коммунисты избрали его в партийный комитет завода, а позже и членом областного комитета партии. Он работает тут же, на главном конвейере, только его бригада устанавливает на трактор рулевое управление... Спрашивает Букаева иностранный журналист: «Ощущаете вы себя хозяином?»

— Я ему отвечаю,— рассказывает Букаев.— С какой точки зрения будете рассматривать. (Словечки и выражения, заметь, у него цветковские. Букаев, как и Федотов, тоже ученик Цветкова.) Если так: большой ли я начальник на производстве? Нет, я не директор, не начальник цеха и даже не мастер... А если рассудить так: хозяин тот, кто несет ответственность не только за свой труд, но за все, что происходит рядом с ним, так я самый что ни на есть хозяин...

К нему идут за помощью и за советом, если что-то не ладится на производстве, если возникли трудности в коллективе или дома. И это тоже, заметь, характерная черта нашей жизни: со всеми сложностями идти разбираться к товарищу, который избран партийным руководителем.

— Иностранцам,— сказал он мне,— многие наши порядки трудно понять, а нам вроде бы удивительно: что непонятного? Вот у меня двухкомнатная квартира, все удобства, телефон, и плачу я за нее что-то около 12 рублей. Японцы не поверили... Рабочие в Нагое говорили мне: они, чтобы построить дома, должны прежде купить землю, а квадратный метр земли в центре города стоит полтора миллиона иен. Заработная плата рабочего в среднем — 200 тысяч, вот и посчитайте... В 55 лет компания рабочего увольняет и, если дала квартиру, забирает ее обратно — и иди на все четыре стороны... Пойти на осмотр к терапевту — 1000 иен стоит, операция аппендицита — 150 тысяч!.. А у меня не все со здоровьем в порядке, так мне, пожалуйста, путевку в санаторий дают, уезжаю завтра в Пятигорск. Мы так привыкли к этому, что и не замечаем...

Они защищали свой собственный завод, свое детище, свою счастливую жизнь, к которой шли с боями и трудностями.

Он остановился, словно обдумал то, что сказал, и добавил:

— Конечно, не все проблемы мы еще решили. Мы не скрываем этого. Вот и Леонид Ильич Брежнев на встрече с рабочими ЗИЛа

прямо говорил о том, что у нас подчас бывают еще и прогулы, и брак, и простои оборудования... **Но главное в нашей жизни то, что вместе мы добиваемся от года к году лучшей жизни для всего народа, и каждый из нас вносит свою долю в общее дело...**

Мы прошли большой и нелегкий путь — шестьдесят лет складывался наш образ жизни. И вот теперь наступил такой момент, когда для хорошего, по-настоящему передового работника мало быть просто трудолюбивым и дисциплинированным. Знания, образованность, высокая сознательность, воспитанная той жизнью, которая окружает его с детства, позволяют теперь рядовому рабочему, каждому, кто трудится в сельском хозяйстве, творчески поглядеть на свой труд, увидеть, правильно ли, самым ли наилучшим образом используется оборудование, расходуются материалы, деньги, время.

В кузнечном корпусе, в цехе тяжелых молотов я познакомилась с Михаилом Кузьмичом Аркатовым.

Бригада Аркатова кует поковки — заготовки для механических цехов. Нелегко семь часов простоять у огнедышащей печи, управлять тяжелым молотом — сложнейшим устройством, которое делает послушным раскаленный металл.

Часть этого металла, отходы, кузнецы после штамповки детали откидывают в сторону. И вот раньше за спиной молота образовывалась такая горка, температура которой 1000 (тысяча!) градусов. Весь жар-пар шел на кузнеца... Бригада Аркатова предложила сбрасывать металл не на пол, а в ящик, да не в низенький, как соорудили поначалу, а в высокий, чтобы крану удобно было его зацепить, поднять и унести прочь, как только он наполнится... И сразу вместо 1100 поковок стали делать за смену 1360. Потом они поняли: нужен не кран (который не всегда вовремя появляется), необходим за спиной молота транспортер. Сделали электропроводку: транспортер, как хорошо налаженный механизм, начал действовать безотказно, по мере надобности, и они стали успевать делать за смену 1500 поковок. Потом с помощью начальника корпуса Виктора Николаевича Скворцова установили новый, более совершенный транспортер и выковали 1650 штук. Это уже была победа, это значило, что они выполнили задание пятилетнего плана.

В долгих поисках и раздумьях находили они разные пути, как повысить производительность своего труда, как за одно и то же время сделать больше и лучше. Сначала некоторые рабочие в цехе ворчали: за бригадой Аркатова тянуться — вроде бы работы прибавилось. Потом все поняли: если он не выполнит своей доли в государственном плане и другой, и третий, и на соседнем заводе, и в ином городе, кто же тогда за них решит те задачи, которые намечено решить в пятилетке? Ведь это от каждого из них теперь зависит, станет жизнь лучше, богаче, интереснее. Да и зарплата у бригады Аркатова увеличилась почти вдвое... И за коммунистом Михаилом Кузьмичом Аркатовым, помогая друг другу, делясь опытом и лучшим из того, что удалось освоить, потянулись все участки, все цеха, весь завод.

Так под лозунгом «Ни одного отстающего рядом!» началось сражение за выполнение задания государственного плана. Самым наилучшим образом, со знаком высокого качества.

А бригада Аркатова бьется сейчас над решением новых проблем: как свести до минимума простои оборудования, когда меняются смены, и давать 2100 поковок!

За работу в восьмой пятилетке Михаил Кузьмич Аркатов награжден орденом Трудового Красного Знамени, в девятой пятилетке его труд оценен орденом Ленина. Недавно на Выставке достижений народного хозяйства получил он в награду диплом и «Москвич», «который надо еще научиться водить».

— «Москвич»,— смущенно говорит Аркатов,— это подарок за почин вроде бы. А если так подумать, так почин был сделан тогда, когда, скажем, Григорий Калинович Алюков учился кузнечному делу. Вместе с первыми семью тысячами комсомольцев пришел он на стройку. Учился, можно сказать, считать-писать, а как только первые азы на заводе освоил, сразу же изобретать стал.

Высокая сознательность советского человека складывалась годами, и мы должны помнить тех, кто положил первый камень в фундамент здания, в котором мы с тобою живем.

Старик Проничкин,— сказали мне в парткоме,— вернулся с дачи в город. Приглашает вас в воскресенье. Вся семья соберется...

— Обязательно пойдите,— посоветовал Николай Анисимович Белимов, заместитель секретаря парткома,— прекрасная семья. Все так или иначе связали свою жизнь с заводом, как говорится, рабочая династия. И сам старик, Василий Петрович, замечательный человек. Большой мастер. Печник. Печь чувствовал, как свое сердце. Он тут с самого начала. В войну просился на фронт, но ему приказали ехать в глубокий тыл, в Челябинск, чтобы там поскорее наладить производство танков. Когда фашистов прогнали, стали поднимать завод. Проничкину кто-то сказал: торчишь, мол, тут, а там в кузнице 90 печей, и ни одного печника... Что же вы думаете? Трудно даже представить себе теперь, как он пробрался в самолет и зайцем прилетел в Сталинград... Хотели наказать его: в военное время не полагается самовольничать, а потом подумали: «Печник он отменный, и не за легкой жизнью для себя помчался... Знал, что жить тут будет не легче, чем в тридцатых, когда в первый раз строили...»

...Дали ему молодых ребят из тех пятнадцати тысяч, что приехали восстанавливать Тракторный, снова по призыву комсомола. Собралась, можно сказать, интербригада: таджик Александр Сабиров, грузин Алексей (запамятовал Василий Петрович его фамилию, а «парень что надо»), татарин Михаил Тафинуев (этот постарше был), русская девчонка Настя Азовкина («отчаянная, одной из первых встала кузнецом к печи») и он, Васи-

лий Петрович Проничкин («у них вроде бы за командира»)...

Работали с утра до ночи — сначала в кузнице, потом на строительстве 511-го дома. (Теперь там мемориальную доску установили — исторический памятник! Первый дом, отстроенный после войны.)

Жили трудно. Хлеб, сахар, масло по карточкам («детишки теперь не могут понять, что это такое — карточки?»). За талончик на 300 граммов сахара («ничего, думаю, обойдемся») выменял он чемодан! Этот знаменитый чемодан был у них вместо стола, и вся семья размещалась вокруг него на полу, потому что ни стола, ни стульев после фашистского нашествия негде было достать.

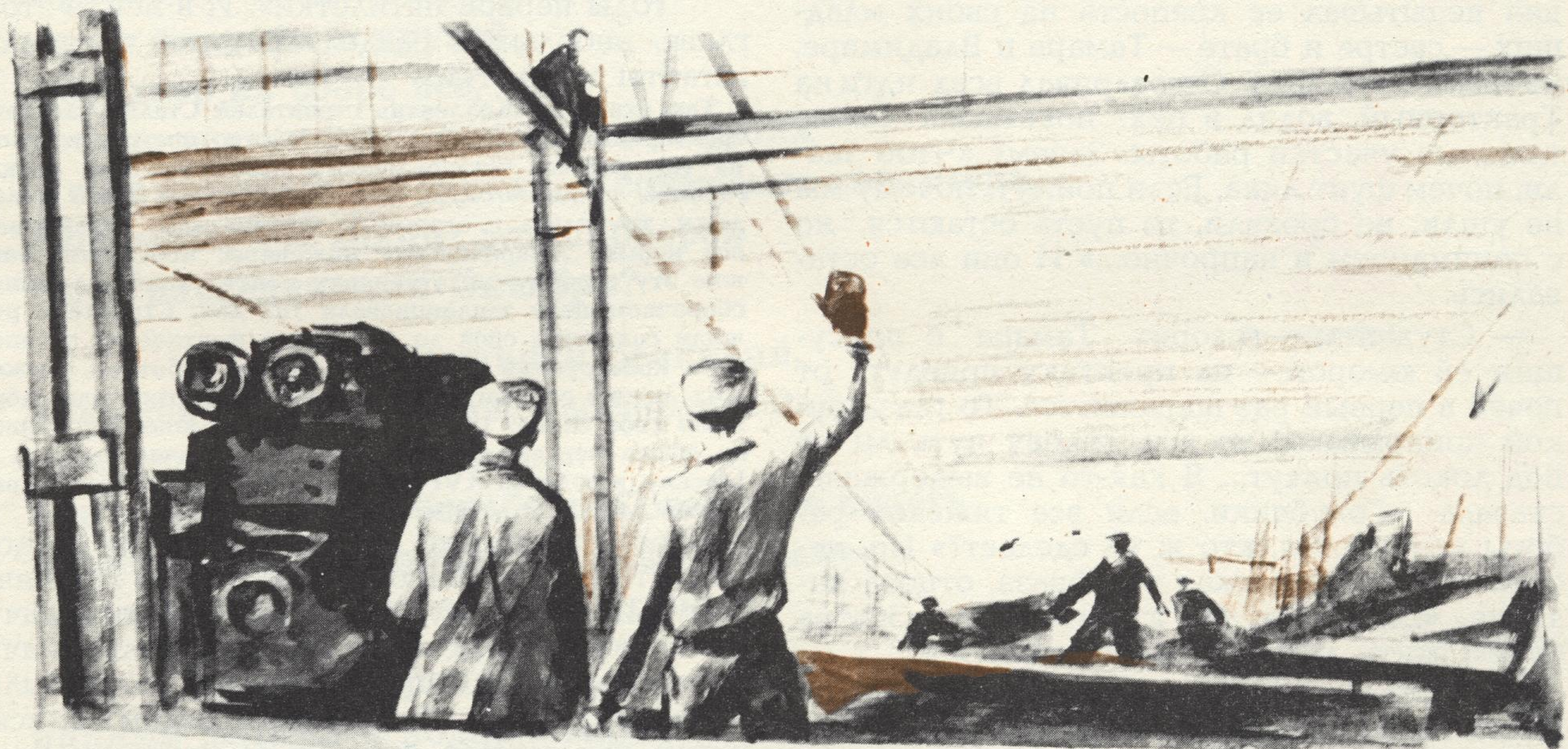
— Когда дочка моя Вера,— говорит Василий Петрович,— начинает ныть, что машину «Жигули» долго им не дают, я ей про наш чемодан напоминаю... А тут Настя Азовкина, моя ученица, встретилась, захныкала: двухкомнатная квартира ей мала — дочери замуж вышли, младшая с ней осталась. Я ее спрашиваю: «Помнишь, Настя, как в палатке жила, на Мечетку умываться бегала?..» Может, конечно, это и неправильно вспоминать про трудности? Мы должны жить хорошо, мы за это боролись и боремся!.. Только я, старик, так понимаю: главное, что мой младший сын, Владимир, кончил десятилетку и встал к фрезерно-расточному станку, который самую что ни на есть сложную и тонкую работу выполняет. И так может деталь обработать, и эдак, и все по чертежам. Раньше с такими чертежами инженер едва управлялся, а теперь вот рабочий с десятью классами школы... И, стоит только Владимиру захотеть (ленится, чего греха таить), может он поступить в институт, дальше учиться... У нас тут, на Тракторном, все свое — и институт и техникум...

Володя обижается: «Чего ты так-то, отец? Вот подготовлюсь...» «Похоже, что раньше женюсь»...— посмеивается сестра Тамара.

Им хорошо всем вместе, и мне хорошо с ними. Хозяйка дома Александра Ивановна («пробуйте пирог с вареньем, он у матери «фирменный»,— говорит Володя) работала раньше с Василием Петровичем в кузнечном цехе, в кузнице, так им нравится называть. Была нагревальщицей — подручным у кузнеца. Две старшие дочери, Людмила и Вера, получили высшее образование, стали учителями, одна — математики, другая — физики, но в обычную школу не пошли, решили учить на своем родном Тракторном, в школе рабочей молодежи. Сын Анатолий и дочь Тамара здесь же, на заводе, окончили техникум. Анатолий Васильевич возглавляет теперь ремонтно-механический цех, а Тамара Васильевна — техник-технолог в справочно-информационном фонде. Про Володю, младшего, вы уже знаете, он говорит про себя: «Я всегда на работу хочу, в отпуск уеду отдыхать, не дождусь, когда на завод вернусь...» На заводе слесарем работает и внук Василия Петровича, сын Анатолия, Слава... «Вот только про Ромку пока нечего сказать,— смеется Тамара. Ромке пока и года нет.— Но, судя по всему, и он навострит ножки по дедовой дорожке... Видите, в деде души не чает — просится на руки, а дед у нас добрый, он берет, избаловал вот...»

Сидим мы, разговариваем, и я пытаюсь понять, что тянет их всех вслед за отцом и дедом на Тракторный?..

— Отец, бывало, говорил нам, детям,— рассказывает Анатолий Васильевич...— «Сло-

Мы прошли большой и нелегкий путь — шестьдесят лет складывался наш образ жизни.

жу ли я под у печки, свод ли возведу, на другой день обязательно вернусь, посмотрю, все ли ладно. Человек должен любить свое дело и за то, что сделал, испытывать гордость: хорошая, мол, работа, людям нужная!.. Я слушал, но по-настоящему смысл его слов дошел до меня, когда я увидел отца в цехе. Жара... Окалина летит от раскаленного металла.. Печь гигантская... А отец в брезентовой робе туда, ремонтирует. Вылезет, его водой из шланга обольют, отдышится, остынет — и снова в печь... Я спросил: «Что, нельзя подождать, пока остынет?» «Нельзя,— говорит,— сынок. Больно долго ждать. А времени нам терять нельзя, нужно скорее социализм строить, к хорошей жизни добираться...» Вот на этой отцовской закваске мы все и замешены!..

Видно, крепкая эта закваска, потому что из рассказов я знаю, что Анатолий Васильевич испытывал ее крепость на своих младших — сестре и брате — Тамаре и Владимире, на сыне Вячеславе. Отговаривал всех идти на Тракторный, водил в цех, показывал самые тяжелые участки работы. Зачем? «Чтоб знали, почем фунт лиха. Если поймут, почему мы не ушли, не бросили, то пусть остаются, но с пониманием и напрочно...» И они все оставались.

— Студенты,— говорит Тамара с присущим ей юмором,— на практику приедут, от печей в первый раз шарахаются. То глаза рукой прикрывают, то всю голову чуть ли не под локоть прячут... Я как-то не выдержала, сказала: «Голубчики, если все тяжелой работы испугаются, кто ж ее сделает?» Но, честно говоря, отцовская это фраза, отцова позиция: «Если не я, так кто?» И еще: «Завтра будем жить лучше, надо стараться!»

Да, я это уже знаю, я слышала это уже от Насти Азовкиной, Анастасии Ивановны Ситниковой, ученицы Проничкина, ставшей известным всей стране кузнецом, Героем Социалистического Труда: «Бывало, смену у молота простоишь, бежишь дом строить, потому что жили в палатках и умывались на Мечетке... А он свое: «Нос не вешать! Будем жить лучше!»

Разговаривая с семьей Проничкиных, я все время думаю о том, что судьба этой семьи — самый убедительный рассказ о нашем образе жизни и о том большом пути, который прошла наша страна за шестьдесят лет. И цифр никаких не надо. Только вспомнить, как старик Проничкин лез в раскаленную печь, чтоб не потерять времени, чтоб побольше тракторов выпустить. Как мчался на самолете, чтобы поскорее снова поднялся из руин завод, вечерами строил дома, а ютился в общежитии, где в одной комнате рядом с его семьей жили другие. И внимательно вглядеться в сегодняшнюю жизнь его детей: все получили образование, специальность, стали мастерами в своем деле. Все имеют квартиры, кто хотел — построил дачу, кто хотел — приобрел машину, соберутся отдохнуть — завод даст им (почти бесплатно) путевку в профилакторий или санаторий. И Маринку пошлет в пионерский лагерь и Ромку определит в ясли и в детский сад... Но не это в их жизни главное!

— ...Я только не знаю, как лучше это сказать, чтоб не получилось громких слов,— говорит Вера Васильевна.— Отец с матерью учили нас, что главное — не карман потуже набить, а голову! Чтоб голова болела за то дело, которое ты для себя выбрал. У меня вот парень один в классе есть, никак учиться не хочет. Многим сначала трудно кажется: идти учиться после работы. Так я вот голову ломаю, не знаю, на какой козе к нему подъехать, чтоб остался. Тут как-то пошла даже с ним на футбол... И в Маринке, в дочке моей, дедова наука сидит: позови ее, мол, колхозу надо помочь помидоры полоть — поедет. Откажется, пожалуй, от путешествия на «Жигулях». А рассказать про деда она не смогла, потому что не приучены мы говорить, приучены делать... Так ведь? Это, кстати, для всех для нас характерно...

В учебнике истории СССР есть глава «Борьба за индустриализацию страны в годы первой пятилетки». И в ней, в этой главе, небольшой раздел «В строй вступали гиганты пятилетки».

Там сказано: «Коллектив строителей Сталинградского тракторного завода взял обязательство построить завод на год раньше установленного правительством срока. Рабочие, среди которых больше половины было молодежи, трудились с огромным энтузиазмом, перекрывая все нормы. Американские инженеры, консультировавшие эту стройку, на установку конструкций в механосборочном цехе запланировали 163 дня. Строители решили сократить срок до 52 дней, а фактически установили конструкции за 28 дней. Темпы работ не снижались даже в сорокаградусные морозы. И строители сдержали свое слово: 17 июня 1930 года с конвейера завода сошел первый трактор, который рабочие послали в Москву, в подарок XVI съезду партии. Заводу было присвоено имя Ф. Э. Дзержинского.

Хорошей девочке Марине вроде бы невдомек, что ее деду Василию Петровичу Проничкину и, скажем, Николаю Афанасьевичу Цветкову или Алюкову Григорию Калиновичу (с которыми ты теперь знаком) надо было прожить свою молодость, а потом и всю жизнь именно так, как они ее прожили, чтобы в учебнике, по которому Марина и ты тоже будешь учить историю своей страны, появились такие строки.

А если хорошенько подумать, выходит, что эти строки имеют прямое отношение к Марине, а другие — про Турксиб и Магнитку, про Днепрогэс и Комсомольск-на-Амуре к другим мальчикам и девочкам, потому что все вы внуки своих дедов, сыновья и дочери своих отцов и матерей, и следующая страница в истории — за вами...

ОНА ДОЛЖНА БЫТЬ НАПИСАНА ДОСТОЙНО. ОНА ДОЛЖНА БЫТЬ ДОСТОЙНА КРАСОТЫ, СИЛЫ И ВЕЛИЧИЯ ДУХА ТЕХ, КТО ОТКРЫЛ НОВУЮ ЭРУ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. ДОСТОЙНА МОРАЛИ, УБЕЖДЕНИЙ И ПОСТУПКОВ ТЕХ ПОКОЛЕНИЙ, КОТОРЫЕ БОРОЛИСЬ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ И ПОБЕДИЛИ. ДОСТОЙНА ТОГО ЗНАМЕНИ, ПОД КОТОРЫМ ТЫ ЖИВЕШЬ,— ЗНАМЕНИ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ.

ПОДУМАЙ ОБ ЭТОМ.

Всем пионерским отрядам и дружинам «Пионер» предлагает включиться в «ОКТЯБРЬСКУЮ ЭСТАФЕТУ», заочную перекличку пионерских отрядов и дружин страны, которая будет проходить на страницах журнала.

КАК В НЕЙ УЧАСТВОВАТЬ?

РАССПРОСИТЬ своих дедов, бабушек, пап, мам, знакомых, соседей: как они участвовали в борьбе за Советскую власть, за строительство социализма в нашей стране? Записать и прислать в журнал их рассказы.

ПРОВЕСТИ пионерский сбор, пригласив на него ветеранов войны и труда — своих близких и друзей. Обсудить на сборе все, что вы услышали и узнали от старших о советском образе жизни, о советском характере. Подумать, что значит для пионеров быть наследниками Октября?

ОРГАНИЗОВАТЬ выставки реликвий, документов, фотографий, воспоминаний, которые расскажут о том, как участвовали в борьбе за Советскую власть и построение социализма в нашей стране семьи пионеров дружины и отрядов.

РАССКАЗАТЬ журналу, какими делами и подарками встречает отряд, дружина 60-летие Октябрьской революции.

ПРИНЯТЬ участие в международном конкурсе на лучший рассказ, рисунок, стихотворение, фотографию о жизни ребят в странах социалистического содружества под девизом «Мы — дети Революции, наследники отцов».

«Пионер» желает вам успеха на Всесоюзном Марше пионерских отрядов — «Идем дорогой Ленина, дорогой Октября!» — и ждет ваших сообщений.

На конверте не забудьте сделать пометку

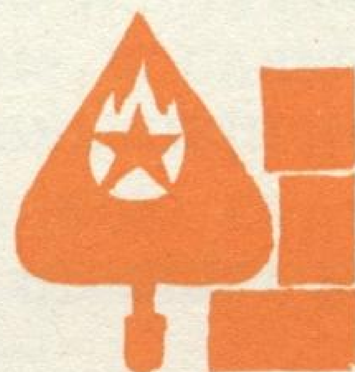
«ОКТЯБРЬСКАЯ ЭСТАФЕТА»

ПИОНЕРСКИЕ МАРШРУТЫ

Моя Родина — СССР

В страну Знаний

Мир и солидарность

Пионерстрой

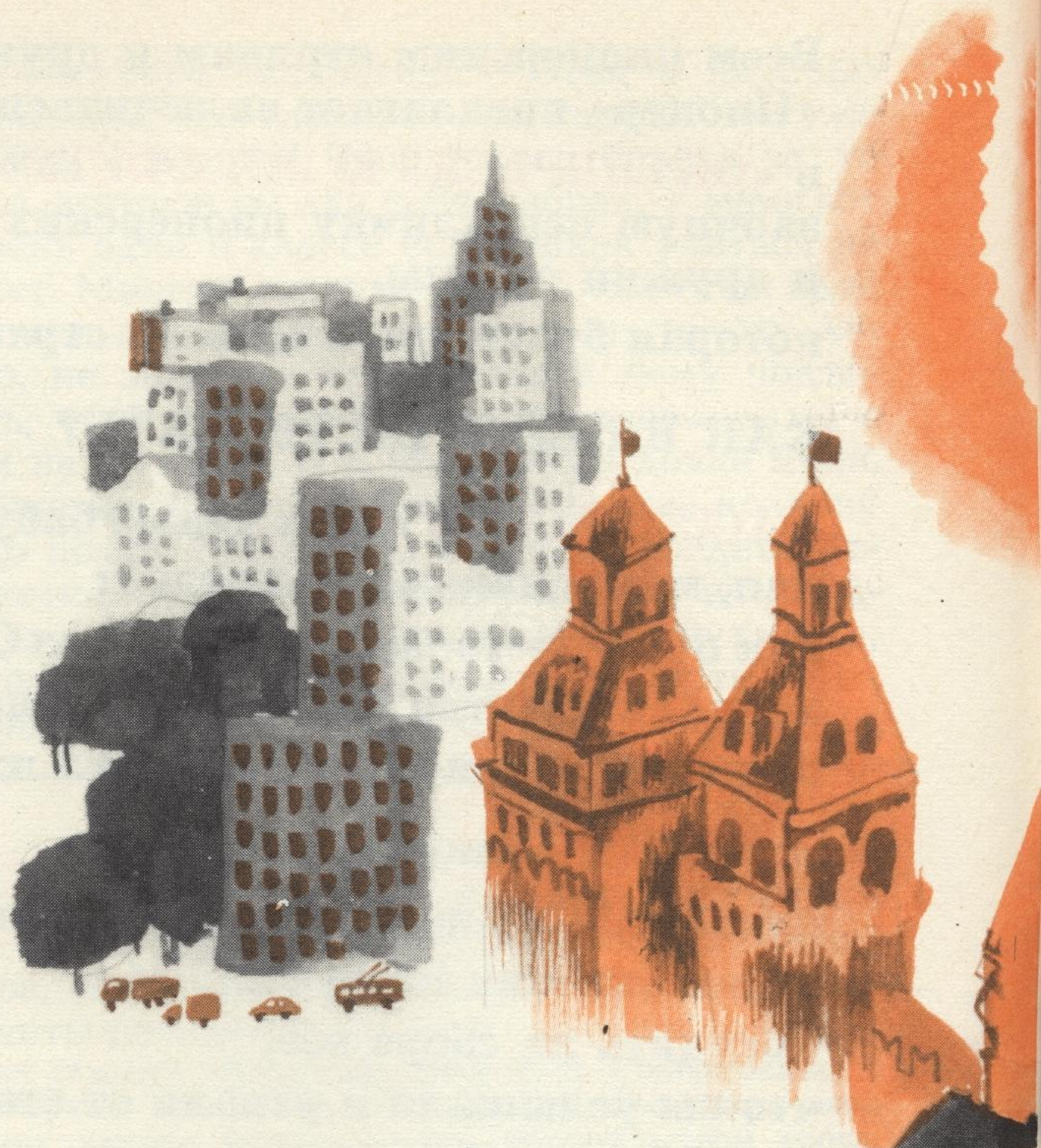

В мир прекрасного

Сильные, смелые, ловкие

Тимуровец

Звездочка

Олег Витальевич Беликов — интересный рассказчик. Он часами может говорить о том, как его дед и отец работали на шахте, как после войны его принимали на Урале в пионеры, как он был в Артеке. Он может рассказывать, как работал на целине в студенческом строительном отряде, как ему вручали медаль «За освоение целинных земель». Жизнь Олега Беликова связана с комсомолом. А это романтика трудных дорог, незабываемых встреч у походных костров и крепкая дружба.

Олег БЕЛИКОВ

Кремлевские башни

Мы как-то привыкаем к повседневности,
Великое
в сравнении видней.
В Кремле
среди творений русской
древности
Нагляднее
величье наших дней.
Я прохожу,
как будто завороженный
Истории реальной ворожбой,
Вдоль башен,
что связали
как положено
Свою судьбу
с Отечества судьбой.
Как полководцы,
мудрые и бравые,
Во все — без исключения —
века
Они на битвы праведные,
правые
Благословляли русские войска.
По снимкам
и по кадрам кинохроники
Я представляю сорок первый год:
Как шли потомки ратников
и конников
От этих стен
за Родину в поход.
Надеюсь,
больше беды не коснутся их.
Почетным караулом Ильичу
Все башни —
ветераны Революции —
Застыли у Кремля
плечом к плечу.

Уроки мужества

Звенят напряженные строки
Со сталью клинков наравне,—
Читают стихи на уроке,
Читают стихи о войне.
На нотах пронзительно тонких,
На чистой,
высокой струне,
Волнуясь, мальчишки,
девчонки
Читают стихи о войне.
О горе,
о горьких потерях,
О клятвах на верность стране,
О мужестве,
стойкости,
вере,
О жизни —
стихи о войне.
В них дней беспримерных приметы,
Дороги и судьбы в огне...
Сердцами и кровью поэтов
Писались стихи о войне.
Стихи сорок первого года,
Стихи о победной весне...
Как память,
как подвиг народа,
Бессмертны
стихи о войне.
Нет лучшего им примененья,
Чем это:
сейчас в тишине
Их дети
читают с волненьем.
Читайте стихи о войне!

Рисунок А. БОРИСОВА.

Горняцкая юность

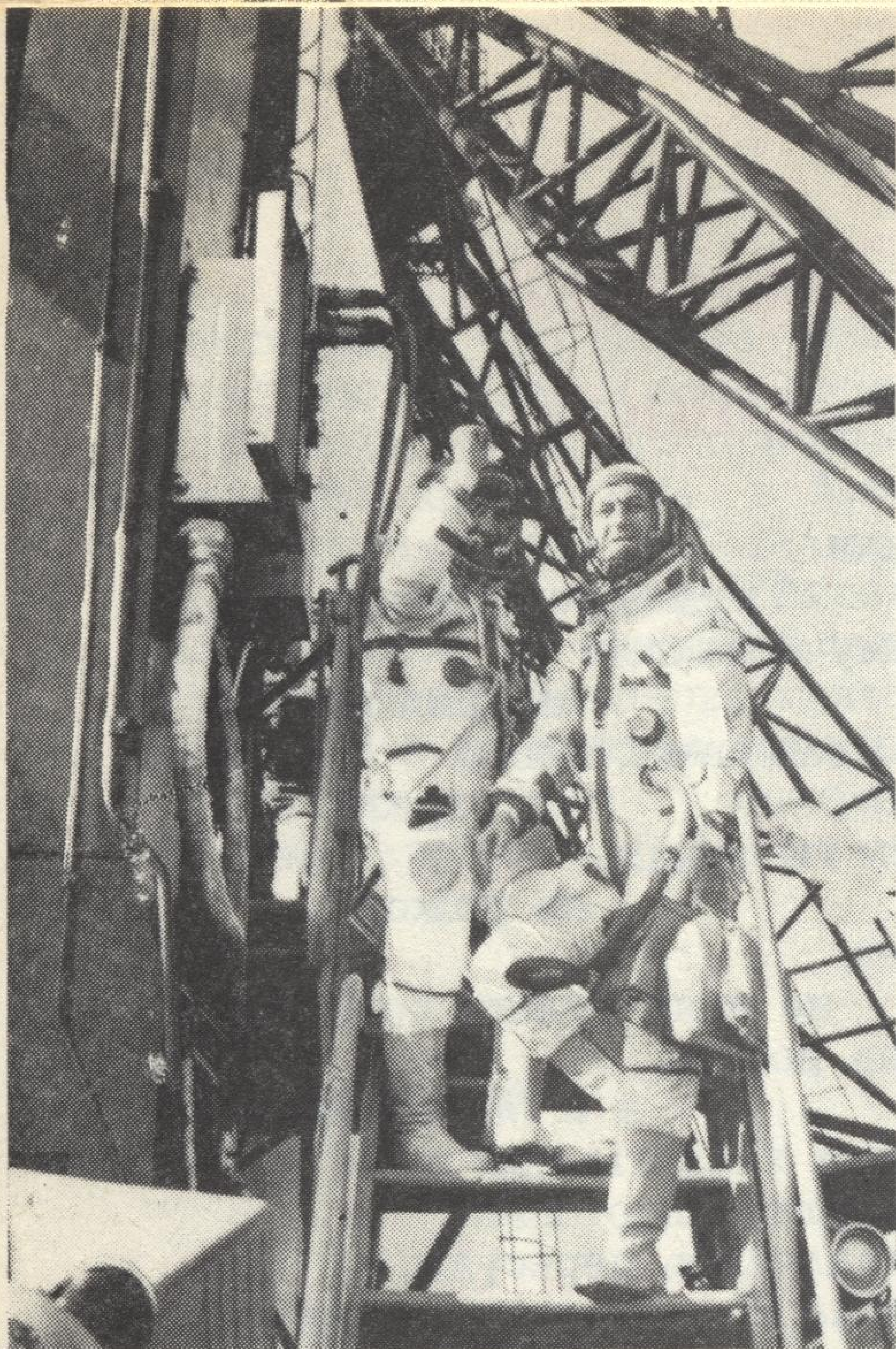
Пугали:
«Труд однообразен,
К тому ж опасен,
напряжен,
Там мало света, много
грязи,
Зачем ты лезешь
на рожон?»
Полез,
не вняв чужим советам,
Не на рожон,
а в глубь Земли.
Земные хлопоты при этом
По вертикали отошли.
И отдалились пересуды,
И стала ближе мне вдвойне
Земля,
дарующая чудо
Прикосновенья к глубине.
Стремился я не к славе —
к лаве,
Гордясь горняцкою судьбой...
И я сегодня вспомнить вправе
Свой первый—
угольный—
забой.

Солнечный камень

Он был когда-то деревом в лесу,
Весной — цветущим и тенистым —
летом,
Забрали годы зелень и красу,
И прочие привычные приметы.
Спустя немало миллионов лет,
Сменив названье,
качество и цвет,
Явилось углем дерево на свет —
Мы под землей его
открыли след.

«За то, что, люди,
вы меня добыли,
Освободили от пород и пыли,
За то, что вы свободу дали мне,
Я душу раскрываю вам в огне.
Сын солнца, я лучи его впитал
И столько эр о пламени
мечтал...»

Как он горел,
как солнечно блистал!
Вы видели, как плавится металл?

«В КОСМОСЕ, ЭТО МОЖЕТ

Так говорит космонавт Виталий Иванович Севастьянов о тех необычных обстоятельствах, в которые попадают космические путешественники, герои повести-сказки Е. Велтистова «Миллион и один день каникул».

Я познакомился с Евгением Серафимовичем Велтистовым, когда к пятилетию полета Ю. А. Гагарина готовился специальный выпуск звукового журнала «Кругозор» (Велтистов в то время был его редактором), посвященный героям первых космических полетов и создателям космической техники. Готовя этот выпуск, Велтистов встречался с замечательными людьми наших дней: учеными, конструкторами, космонавтами. Результатом этих встреч явились повести «Железный рыцарь», «Глоток Солнца» и многие очерки. В них автор с простой убедительностью рассказал о замечательных ученых и инженерах, решающих сложнейшие проблемы науки и техники, заглянул в наш завтрашний день.

Повесть-сказка «Миллион и один день каникул» Е. Велтистова повествует о необычных каникулах школьников будущего, которые они провели среди звезд, где один день может быть равен тысячам земных лет.

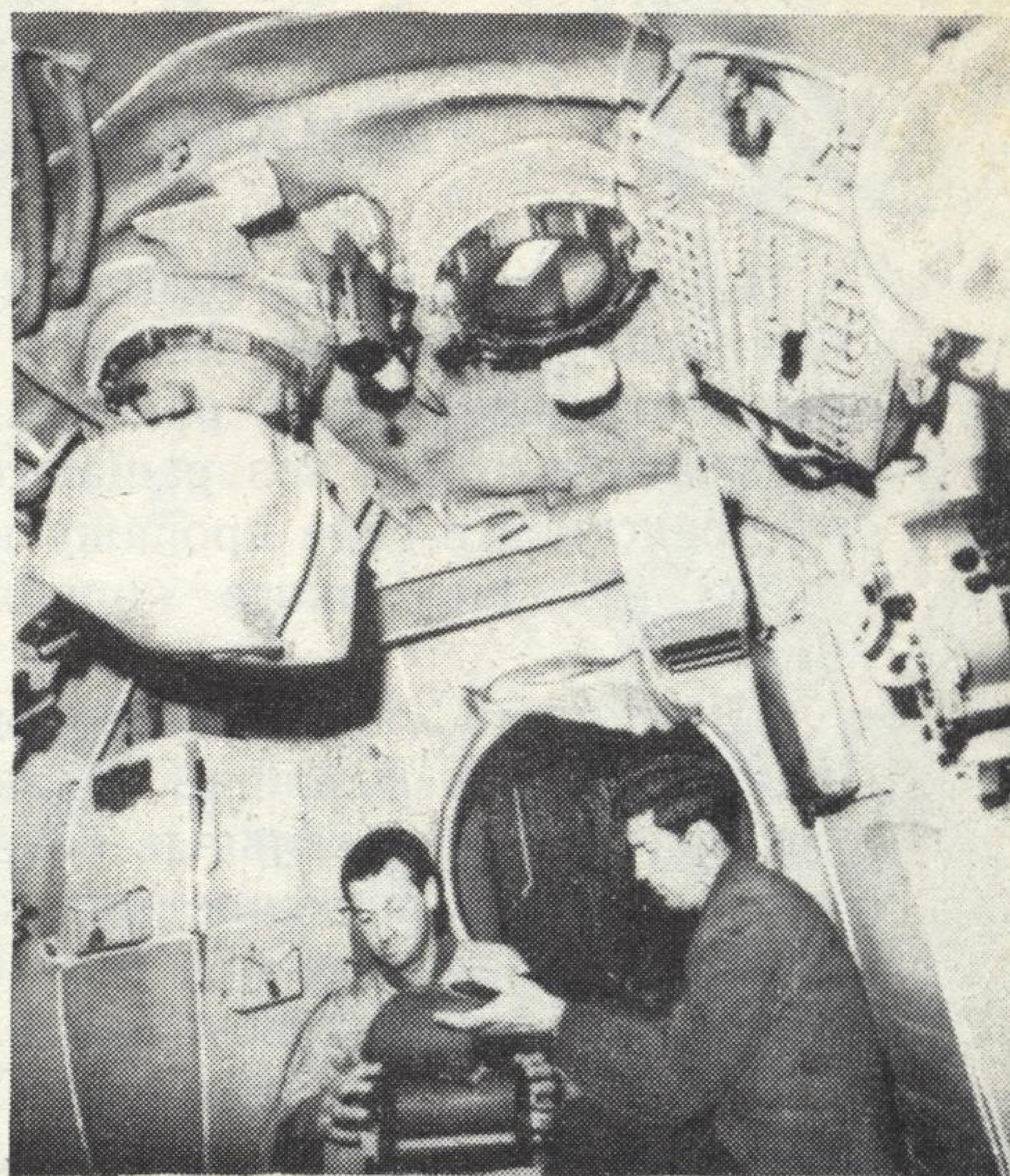
Корабль «Виктория», в котором летят три пятиклассника на встречу с родителями, работающими в дальнем космосе, попадает в сферу притяжения невидимой звезды — «черного карлика», или «черной дыры». С пассажирами происходят необыкновенные приключения: они встречают самих себя «вчерашних» и «завтрашних»...

Могут ли быть на самом деле, а не в сказке, такие необычайные обстоятельства, такие странные превращения времени и пространства? На Земле нет! Но в космосе, в тех его далях, куда сегодня заглядывает лишь глаз земного радиотелескопа, куда космонавты на борту орбитальных станций с высокой точностью направляют свои рентгеновские телескопы, там, говорят сегодня ученые, это может случиться. Это может случиться

В ЕГО ДАЛЯХ, СЛУЧИТЬСЯ...»

Виталия Ивановича Севастьянова, участника двух космических полетов, вы все хорошо знаете. На этих снимках — трудовые будни космонавтов В. И. Севастьянова и П. И. Климука. Так готовятся к полету космонавты нашего времени.

в будущих космических полетах на кораблях, летящих со скоростью, близкой к скорости света, примерно триста тысяч километров в секунду.

В современной науке существует гипотеза, по которой звезда, достигнув определенного возраста, может коллапсировать — взорваться. При этом часть ее массы может разлететься, а другая часть — схлопнуться, сжаться до очень малого объема. Вокруг нее возникнет мощнейшее поле гравитации, не испускающее фотонов — видимого света. Звезда для нас потухнет.

Но материя никуда не исчезнет. Она останется в виде мощного гравитационного поля — образуется «черная дыра».

Если это была двойная звезда, если рядом с ней, довольно близко, есть другая звезда, то свет этой звезды будет падать в «черную дыру». При этом возникнет ударная волна, которая будет посылать в пространство рентгеновское излучение.

Вот это самое рентгеновское излучение мы ловили на борту орбитальной станции «Салют-4» с помощью двух рентгеновских телескопов — «Филин» и «РТ-4». Мы исследовали пятнадцать рентгеновских источников и получили интересные результаты, которые сейчас обрабатываются и, возможно, подтвердят гипотезу существования «черных дыр».

Астрофизические исследования, в том числе и с борта космических орбитальных станций, дадут нашей науке новые данные о законах развития и жизни Вселенной. И прекрасно, что юные читатели, входящие в мир познания, могут познакомиться с этими проблемами в интересной повести-сказке Е. Велтистова.

В. СЕВАСТЬЯНОВ,
летчик-космонавт СССР,
дважды Герой
Советского Союза

Фотографии
А. ПУШКАРЕВА.

Тайный пассажир «Виктории»

В наши дни, когда Земля, как голубое маковое зерно, отчетливо видна с далеких планет, когда ежедневно стаи ракет уплывают с Земли в океан пустоты и возвращаются обратно, трудно представить себе пропажу космического корабля. Да еще такого корабля, как «Виктория»!

«Виктория», краса звездного флота, совершала броски в Ближний, Дальний и Конечный космос. Ее серо-стальные бока и крылья отполировал ветер разноцветных звезд; ее острый шпиль пронзал пустоту с беззаботной легкостью иглы, скользящей сквозь ткань.

Двигатели точно выводят «Викторию» к самой отдаленной цели, и специальные механизмы причаливают гигантский корабль в порту незнакомой планеты, к колесу космической станции или у порога жилища одинокого астронавта, затерянного среди звезд. Сотни историй записаны в судовом журнале о ближних и дальних рейсах «Виктории».

Но этот рассказ — о последнем путешествии, когда корабль, случайно попав в беду, не изменил своему знаменитому имени-девизу: «Победа!».

В космосе все на виду, словно в аквариуме. Телескопы, станции, спутники, корабли изучили звездный мир до последнего винтика. И ни один мастер небесной механики не мог, разумеется, предсказать, что первоклассный пассажирский лайнер исчезнет однажды в бесконечности из-за какой-то безумной крысы...

Космические крысы, проникшие на заре космоплавания в трюмы грузовых кораблей, внешне не отличались от своих морских предков: у них был такой же наглый вид, такие же острые зубы и длинный хвост. С виду крыса осталась крысой.

Когда космическая крыса бежит по летящему кораблю, хвост ее волочится, собирая космическую пыль. И это очень важное обстоятельство, если учесть агрессивный характер крыс.

Космические крысы привыкли странствовать на грузовых кораблях, чувствуя себя привольно в просторных трюмах. Пассажирский лайнер устроен более строго. И единственная крыса, отважившаяся перебраться с «грузовика» в лайнер, вела себя там очень осторожно. Даже всевидящий капитан «Виктории» Платон Вегов не знал о тайном пассажире.

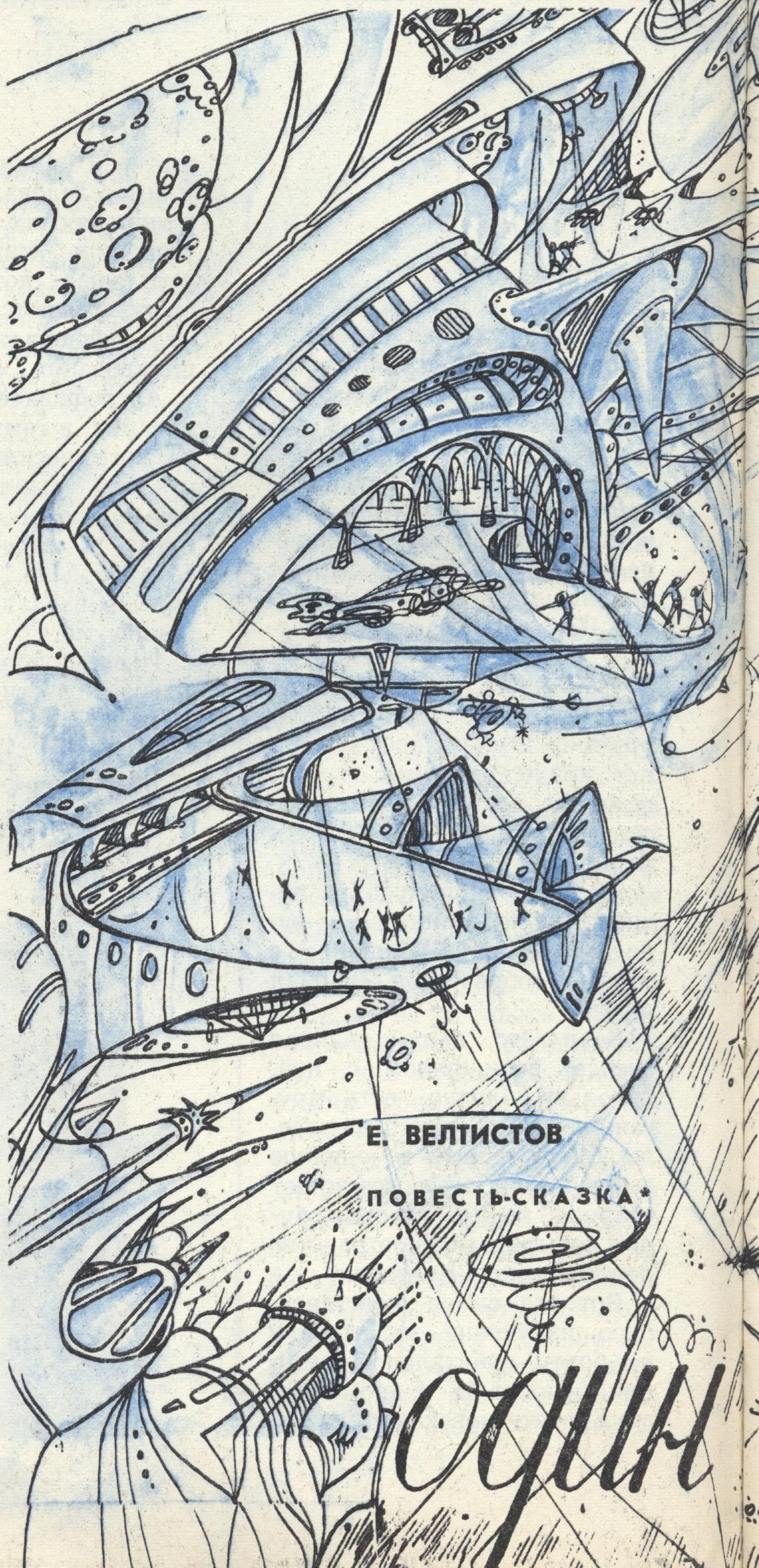
«Виктория» после взлета с Земли набирала скорость. Перед прыжком в Дальний космос.

Трое из ее пассажиров впервые поднялись над планетой. Они на прогулочной палубе, пятиклассники лесной школы Алька, Карен и Олег. Впрочем, они уже не школьники, а свободные люди, потому что сегодня первый день каникул. В большом полутемном зале, накрытом прозрачным куполом, ночная тьма и полмира звезд.

Совсем близко золотые яблоки звезд — светящиеся плоды на невидимых нитях. Кажется, протяни руку, оборви нить, и яблоко упадет в бездонный колодец, сыпля искрами, остывая на лету. Звезды — рядом и... далеко. И огромным видится из купола туманно-голубой шар Земли.

Алька прыгала по темным квадратам пола, на котором играли блики звезд. Олег рисовал световым карандашом на стекле тигра. И хотя на небесном своде не было такого созвездия, звезды точно легли в рисунок: тигр пристально смотрел зеленым и желтым глазами.

А Карен наблюдал звезды, представляя близкую встречу с отцом и матерью. Он ни на се-

* Печатается с сокращениями. Полностью готовится к печати в издательстве «Детская литература».

МИЛЛИОН
И
день каникул
Рисунки
В. РОГАНОВА.

кунду не забывал, что сегодня Родительский день.

Родительский день бывает раз в году. Где бы ни работали родители школьников — на горных ледниках, на дне океана, в марсианской пустыне, в звездном патруле, — к ним обязательно плывут, едут, летят гости. Их дети. И нет такой точки ни на планете Земля, ни во всей завоеванной человеком Вселенной, куда не сможет прибыть в назначенный час сын или дочь. Если даже отец и мать находятся в Конечном космосе, куда не прорвешься за один день, встреча назначается на полпути.

В Конечном космосе, на самой дальней космической станции, работали родители Карена и Олега. И мать Альки. Сейчас корабль их родителей делал бросок в Дальний космос — навстречу детям. Карен так представлял себе Дальний космос: очень скоро войдет он с товарищами в зал космической станции и увидит такие знакомые, целый год грезившиеся во сне лица. Мама бросится навстречу, обнимет его, а отец положит руку на плечо и с первого взгляда увидит, как Карен вырос и возмужал за долгий год разлуки.

Только к Альке не подойдет отец — он погиб на Конечной станции.

Карен не любит размышлять о том, что такое Конечный космос; в нем всегда живет чувство тревоги за родителей. А вот Алька будто не вспоминает ни о чем. Прыгает себе.

Вспыхнул свет. Огромная Земля за стеклом затуманилась. Тигр подслеповато прищурился. На палубу корабля вошел Пап. Словно наместник земного солнца в космической ночи: рыжая копна волос над голубым комбинезоном. Это и был Пап, воспитатель пятиклассников на время их Родительского дня, а на самом деле Павел Андреевич Прозоров, штурман корабля.

— Аборигены! Земляне! — весело сказал Пап. — Вы видите знакомую картину: Земля, Солнце и прочее... Из этого «прочего» делаем вывод, что Вселенная в основном состоит из звезд. Ясно? — спросил он.

— Урок природоведения, — бесстрастно парировала Алька.

— А теперь проверим на практике, — предложил вдохновенно Пап.

Земляне будто не слышали его.

Олег, не обращая внимания на Папа, легким взмахом руки начертил над тигром старинную избушку с завитком дыма из трубы, и тигр сразу превратился в домашнего тигренка, выглядывающего из открытой двери.

Пап остро чувствовал, как соскучились ребята по дому, по своим близким. Но где их дом? На Земле, в лесной школе, или в космосе, рядом с родителями?

— Предупреждаю, — строго сказал учитель, — скоро будет бросок в Дальний космос.

Ребята оживились. И Алька спросила:

— А глаза надо закрывать?

Тут между ног Папа на палубу проскользнул какой-то зверь. Зверь был голый и черный, он волочил за собой длинный мясистый хвост.

Зверь бросился прямо к ребятам. У него не было другого выхода: в сантиметре от кончика его хвоста мягко подпрыгивала серая кошка. За кошкой, цокая каблуками, семенила ее хозяйка, проворная сухонькая старушка.

Алька так отчаянно пискнула «ах», что это «ах» оторвало ее от пола. Мальчики застыли на месте, соображая, как им схватить зверя. Пап признал в беглеце корабельную крысу и ударом ботинка швырнул ее назад, через голову кошки.

— Держите ее! — всплеснула руками старушка, споткнувшись о крысу.

Мягко прогудела сирена.

Пап растерялся: он узнал старушку. Перед ним был оживший портрет из учебника, портрет доктора Сушкиной, всемирно известного зоолога новых планет. Портрет укоризненно вопрошал: «Молодой человек, зачем вы кидаете в меня зверем?»

Доктор ловко отбила ладонью крысу, дернула плечом: «Фу!»

В тот же миг вторично прогудела сирена, и все, кто был на палубе, поднялись в воздух: корабль делал бросок в Дальний космос. Алька снова сказала «ах». Мелькнули острые каблучки знаменитого зоолога. А мальчики, кувыркнувшись, запели старую, как мир, песню: «Не-ве-со-мость, не-ве-со-мость сразу съела всю слоновость...».

Никто не заметил прощального салюта звезд. Они неестественно удлинились, распустили огненные шлейфы, потом постепенно смазались, сверкнули напоследок пучком света и погасли. Земля, Солнце и весь Ближний космос, знакомый с детства, исчезли. Корабль как бы оказывался в пустоте.

Невесомость спасла корабельную крысу. От хлопка докторской ладони она завертелась волчком и ввинтилась в открытую дверь. Зато хозяйка кошки взлетела к самому потолку, повисла среди маскарада звезд, сердито кивая седыми буклями. Пап, извиваясь натренированным телом, плыл навстречу ребятам, командуя: «Машите руками и ногами, снижайтесь! Когда невесомость исчезнет, вы набьете себе шишки. Только шишек не хватает для Родительского дня...»

Но ребята не собирались снижаться. Они парили легче пера и хохотали, словно от легкой щекотки. Даже пальцем не шевельнули, чтобы снизиться. А Пап плыл к ним очень медленно.

По коридору быстрым шагом спешил длинный и белый, как цапля, корабельный стюард. Механический слуга в мягких магнитных ботинках легко преодолевал невесомость. Стюард поспешил на помощь пассажирам и, пробегая мимо крысы, лишь щелкнул ее по оскаленной морде: «С тобой потом...»

Ловко взбежал робот по изогнутой стенке и куполу потолка, подал руку доктору Сушкиной и осторожно посадил ее в кресло. Потом, балансируя в воздухе, стараясь не отделять подошв от потолка, стюард отбуксовал одного за другим ребят, помог Папу доплыть до кресла

и, наконец, выловил спокойную серую кошку и протянул ее хозяйке.

Кресла держали чуть взволнованных пассажиров. Кошка обрела свою хозяйку.

Вместе с гудком вернулась привычная тяжесть. Над головой вспыхнули новые звезды. Оттаяли все звуки. Корабль совершил бросок в Дальний космос.

— Итак, — строго сказала Сушкина, — надо немедленно поймать этого отвратительного грызуна.

— Сейчас, доктор, — согласился белоснежный стюард. — Он будет предоставлен в ваше распоряжение.

Сушкина обиделась.

— Можете оставить ее себе!.. Я имею дело с благородными животными...

Пап усмехнулся: доктор Сушкина изучала крылатых змей.

Робот побежал по коридору, туда, где в самом конце мелькнул черный хвост. Кошка выскользнула из рук хозяйки: она не надеялась на ловкость механического слуги.

Тут Пап обнаружил, что он плохой воспитатель: ребята незаметно исчезли.

ШАР ПУТИ

— Вот он!

Карен смотрел на свою ладонь. Загорелое лицо его чуть побледнело. На ладони лежал прозрачный шар с серебристой паутиной внутри.

— Шар Пути, — прошептал Олег.

Шар, поворачиваясь в руке Карена, сплетал и расплетал нити, и рисунок мгновенно менялся. Тысяча путей вели корабли к звездам, и где-то среди этих линий была тонкая нить «Виктории».

Все, что было завоевано за столетия космонавтикой, заключалось в этом простом и прекрасном Шаре. Он был драгоценнее любого земного алмаза, любой ювелирной находки с других планет, потому что таил в себе знания человечества о галактиках, звездах и планетах, гигантских туманностях и абсолютной пустоте, законах космического времени и пространства, так не похожих на земные.

Когда-то люди построили первые ракеты, запустили над Землей спутники и станции, высадили разведчиков на планетах Солнечной системы. С середины двадцатого века, после полета Юрия Гагарина, слово «космонавт» означало одну из самых почетных и трудных профессий.

Но звезды еще долго оставались такими же недосягаемыми для людей, как и тысячелетия назад. Пока не была открыта новая энергия для почти мгновенного преодоления пространства, пока корабли не стали делать скачки к звездам в известной человечеству Вселенной.

Серебристые нити в Шаре Пути были точными маршрутами кораблей. И если мозгом любого корабля являлась сложнейшая электронная система, отвечавшая за безопасность путешествия, за удобства, приятное самочувствие и спокойствие пассажиров, то управлявший машиной Шар можно назвать ее сердцем. Капитан и штурман полностью доверяли Шару.

В каждом корабле есть два Шара Пути. Один находится в машине. Второй хранится у капитана. Вот этот второй Шар Пути «Виктории» и лежал на ладони Карена.

Он взял его на несколько минут в пустой капитанской каюте. Шар таинственно светился за толстым стеклом, привлекая к себе мальчика. Карен знал ценность Шара. Он осторожно положил Шар в карман и поклялся вернуть его на место до того, как из штурманской рубки вернется капитан. Надо было изучить рисунки внутри Шара.

— Где наш маршрут? — деловито спросил Карен.

— Не так-то просто узнать, — протянул Олег.

— После Родительского дня запустим «Викторию» в дальнюю галактику? На самую границу Вселенной. Или еще дальше.

Олег оглядывается на Альку. Девочка сидит неподалеку у ручья, что-то рисует на песке.

— Все слышу. Мне безразлично. Куда вы, туда и я, — откликается Алька. — Карен, найди мне в Шаре Фроловскую галактику.

Карен морщит нос: какие глупости... Но на всякий случай спрашивает, не отрывая глаз от Шара:

— Есть такая?

— Отец говорил, когда я была маленькая, он открыл ее. Название дали потом...

— Ладно... Черти свои знаки. Может, и ты откроешь что-нибудь...

— А ты как думаешь! — дерзит Алька.

— Молчи!

Карен тихо свистит, и ребята ныряют под зеленый навес ветвистого дерева. Здесь как в беседке. Вот идет по дорожке Пап, видно, он кого-то ищет. Проходит в двух шагах от дерева, но ему и в голову не приходит, что его питомцы здесь, под ветвями. Воспитатель не скоро вернется: корабль огромен.

Сад «Виктории» — как маленький густой лес. Переплетение ветвей, крохотная полянка, спокойный ручей, синее небо, пятна солнечного света на земле — все, как дома, даже еловые шишки и шум листвы от внезапного ветра и пение невидимых птиц. Притягательная сила звезд влечет пассажиров в каюты, залы, на палубу. Прекрасный лес «Виктории» безлюден.

Карен достает из кармана карту галактик. Расстилает на траве. Три головы склоняются над картой. Хрустальный Шар переходит из рук в руки. Потом его кладут на гладкий срез пня. В лесу по-прежнему земная тишина...

Второй Шар, который хранился у капитана, был необходим для возвращения на Землю. Капитан отвечал за него головой.

Сейчас капитан «Виктории» сидел в своей каюте без головы. Точнее, голова знаменитого во всех галактиках Платона Вегова еще вен-

чала строгий капитанский китель с голубыми молниями нашивок, но, по мнению самого Вегова, это была уже не его голова. Голова курила короткую толстую трубку. Голова изучала пустой прозрачный ящик, где недавно лежал Шар Пути. За три десятилетия звездного плавания «Виктории» это был небывалый случай.

Полчаса назад капитан услышал шум в коридоре и вышел из каюты. Промелькнувшая торпедообразная крыса чуть удивила капитана: земных крыс он не видел с добрый десяток лет. Серую кошку он признал сразу: доктор Сушкина часто летала на «Виктории». А вот и сама хозяйка.

— Платон, кого ты развел на корабле? — крикнула, пробегая, старая знакомая. Пятна румянца выдавали взволнованность хладнокровного ловца крылатых змей.

В голове у капитана раздался какой-то странный звон. Вроде бы пробили невидимые склянки опасности. Капитан прислушался, тряхнул густой копной волос и направился в штурманскую рубку, чтоб отдать приказ помощникам, механикам, стюардам поймать наглую крысу, которая осмелилась забраться в лайнер, схватить живую или мертвую и предъявить ему лично.

По пути в штурманскую капитану пришлось посторониться, давая дорогу пассажиру с необычайно длинными усами. Усы едва умещались в коридоре, шелестели и вибрировали, задевая за стены. Такие усы капитан видел впервые.

Отдав распоряжения команде, капитан вернулся в каюту.

Он сразу заметил, что ящик пуст. Вторично пробили незримые склянки. Откуда-то издалека, словно указывая место похищенного Шара.

Стук в дверь заставил капитана подойти к пустому хранилищу, набросить салфетку. Он крикнул, чтоб вошли.

Бледный первый помощник держал в руке Шар. Но не пропавший, а другой, Шар из машины. Капитан Вегов сразу понял, что это он. Склянки, слышные ему, звенели непрерывно: на корабле чрезвычайное происшествие!

Помощник положил Шар Пути на капитанский стол. Шар сверкал, но был испорчен: вмятины и царапины нарушали равновесие галактик.

— Крыса! — мрачно произнес капитан.

Первый помощник утвердительно кивнул.

— Давайте мне все расчеты, — приказал капитан, доставая свою массивную трубку. — Надо обдумать, как доложить Земле...

Вегов курил взаперти трубку, поглядывал то на экраны, с графиками и расчетами, то на изжеванный Шар. Он не торопился вызывать Землю, где в космопорте хранился третий, контрольный Шар Пути «Виктории». Капитан еще надеялся на свою голову.

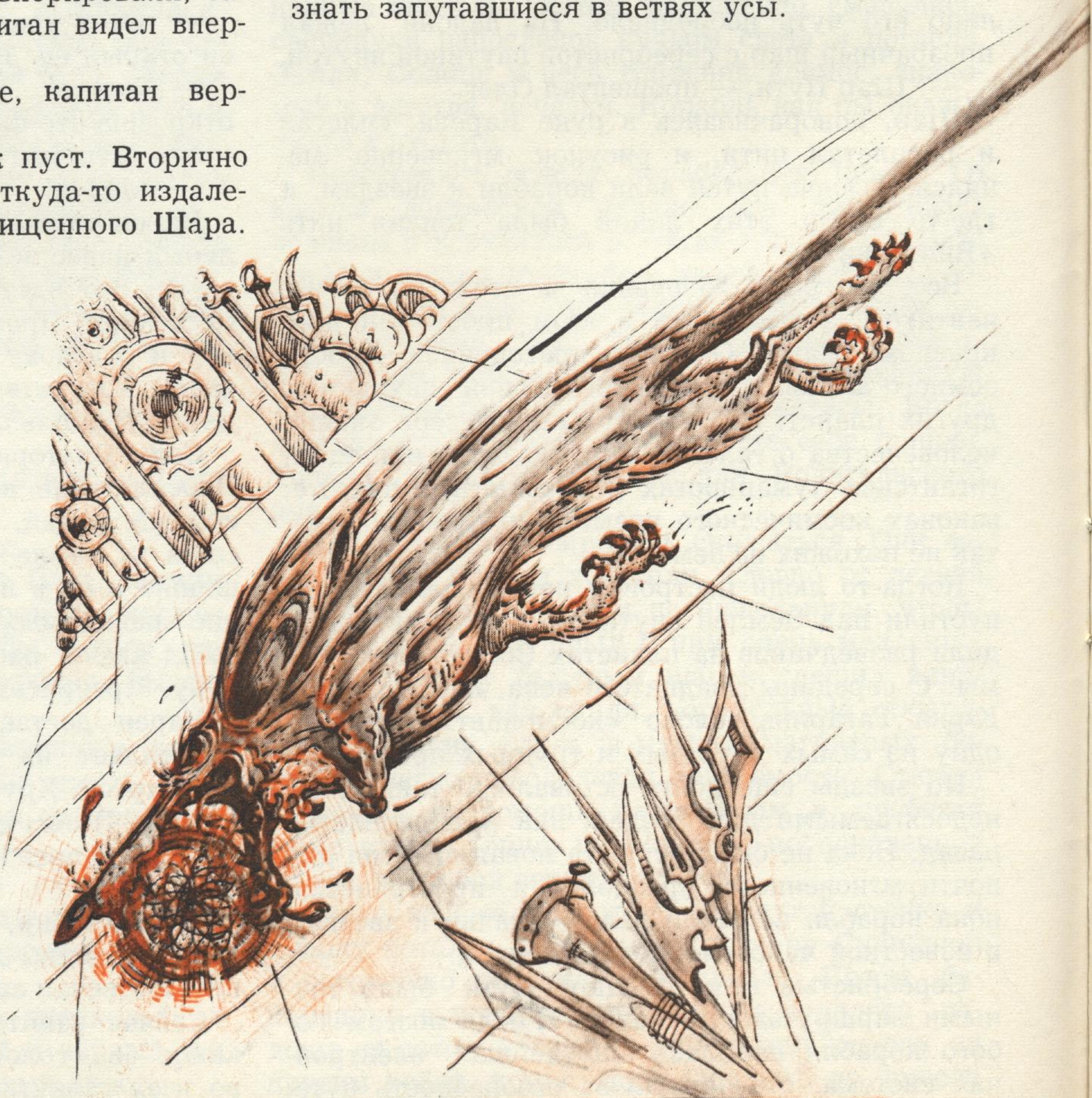
Самое важное было узнать, в какую часть Вселенной попала «Виктория» после того, как острые зубы прикоснулись к шару. Любая царапина при броске могла отнести корабль на миллиарды километров в сторону от цели.

Его предпоследничество

Сквозь кусты просунулись жесткие усы, большая ручища накрыла пень, на котором лежал Шар. Алька взвизгнула. Мальчишки с изумлением уставились на руку: каждый палец был унизан перстнем с драгоценными камнями.

— Забавно, — раздался раскатистый голос. — Точно такие яблоки растут в моем саду.

Рядом с пнем возвышались блестящие сапоги со шпорами. В сапоги был вставлен мундир с крупными, незнакомыми мальчишкам орденами. Далее следовал вытянутый нос, круглые хитрые глаза и что-то очень густое, воинственное, лохматое, в чем трудно было сразу признать запутавшиеся в ветвях усы.

Алька замерла. Карен шагнул навстречу неожиданному гостю.

— Отдайте. Это не яблоко.

— Зна-аю, что не яблоко, — насмешливо пропели усы. — Знаю и не отдам.

— Не ваша вещь! — отчеканил Олег.

— Прекрасная безделушка. — Окольцованные пальцы ощупывали Шар Пути. Он сверкал ярче, чем все драгоценности незнакомца. — Что у него внутри? — бормотали усы. — Похоже на звездочки.

— Не звездочки, а галактики, — поправил Карен.

— Ты смеешь учить меня, почетного академика всех в мире наук!.. В один миг я разгадал твой Шар, и теперь он будет сувениром в моей коллекции.

Ресницы Карена почти сомкнулись. Лицо выражало приветливость, даже радость.

— Почтенный академик, — Карен чуть ли не мурлыкал, — хорошо знает, что сувенир кладут в коллекцию после того, как он подарен.

— Юный ученик, вероятно, не знает основного правила моего государства, — в тон ему проговорил похититель Шара. — То, к чему прикоснулась королевская рука, принадлежит королю.

— Вы и есть Мышук Предпоследний? — спросил Олег.

— Называйте меня так: Его Королевское Величество Мышук Предпоследний, — представился король, пряча Шар в карман под орденом.

— В Тихом океане? — уточнил Карен, припоминая странную табличку на одной из кают.

— Этот океан вокруг моего королевства.

— Острова Тутик? — пискнула Алька.

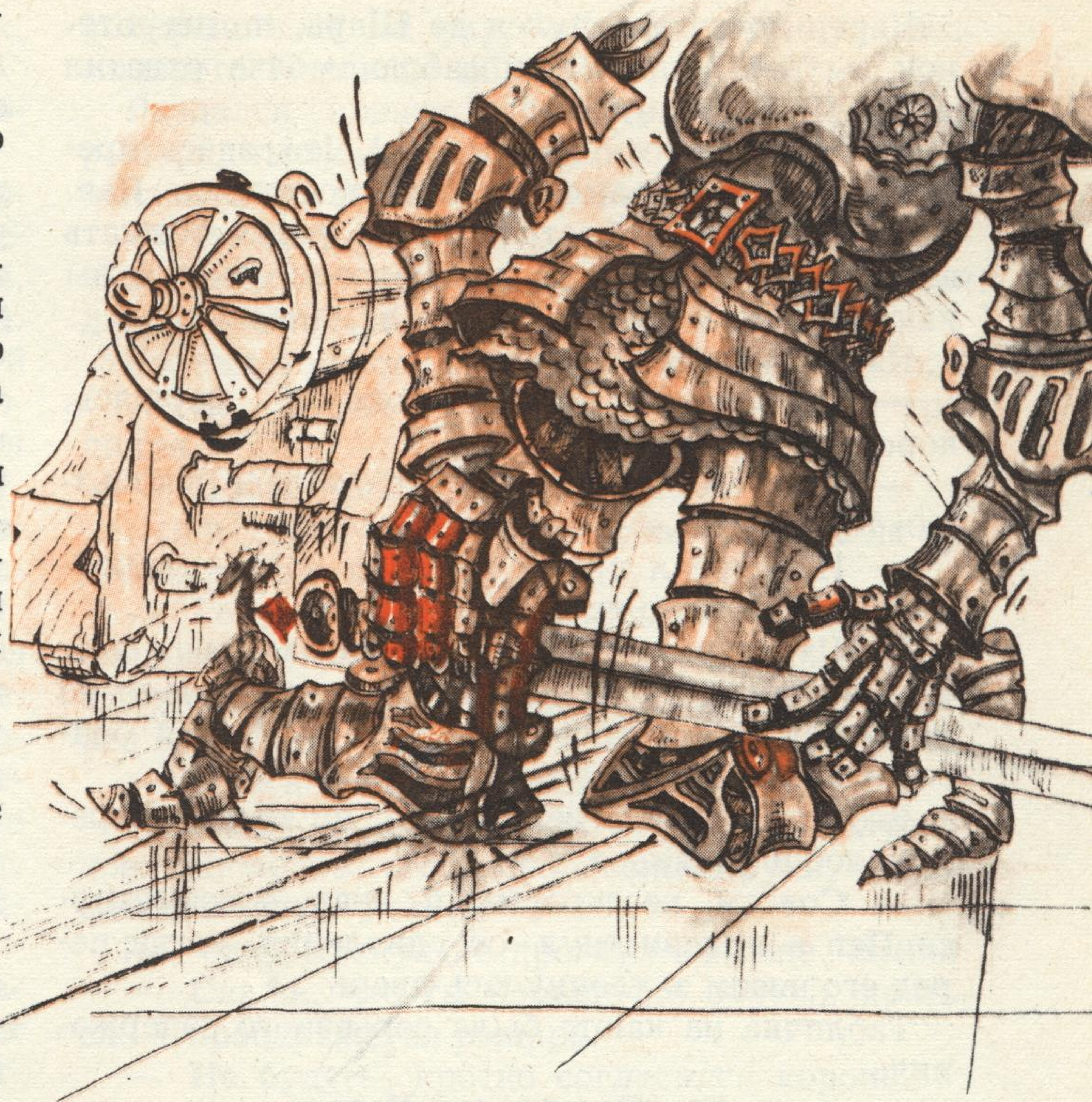
— Так обозначен на всех картах мой остров.

Его величество стоял перед ними, всем своим видом утверждая, что на планете Земля вопреки историческим законам сохранился один-единственный король. Правда, от его мундира исходил старинный запах нафталина, но ребята не знали, что такое нафталин. Спорить с королем, конечно, бесполезно: король — не настоящий академик.

— Помогите мне выпутаться из джунглей, — попросил король.

Ребята распутали усы, вслед за похитителем вышли из сада.

В зале его предпоследничество долго отдувался, пыхтел и махал руками, пока усы не приобрели обычный королевский вид.

Шар выпал из рыцарской перчатки, крыса подхватила его и помчалась в коридор.

— По ритуалу вы обязаны поблагодарить меня, — сказал король.

— Вот еще! — вспыхнула Алька. — За свой поступок вы должны извиниться!..

— Мы не на острове Тутик, — напомнил Олег.

— Там, где ступает король, на два метра вокруг его территория, — уточнил король, ища взглядом свою дверь. — А каюта, разумеется, целиком. Вот она, вторая дверь направо.

И король величественно направился на свою территорию.

— Но почему два метра? — не отступал Карен. — Неужели у вас такие длинные усы?

— Ровно два от конца и до конца. На этой площади я личность неприкосновенная. — Король поднял указательный палец.

— Неприкосновенная, — повторил Карен и подмигнул Олегу.

— Понятно, — сказал Олег, кивая Альке.

— Ой! — вскрикнула Алька. Она поскользнулась на гладком полу и неловко упала под королевские ноги.

Звякнули шпоры. Мелькнули в воздухе усы. Его величество Мышук Предпоследний перелетел через Альку и шлепнулся на живот.

Блестящий Шар выпал из кармана и покатился прямо к королевской каюте.

Распахнулась дверь. На шум выскочил мальчик негр с пестрой лентой через плечо и маленькой саблей на боку.

— Исиль, — закричал Мышук, лежа на полу, — хватай Шар, растяпа! Мой, королевский Шар.

Карен почти дотянулся до Шара, но негритенок выхватил из ножен саблю, молча схватил добычу и захлопнул дверь.

— Наконец-то я нашел вас! Что здесь происходит? — выпалил, внезапно появляясь, Пап. Солнечно-рыжий быстрый Пап успел обежать весь корабль. — Почтенный человек упал, а вы как каменные. Не узнаю вас, земляне...

Пап помог королю встать.

— Скользкий пол, — вздохнул, морщась, король.

— Под его величеством оказалась скользкая территория, — объяснил Карен.

— И он упал прямо мне под ноги, — закончила неприятную историю Алька.

— Пустяки. — Мышук лениво взмахнул усами. — Юные друзья помогли мне выбраться из джунглей. На острове Тутик за услугу я благодарю королевским знаком.

Его королевское величество щелкнул Карена в лоб и удалился.

— Совсем неостроумный знак, — возмутился Пап и присвистнул от удивления, когда перед его носом захлопнулась дверь.

Табличка на каюте была серьезного содержания:

Его Величество Король
Мышук Предпоследний.
Остров Тутик, Тихий океан.
Не беспокоить!

— Кажется, я где-то читал о Тутике, — протянул Пап. — Только король наверняка последний, а не предпоследний!..

— Музейная личность! — съязвила Алька. — Хвастается и дерется. Как он оказался в космосе?

— Больно? — спросил Пап Карена, у которого посреди лба сияла шишка. — Я подозреваю, что вы сильно насолили ему.

Карен мучительно переживал потерю Шара. Как он посмотрит в глаза капитану Вегову? Он считал себя человеком бывалым, а тут вдруг растерялся. И поделом получил щелчок! Палец его предпоследничества показал всю крепость королевской руки.

ВСЕ СНАЧАЛА

— Как успехи, дорогие астронавты? Вы уже в Дальнем космосе?

Николай Семенович, директор лесной школы, чуть насмешливо смотрит на них с большого, во всю стену экрана: мол, я далеко, один в стенах пустой школы, а все знаю о вас. Директор молодой, но уже математическое светило; про него говорят, что он по ночам программирует на бумаге не только занятия, но и все поступки своих учеников, даже их шалости.

— Все в порядке, — доложил Пап. — Летим.

— Родители летят навстречу, — сказал директор. — Многие ваши товарищи уже на месте. Желаю счастливого Родительского дня!

Камера переключилась на Марс, и они видели, как диктор разговаривает с диспетчером о других учениках.

Сегодня во всей Вселенной торжественный день для ребят. Повидаться с родителями, узнать, увидеть, как целый год они живут без тебя... Нырнуть вместе с ними в морскую впадину, поохотиться на осьминога, съехать с высоченной горы на лыжах, попрыгать в скафандре через малые лунные кратеры, отведать настоящей таежной ухи, увидеть погасшее солнце — все это предстояло испытать будущим подводникам, космонавтам, исследователям. Радости хватит на целый год!.. Потом самолеты, подлодки, ракеты доставят ребят обратно. И снова первое сентября, зима, весна, целый год до нового Родительского дня.

— Узнаю время прибытия, — сказал, поднимаясь, Пап. — Ешьте марсианские апельсины. Только чур не убегать!

— Шар, — мрачно напомнил Карен, едва Пап вышел. — Как вернуть Шар?

Они нашли в Шаре красную линию — обратный путь «Виктории». И вот, когда осталось тихонько вернуть шар, какой-то толстопузый король положил его в карман. Чего доброго, он решит вставить Шар в одно из колец вместо алмаза. Или нацепить его на королевскую шею.

— Там что, замедлилось время? — спросил Олег.

— История Тутика туманна, — философствовал Карен. — Маленький, затерянный в океане остров...

— Ничего вы не знаете, — произнесла Алька. — Тутик — это музей. Там оставили короля. Правда, не очень хорошего подобрали. — Алька вздохнула. — Я видела, как слуга вез ему тележку с завтраком.

— Какую тележку? — спросили мальчики. — Разве королю мало кухни-шкафа? Он что, обжора?

— Эх вы, совсем забыли древнюю историю. Король никогда не протянет руки, чтобы открыть какой-то шкаф. Ему надо все подать на стол! — Алька церемонно оправила платье, подпушила невидимые усы. — А потом его величество пожелает прогуляться по залам. Очень полезно после завтрака.

— Молодец, Алька! — Карен вскочил с кресла. — Мы встречаем короля и отнимаем Шар.

— Кто? Вы? — насмешливо спросила Алька. — Вы? — Алька презрительно оглядела своих приятелей. — Теоретик звездных миров, свободный художник... Так вас король и испугался!..

Теоретик и художник понурили головы.

— За мной! — скомандовала Алька.

Она привела их в полутемный исторический зал корабля...

Когда над Землей летали первые космические корабли, в них учитывался каждый лишний грамм веса приборов, даже рост и вес космонавтов, — слишком дорого стоили эти полеты. Короли тогда еще существовали на планете, но ни один король, конечно, не мечтал под-

няться в космос в парадном мундире и сапогах, это могло разорить его королевство.

Космонавты работали в космосе в тренировочных костюмах или скафандрах.

Теперь на кораблях есть сады, бассейны, картинные галереи, музеи, исторические залы. Человек, следующий на другой конец Вселенной, не расстается с привычной земной обстановкой. В часы полета он может отдохнуть на лесной поляне или побыть наедине с полотнами Леонардо да Винчи, Рембрандта, Репина. Человек спокойно глядит в миллионоглазый океан пустоты, он подготовлен к встрече с будущим, потому что вспомнил свое прошлое. Без прошлого, как известно, нет будущего.

Исторический зал «Виктории» не привлекал особого внимания наших путешественников. Здесь были собраны экспонаты, представлявшие разные эпохи планеты. Картины в золоченых рамах, оружие на стенах, древнегреческие статуи — все это было привычно для ребят. Но раз Алька сказала «за мной», история сразу приобрела таинственный смысл.

Алька спешит мимо сабель и ружей — значит, король не будет казнен, мимо маленьких пушек — значит, осада королевской каюты отменяется. Она останавливается возле железного рыцаря.

— Скорее, скорее, — торопит Алька мальчиков, — разбирайте доспехи.

Она влезает в стальные ботинки, пристегивает наколенники, натягивает железную кольчугу. Неловким взмахом металлической руки опускает забрало, делает два пудовых шага. Застывает у дверей, опершись на меч.

— Эй вы, по углам! — командует рыцарь глухим, совсем не Алькиным голосом. — Как только войдет король, приветствуйте его. И не показывайте носа.

Они ждали несколько минут. Наконец послышалось громкое сопение. Из-за колонн ребята увидели знакомые усы. Король после завтрака направлялся в привычный и приятный его душе мир прошлого, где он чувствовал себя не последним и не предпоследним, а самым обычным королем. Среди ружей, пушек, рыцарей, колесниц, фрегатов и прочей исторической утвари. Впереди короля бесшумно двигался черный слуга.

— Его величество король Мышук Предпоследний! — закричали во весь голос мальчики, едва Мышук подошел к дверям.

Король просунул в зал один ус, потом другой, хихикнул:

— Меня уже узнают. Люди помнят, как надо приветствовать короля, — обратился Мышук к слуге. — А ты, лентяй, целые дни молчишь! — И король дал подзатыльник негритенку

Черный Исиль и на этот раз промолчал. Он лишь крепче сжал рукоять своей маленькой сабли.

— Не смей обижать маленьких! — прозвучал глухой голос.

Король вздрогнул, огляделся. «Здесь никого нет», — пробормотал он. И чтоб проверить, не померещилось ли ему, король щелкнул безмолвного Исиля по лбу: «Вперед!»

Раздался скрежет и звон металла. Железный рыцарь, тысячу лет стоявший недвижно, вдруг покачнулся и шагнул к королю.

— Разве можно бить слабых? — замогильным голосом спросил рыцарь, загораживая дверь. — Отвечай!

Колени короля дрогнули, лицо вытянулось.

— Я... я... не нарочно... Просто такая традиция.

— Проси прощения у Исиля.

Исиль стоял завороженный: он никогда не видел железных людей.

— Го... господин рыцарь, — промямлил бледный Мышук, — я король... Последний, с вашего разрешения. Я не могу унижаться перед слугой.

— Проси! — потребовал рыцарь.

— Исиль, прости своего короля за случайное движение его королевской руки, — едва слышно сказал король.

Ни один мускул не дрогнул на лице Исиля.

— Скажи, что ты больше не будешь драться, — проскрежетал рыцарь.

— Не буду, — кротко согласился король.

— А теперь, — рыцарь сделал второй тяжелый шаг к королю, — верни Шар.

Король попятился.

— Меня грабят, — сказал он дрожащим голосом. — Меня лишают неприкосновенности.

Рыцарь протянул стальную перчатку, и король дрожащей рукой вложил в нее сверкающий шар.

Вдруг рыцарь завизжал тонким голосом, подскочил на месте и рухнул, гремя железными доспехами.

Между стальных ног пробежала крыса. Шар выпал из рыцарской перчатки, крыса подхватила его, и со всех ног помчалась в коридор.

Король, собрав в кулак усы, улизнул в свободную дверь.

Рыцарь стонал и попискивал под тяжеленными доспехами.

Каково же было удивление Исиля, когда рыцарь снял блестящий шлем...

— Ты слышал, Исиль, он дал честное слово не драться, — сказала Алька, глотнув свежего воздуха.

Исиль кивнул курчавой головой.

— Если он нарушит свое слово, скажи мне!

Исиль склонился в знак признания и ушел вслед за королем.

— Эх ты, — упрекнул Карен победительницу, — испугалась грызуна. Теперь придется все начинать сначала.

ЕРНЫЙ КАРЛИК

— В скверную историю мы попали, Паша. — Капитан Вегов из-под опущенных ресниц взглянул на Прозорова. — Говорю тебе откровенно,

Человек, следующий на другой конец Вселенной, не расстается с привычной земной обстановкой.

ющий
ец Вселенной,
с привычной
овкой.

как штурману. Нас занесло в неизвестный космос. «Викторию» притягивает черный карлик.

Пап прекрасно знал, что такое черный карлик.

Черный карлик — мертвая звезда.

Когда-то она была огромной белой звездой. Любой астроном, взглянув на ее снимок, мог сказать, что звезда нездорова, ее пожирает адский огонь и внутри у нее, как зерно в яблоке, зреет черная сердцевина. Однажды звезда взорвалась, обратив космическую ночь в яркий день, ослепив на мгновение все другие звезды. Свет ее закрутился в солнечные облака, которые потом упали на тяжелую сердцевину, погасли.

Это был тот случай, когда белое вдруг стало черным.

Холодный черный карлик невидим. Но он неудержимо притягивает все, что движется вокруг него: пыль, газ, метеориты, свет звезд. И только по нарастающей скорости падения можно узнать, что ты пленен черным карликом. Вот почему ученые называют такие звезды «черной дырой»: в эти «дыры» постоянно втекает известная людям материя и «проваливается» безвозвратно.

Капитан включил обзорный экран, и открылись небесные владения черного карлика. Привычного для глаза землян «космического неба» не существовало. Большие бледные луны со всех сторон окружали корабль, и белого было значительно больше, чем черного: «Виктория» плыла в голубоватой мгле, в океане звезд, внутри звездного шара.

Машина корабля рассчитала, что прежде черный карлик был больше Солнца, и когда он погас, его масса стала сжиматься с большой скоростью. Самая слабая сила во Вселенной — сила притяжения, или гравитация, — оказалась самой могучей: звезда сжалась, как воздушный шар, из которого выпустили воздух, и любая частица внутри нее размером с кончик иглы весила миллиарды миллиардов тонн.

Окружавшие черный карлик звезды можно было назвать «солнцами наоборот»: лучи их струились не наружу, а внутрь, к тяжелому мертвому карлику, и тотчас гасли, прикоснувшись к нему. Впервые люди наблюдали такие солнца.

— Торжественная иллюминация, — спокойно произнес капитан, разглядывая необычную картину.

— Надо вернуться назад! — предложил Пап.

— Скоро мы узнаем, сможем ли вообще вернуться, — загадочно ответил капитан «Виктории». Он соединился с помощником. — Передайте, пожалуйста, наши координаты Земле и кораблю «Альфа», который летит нам навстречу.

— Кажется, я догадываюсь, кто похитил Шар, — вспомнил Пап. — Когда король упал, у него из кармана вывалилось что-то блестящее.

— Это тот, с гвардейскими усами? — припомнил капитан.

— Что за глупые сравнения! — проворчал кто-то из-за двери.

Капитан распахнул дверь и наткнулся на двухметровые усы.

— Нехорошо подслушивать, — заметил капитан.

— Но вы оскорбляете достоинство короля, — обиженно произнес незнакомец. — Усы моих гвардейцев — жалкая трава рядом с королевскими.

— Незнаком с правилами вашего королевства, — улыбнулся капитан.

— Я очень спешу и требую, чтобы корабль прибыл вовремя, — продолжал воинственно Мышук.

— Учтем вашу просьбу.

— И, наконец, самое важное, зачем я пришел к вам, — таинственно сообщил король: — я знаю, кто украл Шар.

Тут король вспомнил свое постыдное бегство, и у него стало кисло во рту. Он достал из кармана прозрачное яблоко, вытер его платком.

— Вот Шар! — воскликнул Пап.

— Из моего сада, — пояснил король, с хрустом надкусывая яблоко. — С острова Тутика. Прекрасно сохраняется.

— Приятного аппетита, — пожелал капитан. — Так кто похититель?

Король вздрогнул, прошептал:

— Железный рыцарь.

Пап и капитан переглянулись.

— Не верите! — обиделся его величество. — По вашему кораблю разгуливают железные грабители, а вы в это время гадаете на звездах... Слово короля.

— Королевское слово не шутка, — согласился капитан. — Покажите нам этого загадочного пассажира.

В историческом зале король указал пальцем на железную фигуру в темном углу и спрятался за спину капитана.

— Это он.

Вегов подошел к железному рыцарю, щелкнул пальцем по металлу. Рыцарь не шелохнулся.

— Историческая древность, — пояснил капитан. — Доспехи средневекового рыцаря. Пожалуйста, взгляните, товарищ пассажир.

И откинул забрало.

— Странно... Еще недавно он нагло угрожал мне...

Внезапно король отскочил, испуганно взмахнув усами. Внутри железных доспехов что-то глухо загудело. Рыцарь словно ожил...

Качнулось на стенах оружие, шевельнулись фигуры на картинах, красивые лица статуй осветились внутренним огнем, беззвучно выплюнули пламя маленькие пушки...

И снова все замерло в историческом зале. Но это уже был не зал корабля. Словно расплылись стены «Виктории», и не темнота космоса, а земная зелень, небесная голубизна окружали капитана и его спутников.

Капитан увидел бескрайнее поле и странные, похожие на неуклюжих стрекоз, машины. Рас-

кинув крылья, волоча по земле хвост, стрекоза заскользила по траве, рывком оторвалась от земли, взмыла в воздух... Вслед за стрекозой другие машины, отдаленно напоминавшие «Викторию» — длинноносые, с загнутыми назад крыльями, — штурмовали небо... И вот взмыл вверх фейерверк ракет...

В тот же момент штурман увидел море и старинные галеры. Галеры плыли по волнам, гребцы взмахивали деревянными веслами, а какой-то человек, стоя на палубе, вглядывался в ночное небо, определяя путь по звездам...

Король изумленно вскрикнул:

— Тутик! Мой Тутик.

Он узнал пальмы и хижины, пламя костров и пляски под стук барабана. Первобытно-прекрасный, знакомый по песням дедов древний Тутик, когда там еще уважали королевскую власть, неожиданно оказался в нескольких шагах, — протяни только руку! И король протянул руку к своему Тутику, сделал шаг и убедился, что чудес в космосе не бывает: остров испарился.

Король чуть не плакал. Тесные стены окружали его. И сторожил дверь противный, железный, то живой, то мертвый рыцарь.

— Что это было, Платон Евсеевич? — спросил удивленный Пап.

— Карлик, — бросил капитан, — его шутка. Теперь я не сомневаюсь: черный карлик совсем рядом.

— «Черная дыра»? — пробормотал король. — Откуда она на нашем пути?

Капитан удивленно посмотрел на странного пассажира: неужели он знает, что всемогущий карлик на один миг может перенести из Тихого океана в космическое пространство целый земной остров?

— Сейчас выясним, — сухо сказал капитан.

— Пожалуй, пойду собирать вещи, — заторопился Мышук. — Сообщите, пожалуйста, когда мы прибудем.

ДВОЙНИКИ В ПЕТЛЕ ВРЕМЕНИ

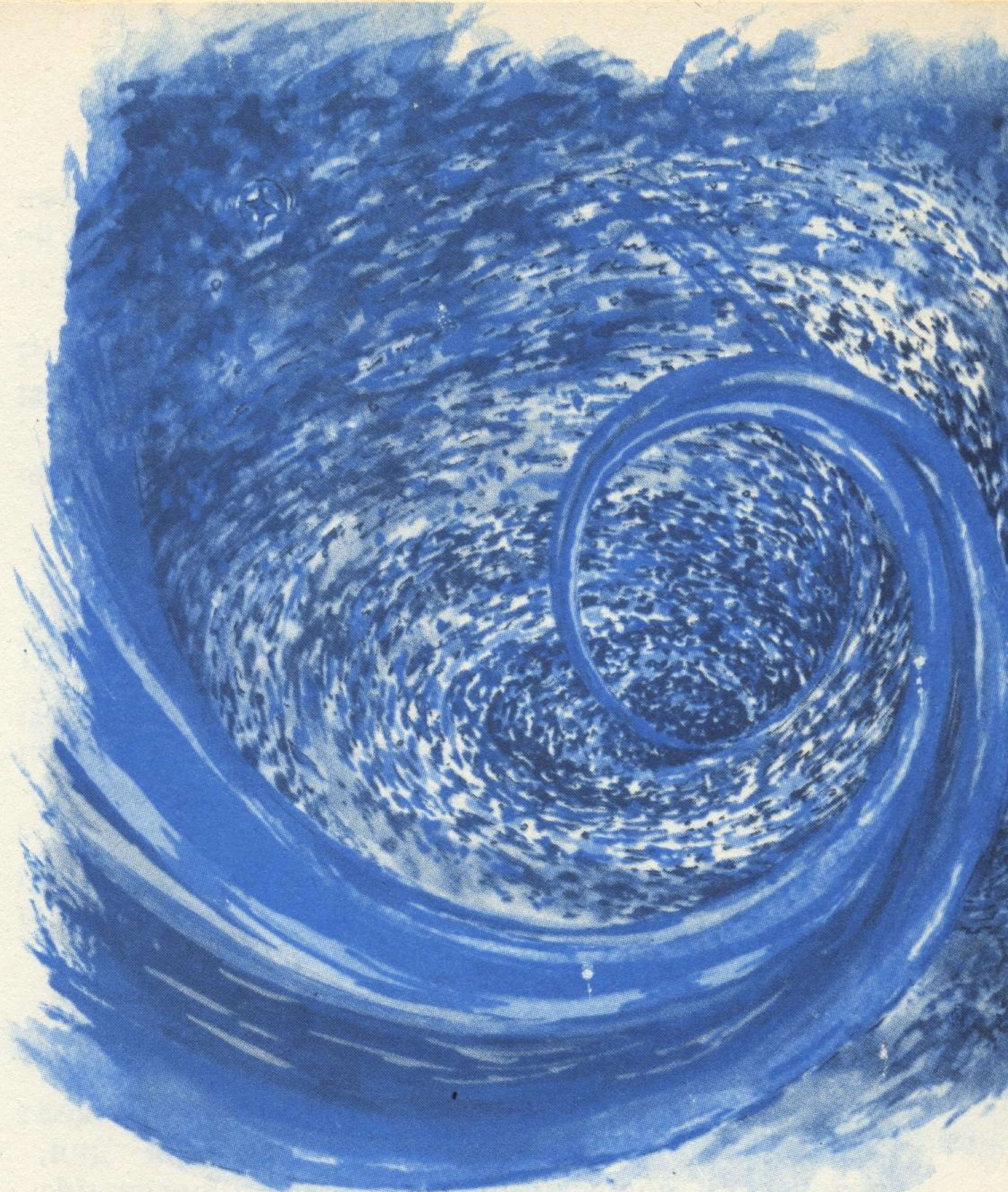
На двери королевской каюты не было привычной таблички: «Его Величество»... Король рассердился. Рывком распахнул дверь и остолбенел. Посреди каюты в мягком кресле покоились его усы. Король ощупал лицо: усы были на месте. Но чьи же тогда усы в кресле?

— Па-азвольте, — гневно сказал король, — кто вы такой и что делаете в моей каюте?

Усы взметнулись над креслом, и король увидел двойника. Вместо ответа двойник протянул табличку, которую он, видимо, снял с двери и успел быстро подделать.

«Его Величество Король Мышук Предпредпоследний», — гласила надпись. Далее следовал тот же адрес в Тихом океане.

Его предпоследничество растерялся.

— Карлик,— бросил капитан,— его шутка. Теперь я не сомневаюсь: черный карлик совсем рядом.

— Но ведь это я король Тутика, — сказал он, уставясь на табличку.

— И я король Тутика, — вторил его голосом двойник.

— Предпоследний, — уточнил король, взбивая привычно усы.

— А я — предпредпоследний. — Двойник точно повторил его жест.

Предпоследничество внимательно оглядел соперника: мундир, островные ордена, единственные в мире усы — никакого сомнения в том, что случайный незнакомец может претендовать на Тутика; внешность короля хорошо знакома всем его подданным.

— Та-ак, — протянул настоящий король, глупо улыбаясь. — И вы намереваетесь вернуться обратно на Тутик?

— Конечно.

— В таком случае вернется один из нас.

Мышуки стояли друг против друга, воинственно вздернув великолепные, неповторимые усы. Они были схожи до последнего волоска.

— Дуэль? — поднял брови его предпоследничество.

— Разумеется, — отпарировал его предпредпоследничество. — В шашки.

— Принимаю вызов. Это и моя любимая игра. Исиль, шашки!

— Исиль, шашки!

Мышук Предпоследний снова изумился: двое черных слуг вынырнули из-за ширмы с шашками в руках. Аккуратно раздвинули доски. Расставили кругляши. Вытянулись и застыли.

— На что играем? — нагло спросил лжекороль.

— На королевство!

— В поддавки?

— В поддавки.

В три минуты его предпоследничество продул королевство сопернику.

Королевский сад с прозрачными наливными яблоками улетучился на глазах Мышука. И бывший владелец Тутика с отчаянием в голосе спросил:

— Почему вы играете в поддавки лучше меня?

— Вероятно, потому, — отвечал новый хозяин острова, — что я раньше вас играл в последний раз. Значит, у меня больше опыта.

— Когда это было?

Победитель взглянул на часы.

— Два дня, два часа и сорок минут назад.

— В воскресенье?

— В воскресенье. С премьер-министром. В собственном дворце.

— Странно, я тоже играл в воскресенье с моим премьер-министром. — Экс-король развел руками. — Турнир проходил ровно три дня, два часа и сорок минут назад. Сегодня у нас среда.

— Вторник.

— Ничего не понимаю. По моему календарю среда.

— Нет, вторник...

Минут десять спорили короли, пока победитель величественным взмахом усов не указал на дверь:

— Прошу удалиться с моей территории.

Мышук взял свой чемодан и поплелся к выходу. У порога он обернулся.

— Скажите, зачем вы сменили табличку?

— Слово «предпоследний» в своем титуле считаю оскорбительным. — Новый король поднял палец. — Сегодня предпоследний, а завтра... Понимаете? Хотя вы ловко загримировались под меня, я прощаю вас...

Изгнанный Мышук возмущенно хлопнул дверью.

Он ворвался без стука в капитанскую каюту, бросил чемодан и замер: перед ним были два одинаковых человека в кителях с нашивками капитана.

— Простите, кто из вас Вегов? — тяжело дыша, спросил Мышук.

— Я, — ответили хором капитаны. — Что случилось?

Король плюхнулся в кресло. Исиль замер рядом.

— Я только что проиграл свой Тутик какому-то нахалу с моими усами... Уверяю вас, что это лжекороль!

Один из Веговых представил второму Мышука:

— Пассажир из девятой каюты. По происхождению король.

— Не знал, что в космосе есть короли, — улыбнулся двойник капитана.

— Прошу принять меры! — настаивал король. — В конце концов, кто из вас настоящий капитан?

Веговы, весело попыхивая трубками, смотрели на короля. Один из них спросил:

— А какие, собственно, принять меры?

— Установить личность и изгнать лжеца с корабля!

Веговы переглянулись.

— Постарайтесь понять ситуацию, — серьезно сказал капитан, который сидел ближе к королю. — Я Вегов сегодняшний, а он Вегов вчерашний... Черный карлик, о котором вы знаете, сильно искривил наш путь, и мы как бы вернулись во вчерашний день...

— Петля времени? — воскликнул Мышук. — Только и всего? А я решил... — И король от души захохотал.

Можно было подумать, что король не раз уже бывал в незнакомом людям космосе. За всю историю космоплавания немногие земляне имели встречи со своими двойниками, попав в пространство и время с особыми свойствами.

Как известно, возле массивных космических тел, например, вокруг Земли, любой снаряд, спутник, корабль летит под действием силы тяготения по кривой линии. Но его путь считается прямой линией в искривленном пространстве — времени. Как же сильно искривляет пространство и время гигантская звезда, уплотненная до малых размеров! А потухший карлик недаром называли «черной дырой»: возле него свойства пространства и времени могли оказаться гораздо сложнее, чем это представлялось раньше людям. Во всяком случае, капитан Вегов не очень удивился, застав в каюте второго самого себя. Он объяснил Вегову-вчерашнему обстановку, и они вместе стали размышлять, что делать дальше.

А король все хохотал. Наконец-то он догадался, что проиграл Тутик самому себе. Он встал с кресла, привел в порядок усы.

— Пойду отыгрываться, — объявил Мышук, подмигивая капитанам. — Прошу извинить за беспокойство.

И Мышук в сопровождении Исиля удалился, не забыв взять чемодан.

— Петля времени, как я подозреваю, только начало фокусов черного карлика, — сказал Вегов-сегодняшний. — Не будем терять времени.

— Время в данном случае исчезло, обратилось в пространство, совместив корабли и нас с вами, — высказал свое предположение Вегов-вчерашний. — Впрочем, «сегодня» и «вчера» — очень условные понятия: в любой момент вы или я можем исчезнуть. Давайте думать, как миновать «черную дыру». Ведь я попаду вскоре в ту же историю...

«Можно ли миновать «черную дыру», пронестись над самой поверхностью звезды? — такой вопрос задал капитан корабля электронному мозгу. — Хватит мощности двигателей?»

Машина принялась решать задачу и сообщила свои наблюдения о черном карлике. Солнеч-

ный ветер звезд, который летит к карлику, закручивается возле него в вихрь, гаснет, потом светится в форме диска. Сама черная звезда не различима. Со временем она, видимо, поглотит ближние звезды.

Но куда уходит все это через «черные дыры»? Куда все втекает? В какую мастерскую природы ведут таинственные тоннели Вселенной?

— А если сигануть в дыру? — предположил Вегов-вчерашний.

— Вы полагаете сесть на звезду-карлик? — уточнил Вегов-сегодняшний и напомнил: — Ее поверхность жидкая. При тяжести в миллион раз больше земной все крепчайшие материалы текут, как вода. Мы будем раздавлены такой тяжестью. А у меня на борту школьники.

— Я никогда в жизни не видел «черной дыры», — сознался второй капитан, — и потому высказал безумный проект. Вспоминаю из прочитанного, что падение с высоты в один сантиметр на звезде-карлике равно падению с вершины Эвереста в земных условиях. Если же нам удастся пролететь мимо карлика, даже на высоте в несколько километров, мы останемся живы.

В этот момент помощники капитанов доложили по громкосвязи, что корабль «Альфа» делает бросок вслед за ними — к черному карлику. Им пришлось придать своему Шару Пути ту же форму.

— Я не сомневался в таком исходе, — сказал капитан «Виктории» двойнику. — Родители есть родители...

Школьники беседовали в каюте с самими собой. Они сразу выяснили, кто из них я-вчерашний, а кто я-сегодняшний, и не очень удивились этой встрече: ведь они впервые находились в космосе и были готовы к любым неожиданностям.

— Карен, ты поступил плохо, ты стащил Шар у капитана. Наша ракета сбилась с пути.

— Я знаю, что плохо. Мне стыдно, Карен. Я не могу придумать, как поймать злую крысу. Ее стережет вся команда. Что я могу?

— Конечно, и я виноват. Я знал о Шаре Пути. Думал о нем всю ночь. Наверно, и я бы не удержался, взял на минуту посмотреть... Кто мог подумать, что попадется на пути король, а потом крыса...

— Ты не прав, Карен. Я чуть старше тебя и знаю, что виноват только я. Ведь я взял Шар, чтоб запустить «Викторию» на самую границу Вселенной. А получилось еще хуже. Как же теперь ребята, их родители, Родительский день?..

...— Олег, ты слышал, что Родительский день отменяется? Мы залетели случайно в какую-то «дыру».

— Жаль, конечно, но мне очень нравятся твои новые рисунки. Таких звезд я никогда не видел. Наверное, самое главное для художника — создать то, чего никто не видел.

— Первый раз я нарисовал совсем новое и не смогу показать маме. До сих пор посылал ей рисунки нашего дома. Ты знаешь... сколько я нарисовал домов, Олег?

— Миллион миллионов домов — и все зря: Родительский день сорвался. Виноват, конечно, Карен.

— Не говори так. Мы все виноваты, потому что мы товарищи...

...— Чего бы ты хотела больше всего, Алька?

— Я? Не знаю... Нет, знаю! Я беру ножницы и иду навстречу черному карлику... Понимаешь, Алька?..

— Понимаю тебя... Только иди осторожно. Подберись к нему поближе. Карлик не должен почувствовать лезвий ножниц...

— Подхожу, затаив дыхание... Раз — обрезана нить! Ура! Карлик улетает в бесконечность. А мы свободны и вместе с мамой летим в галактику...

— В нашу галактику?

— В нашу, Фроловскую...

...— Карен, я думаю, надо признаться!

— Я согласен с тобой, Карен. Идем к капитану!

Мышук Предпоследний выигрывал у своего соперника шахматную партию. Он был уверен, что останется владельцем Тутика, и ему было приятно выигрывать у самого себя.

— Где вы научились, ваше пред... предпоследничество, так хорошо играть в шахматы? — благодушно спросил настоящий Мышук.

Мышук предпредпоследний рассказал, что шахматы с незапамятных времен были запрещены в его королевстве, считались игрой подстрекательской, поскольку на доске шла охота за королем. Но именно он, Мышук, сделал решающий шаг — отменил устаревший указ...

Мышук предпоследний, хитро улыбаясь, сделал коварный ход. Он с интересом наблюдал за собой: что за самоуверенный тип сидит перед ним! Неужели этот человек всерьез считает себя пупом земли?.. Космос действует оздоровляюще...

— Кстати, ваше пред... предпоследничество, — мурлыкал дружески Мышук, — вы были когда-нибудь счастливы?

— Был. — Мышук-вчерашний на мгновение оторвался от доски, смутился. — Ровно сорок лет назад. У меня родился сын... Но какое это имеет отношение к предмету спора?

— Самое непосредственное. Потому что ровно сорок лет назад у меня родился сын. Наследник Тутика.

— Позвольте, наследник Тутика — мой сын. Кстати, он здесь совсем рядом — среди звезд.

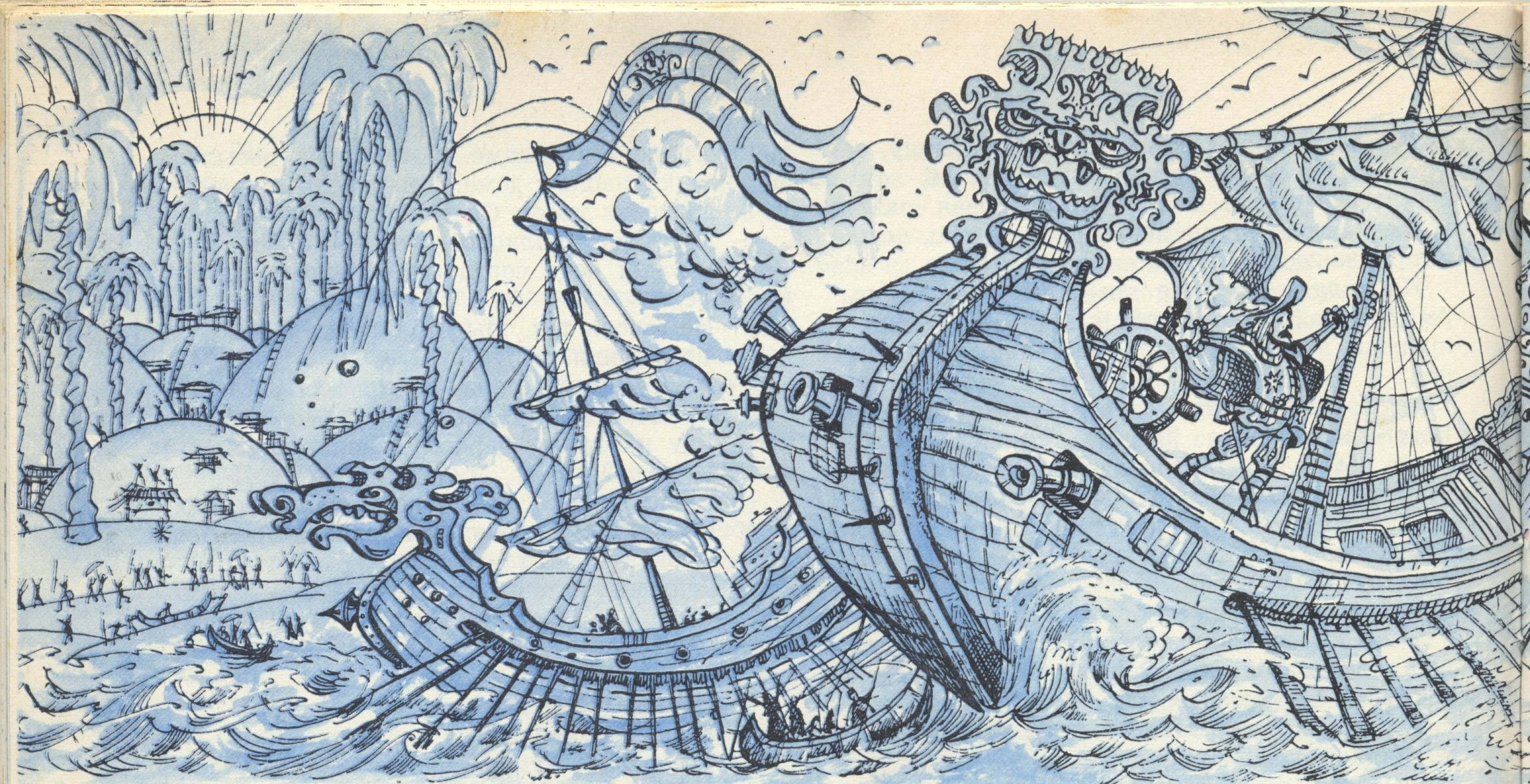
— Любопытное совпадение, — усмехнулся Мышук. — Мой сын исследует Конечный космос. А ваш чем занимается?

— Вы суете усы не в свое дело!..

— Извините, вам мат. Тутик мой.

— А я пойду жаловаться капитану. Счет ничейный: один-один.

Король великодушно улыбнулся, протянул руку примирения:

Как же сильно искривляет пространство и время гигантская звезда, уплотненная до малых размеров!

— Я дарю вам Тутика, только перестаньте жаловаться!.. Неужели вы не догадались, что у нас один сын и он летит навстречу?..

Платон Евсеевич Вегов вновь уверенно ощущал голову на плечах: машина рассчитала, что «Виктория» сможет облететь черный карлик и уйти в свободный космос. Тотчас же эти расчеты поступили в родительский корабль «Альфа», который следовал за «Викторией».

— Надо ли объявлять пассажирам? Состоится ли Родительский день? — спросил Вегов самого себя.

— Подождем, — ответил второй Вегов. — Посмотрим, что еще выкинет наш карлик...

Черный карлик недвижно застыл в центре экрана — невидимая «дыра» в светлом ореоле. Темное пятно стало чуть больше, хотя сама звезда была очень малых размеров.

— Виноваты во всем мы, — объявили с порога капитанской каюты два одинаковых мальчика. — Мы взяли Шар Пути. Передайте на Землю, что наше имя Карен Симонян.

Вслед за Симонянами объявились новые мальчики:

— Главные виновники мы, мы помогали похитить Шар. Но мы исправимся. Так и скажите нашим родителям Семечкиным.

А длинноногие девочки хором пропищали:

— Чепуха! Виновата только я... Я дала подножку королю...

— Неправда! — раздался громоподобный голос, и ребят заслонили густые заросли усов: это в каюту ворвались Мышуки. — Алька Фролова невиновна, она наговаривает на себя! Шар Пути выронила наша королевская рука, и его тотчас подхватила крыса. Разве не ясно, кто украл Шар?

Капитаны улыбались, слушая признания. Они точно знали одно: Шар на борту корабля.

Всех привлек необычный шум в коридоре. Мимо двойников промчалась крыса. Ее преследовала серая кошка на расстоянии метра от крысиного хвоста. За кошкой бежал стюард с молотком в руке.

Стюард вдруг остановился и поднял молоток: он увидел в конце коридора вторую крысу. Крыса гналась за серой кошкой. Бежала она очень странно — хвостом вперед. И кошка тоже бежала наоборот.

Стюард был наготове. Он пропустил мимо себя кошку и услышал приказ капитана:

— Стоп! Спокойно, стюард!

Робот с молотком замер. А Вегов объяснил окружающим:

— Он мог пристукнуть вчерашнюю крысу и нарушить весь ход событий. Ловля крыс отменяется! — крикнул капитан и тотчас забыл о своем распоряжении.

В тот же момент все двойники членов экипажа и пассажиров «Виктории» исчезли. О них никто больше не вспоминал.

Искривленное черным карликом пространство замкнулось и неожиданно превратилось во время, текущее в обратном направлении.

А когда время идет от настоящего к прошлому, все происходящие события моментально улетучиваются из памяти.

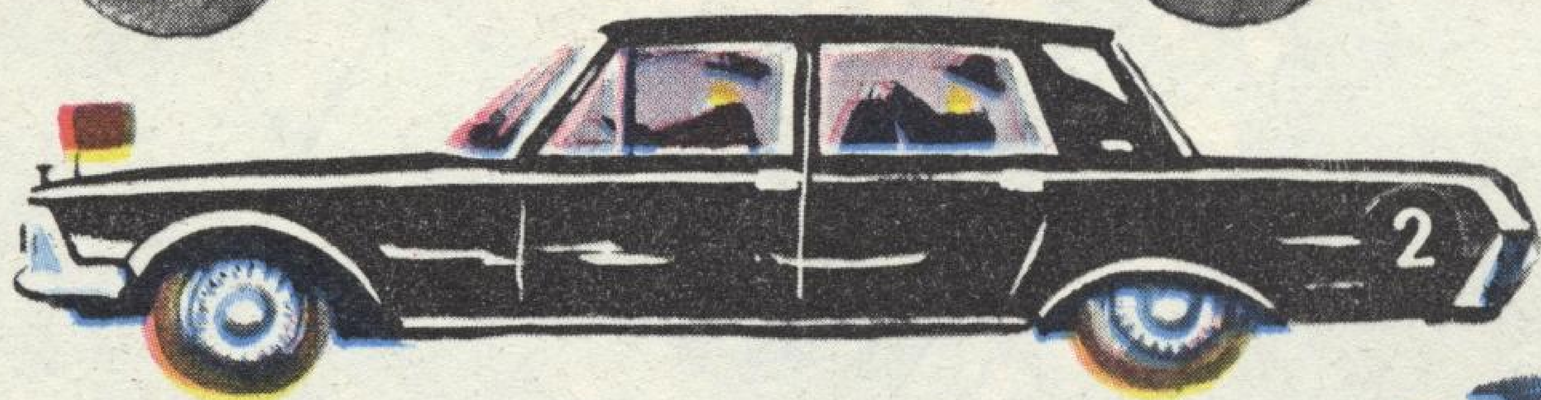
Впрочем, люди не заметили этой важной перемены. На корабле все шло по распорядку, и колокол призывал на обед.

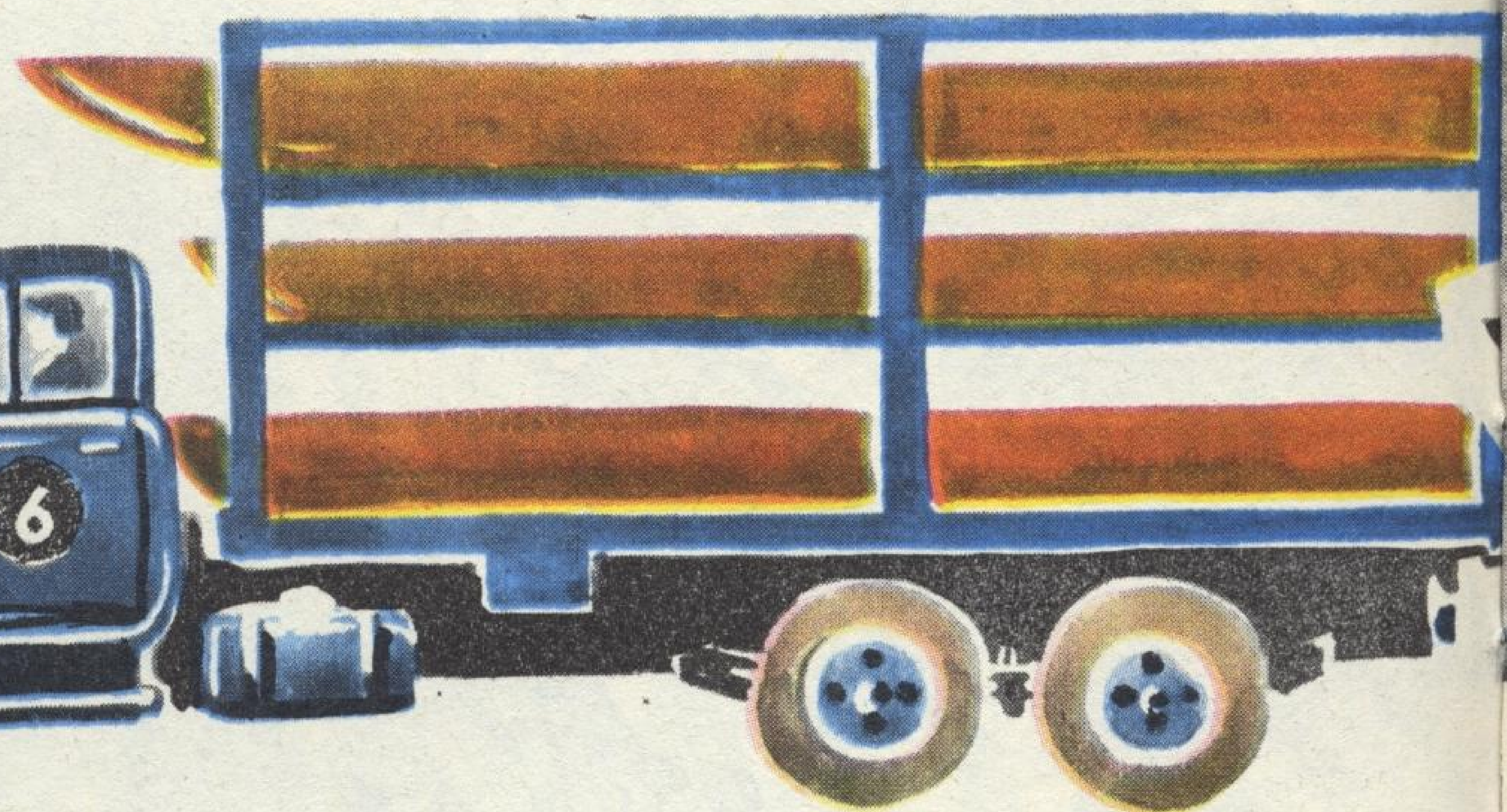
ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

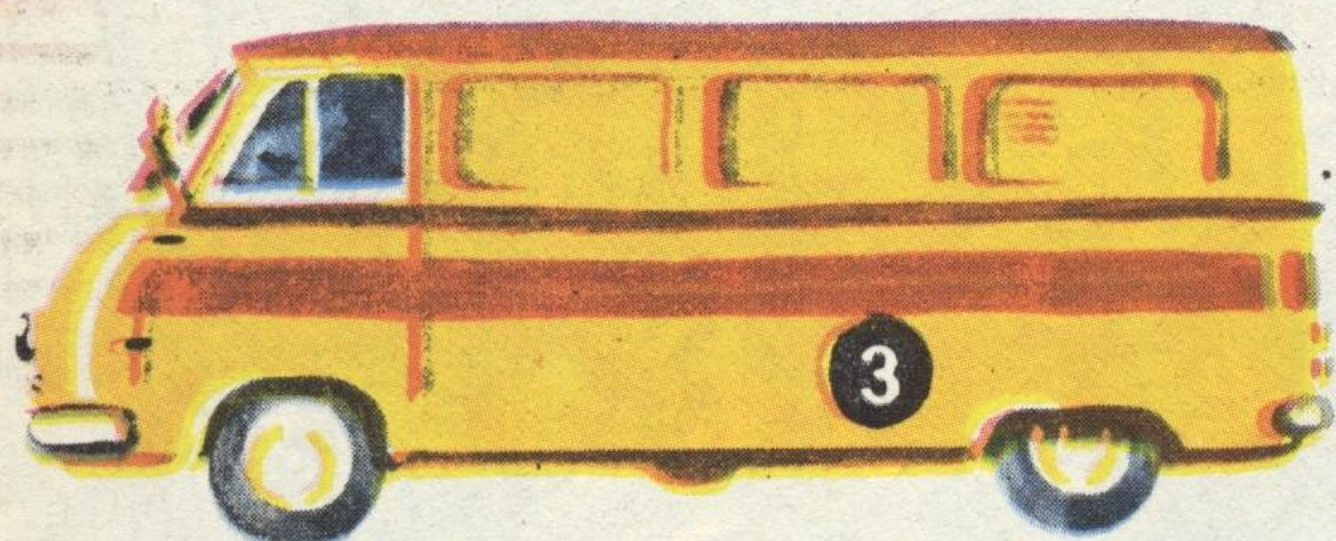

НОВЫЕ МАШИНЫ

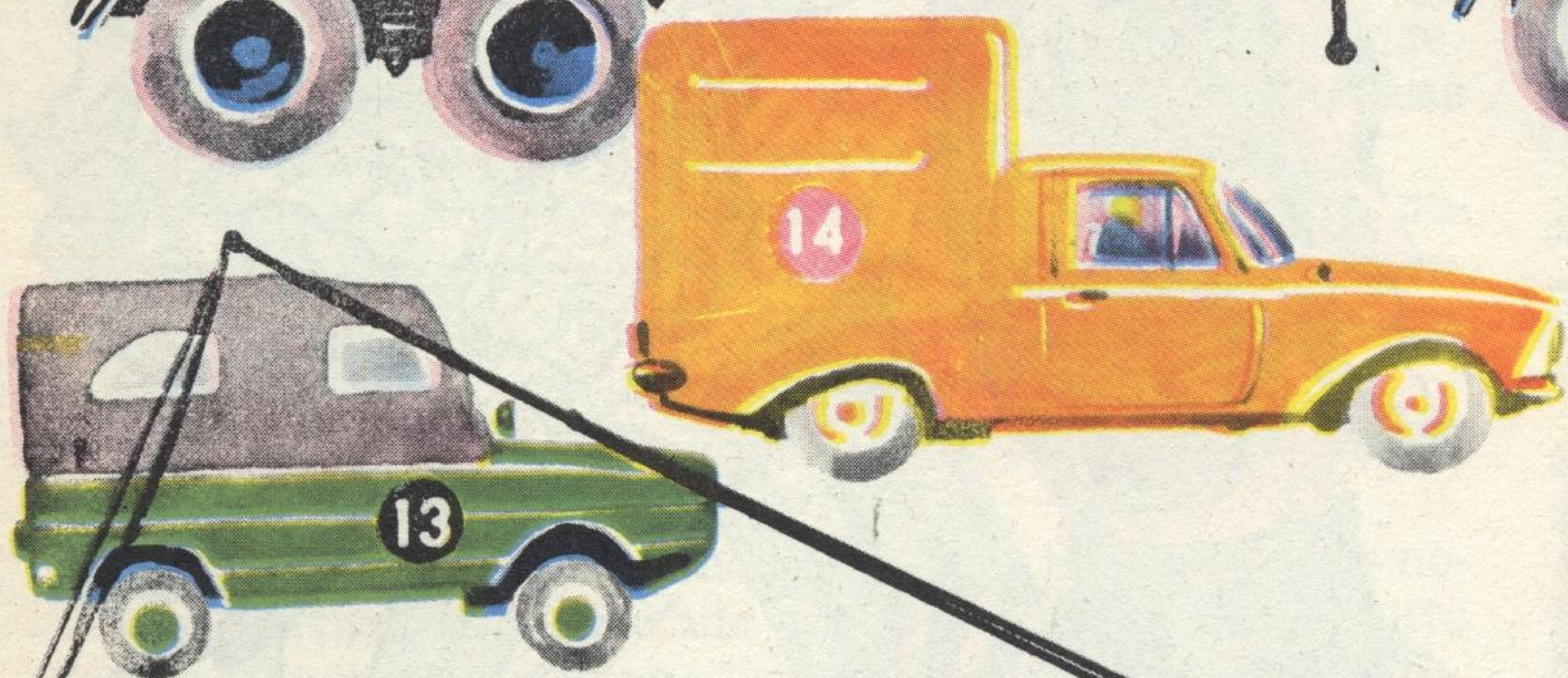
Родившиеся

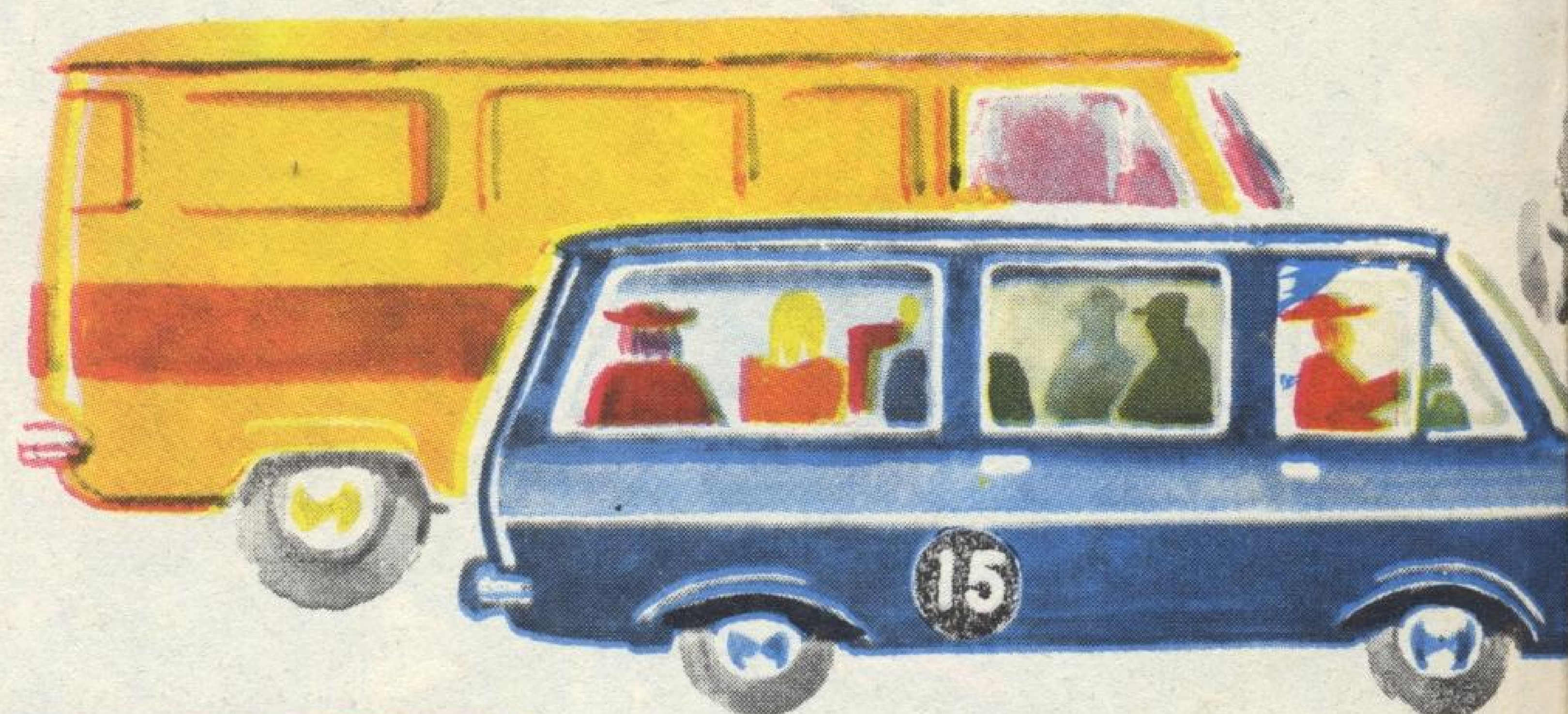
С. ЗИГУНЕНКО

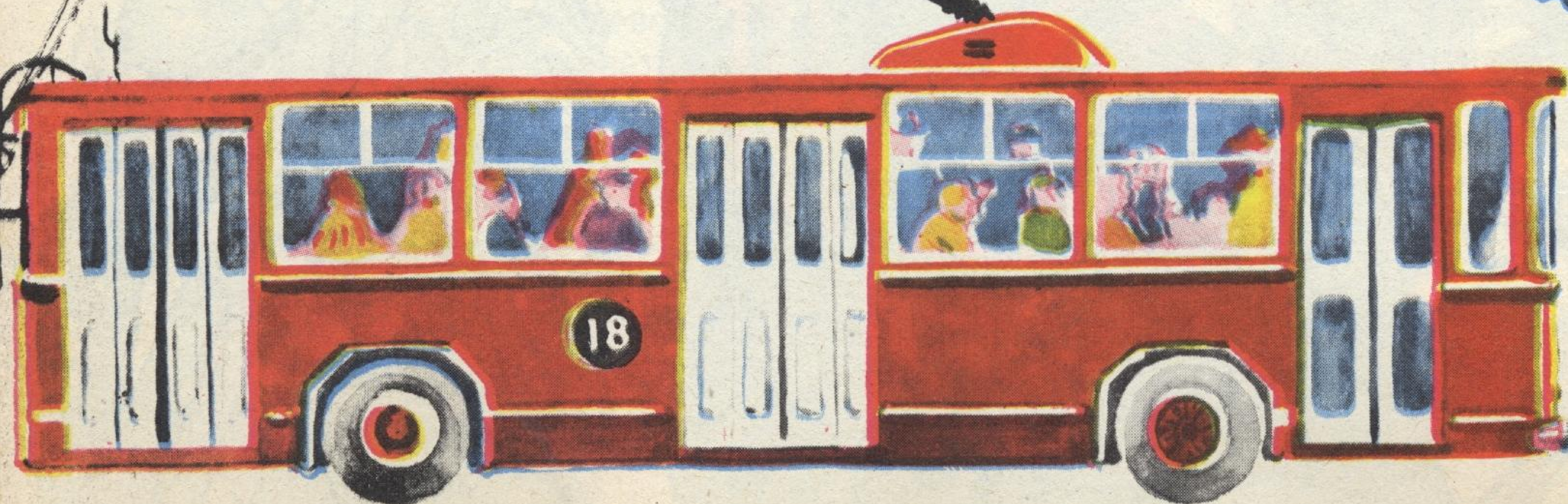
Рисунки Н. АНДРЕЕВА.

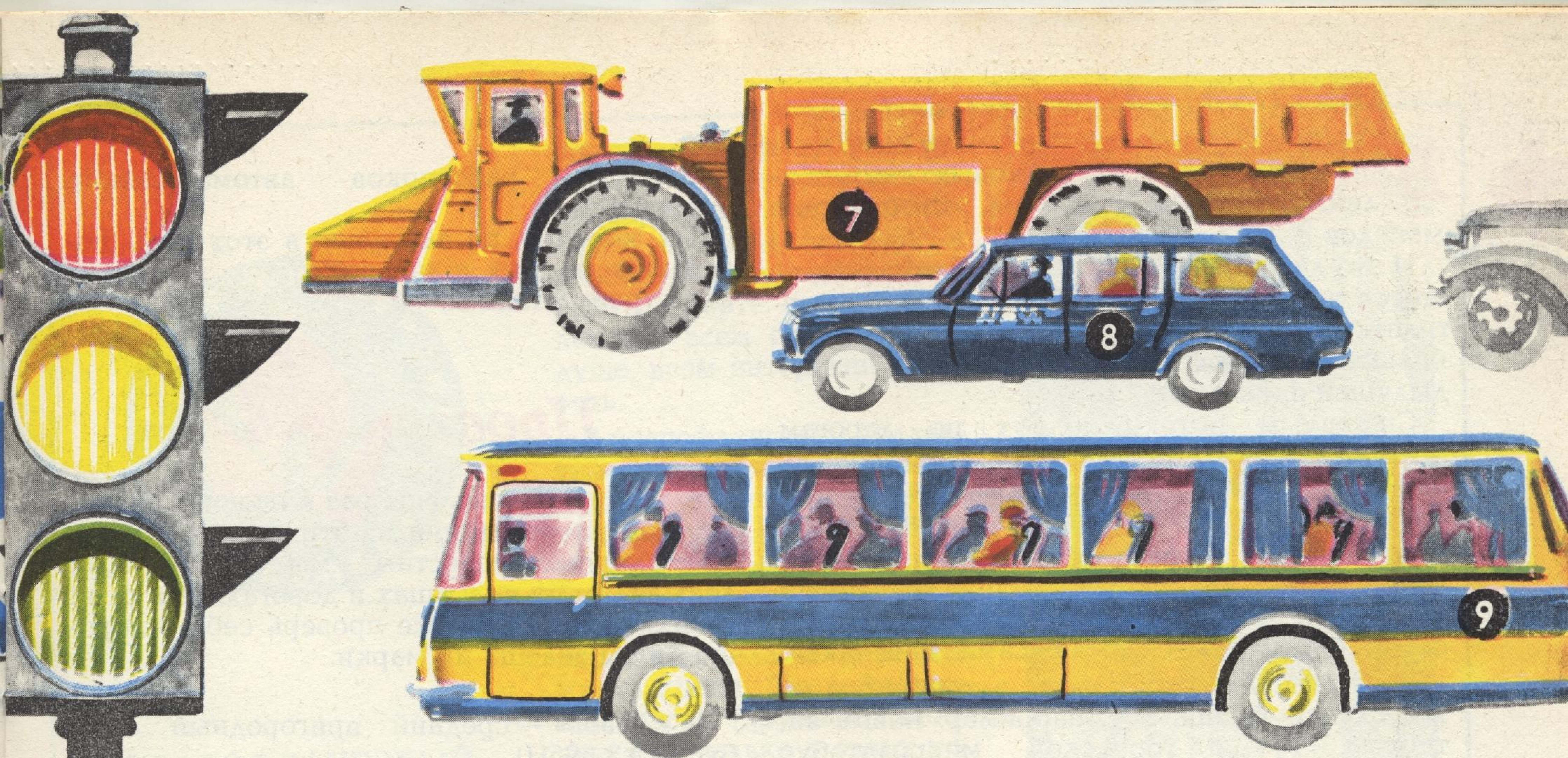

в девятой пятилетке

Видишь, сколько их, легковых автомобилей, грузовиков, автобусов, мотоциклов и мопедов.

И это далеко не все новые машины, родившиеся в прошлой пятилетке. В девятую пятилетку выпуск автомобилей вырос у нас больше чем в два раза по сравнению с предыдущей пятилеткой.

Сплошным потоком бегут по дорогам «Жигули», «Волги», «Москвичи», «Запорожцы», гудят моторами «МАЗы», «КрАЗы», «БелАЗы», «ЗИЛы»... Разве все перечислишь?

Автомобили у нас перевозят 95 процентов всех грузов! Это самый распространенный транспорт. Каждые восемьдесят из ста пассажиров пользуются автобусами или такси.

У нас выпускаются сейчас автомашины на все случаи жизни. Вот, например, новые автобусы. Тут и городской микроавтобус РАФ-2203 «Латвия» на двенадцать человек — красивый, комфортабельный, удобный. И малые автобусы «ПАЗ-3201» и «КАвЗ-685» — они берут вдвое больше пассажиров, чем «Латвия». А большой туристский ЛАЗ-699Н «Украина» рассчитан на пятьдесят пассажиров. «Украина» летит по шоссе со скоростью сто километров в час! Двигатель у нее такой мощный — 180 лошадиных сил! — что она обгоняет в пути даже легковые автомобили.

А грузовики! Даже перечислить все их профессии невозможно. Вот, скажем, один из новейших—«МоАЗ-6401-9585». Машина предназначена для работы под землей, в шахтах и рудниках. Самосвальный автопоезд перевозит по подземным коридорам за один рейс одиннадцать тонн угля и руды. Чтобы самосвал не загрязнял воздух в подземных помещениях, конструкторы Могилевского автозавода оборудовали его приспособлением для нейтрализации выхлопных газов. Автопоезд одинаково хорошо двигается вперед и назад,— ведь в подземелье не развернешься.

Кстати о «легковушках». За девятую пятилетку их стало вчетверо больше. И они перевозят все больше пассажиров. А сколько людей перевозят такси! Скоро на городских улицах появится новая модель — такси-электромобиль, просторный, с широкой дверью и отдельной, как в автобусе, кабиной водителя.

Как видишь, в прошлой пятилетке не только выросло число машин в стране, но и появились совершенно новые модели.

Автомобиль — в этом году юбиляр. Первый русский автомобиль был создан Е. А. Яковлевым и П. А. Фрезе ровно восемьдесят лет назад, в 1896 году. Вместе с ним чувствуют себя именинниками и все, кто работает в автотранспорте.

Указом Президиума Верховного Совета СССР отныне каждое последнее воскресенье октября будет отмечаться как новый праздник — День работников автомобильного транспорта.

Ты, конечно, не забудешь в этот день поздравить родных и знакомых, тех, кто водит или строит машины.

Проверь себя

А теперь вернись еще раз к нашему рисунку. Наверняка многие из этих новых машин тебе хорошо известны — мы все каждый день видим их на улицах и дорогах, да и сами в них ездим. И все же проверь себя — хорошо ли ты знаешь их марки.

1. «Львов» — средний пригородный автобус (ЛАЗ-695Н).
2. Легковой автомобиль высшего класса (ЗИЛ-117).
3. Автомобиль-фургон, перевозит продукты и другие товары (ЕрАЗ-762А).
4. Автомобиль-самосвал (ЗИЛ-ММЗ-554).
5. «Жигули» с кузовом «универсал» — легковой автомобиль малого класса (ВАЗ-2102).
6. Грузовой автомобиль общего назначения, перевозит самые разные грузы (ЗИЛ-133Г1).
7. Автопоезд-самосвал, работает под землей (МоАЗ-6401-9585).
8. «Волга» с кузовом «универсал» — легковой автомобиль среднего класса (ГАЗ-24-02).
9. Большой туристский автобус (ЛАЗ-699Н).
10. Седельный тягач (МАЗ-515Б).
11. Малый автобус для местных линий (ПАЗ-3201).
12. Малый автобус общего назначения (КАвЗ-685).
13. Грузо-пассажирский автомобиль (ЛуАЗ-969А).
14. Автомобиль-фургон для мелких партий грузов (ИЖ-2715).
15. Особо малый автобус (РАФ-2203).
16. Грузовой автомобиль общего назначения (ГАЗ-52-04).
17. Легковой автомобиль малого класса (ИЖ-2125).
18. Большой троллейбус (ЗИУ-9Б).
19. Грузо-пассажирский автомобиль (УАЗ-469).
20. «Запорожец» — легковой автомобиль особо малого класса (ЗАЗ-968).
21. «Жигули» — легковой автомобиль малого класса (ВАЗ-21011).
22. Седельный тягач (КАЗ-608В).

ПРАВОФЛАНГОВЫЙ

На правом фланге пионерского строя всегда твой старший вожатый — пионерский комиссар, знаменосцы, горнисты и барабанщики — лучшие из лучших, кому доверена высокая честь вести за собой пионерскую дружину. На правом фланге дружины всегда лучший отряд — самый боевой, самый дружный, умеющий хорошо учиться и трудиться. На правом пионерской организации имени В. И. Ленина — пионеры — Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, орденоносцы, чья жизнь — пример для каждого из вас.

Значит, **правофланговый отряд** (дружина)— это тот отряд (дружина), который всегда и во всем впереди: в учебе, труде, общественной работе, спорте. В таком коллективе всем есть дело по душе, всем интересно работать.

В правофланговом коллективе все ребята принципиальны, умеют постоять за честь друга, звена, отряда, всей дружины. Здесь не любят хныкать, а умеют действовать, начинать новые интересные дела и доводить их до конца. Правофланговый отряд (дружина) заботится не только о своих успехах и наградах, а помогает другим стать правофланговыми. Сколько же в стране правофланговых отрядов и дружин? В рапорте Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза есть такая строка: «Шагая маршрутами Всесоюзного марша пионерских отрядов «Берем с коммунистов пример!», миллионы юных ленинцев добились отличных успехов в учебе, общественно - полезных делах. **Десять тысяч** пионерских дружин и **сто тысяч** пионерских отрядов получили звание правофланговых». Это каждая десятая дружина и каждый восьмой отряд.

Добейся, чтобы и твой отряд, твоя дружина стали правофланговыми и получили право рапортовать коммунистам и комсомольцам об успехах на марше «Идем дорогой Ленина, дорогой Октября!», быть награжденными переходящим памятным знаменем ветеранов партии, трудовых коллективов, воинских частей.

Фотографии В. ГУСЕВА.

Эдуард КОРПАЧЕВ

ГРОЗДИ РЯБИНЫ

РАССКАЗ

Рисунки
И. КРАСУЛИНА.

В этом городе все октябри такие: подует свистящим голосом флейты ветер, уронит последние листья в Днепр, и плывут листья у берега. Плывут и гусиные перья. А сами гуси вдруг склоняются к полету, с гоготом тяжело поднимаются на крыло, обрывают на лету провода, унося гогот на луг. И тогда выходят на улицу женщины, кричат на гусей, и похоже, что женщины и гуси перекликаются.

Еще не появились подпоясанные брезентовыми поясами с цепочками монтеры, и улица была словно бы заминированной, и тревож-

ные женщины предупреждали встречных и Владю об опасности.

Владя кивал головой, и давал знать другим встречным про оголенные провода, и шел себе дальше — в холмистый парк с ворохами листьев, напоминающими муравейники, в тот особенный глухой угол парка, где разоренные деревья и гранатовые, драгоценные бусы на рябине, в каждую пору дня новые: то карминовые, то пунцовые. Поздней осенью нет ничего прекраснее этого дерева, этих жарких ягод на его ветвях!

Нет ничего притягательнее этого дерева. И вот приходишь в парк, глядишь на рябину час, другой, устанавливаешь мольберт, выдавливаешь из тюбов краску, так остро пахнущую замазкой, бьешься, рисуешь, ищешь верный мазок. И сначала, сложив руки на груди, смотришь удовлетворенно на свою работу, а потом разочаровываешься и кривишься, и звучат хулой ободрительные слова твоего учителя, руководителя изостудии Константина Кузьмича: «Должно получиться. Должно!» Но ведь каждый, кто рисует, судит себя справедливее и беспощаднее учителя. Особенно ты не терпишь великодушного обмана, если знаешь, какой настоящий художник он сам, твой учитель, твой Константин Кузьмич, молодой, но уже с сединой в отращиваемой бородке.

Оставив позади «заминированную» улицу и перейдя по мостику, повисшему над оврагом, Владя вскоре оказался в парке. Прежде чем сесть на скамью подле дерева, пришлось дождаться, пока уйдет старик в длиннополом пальто, набивавший листьями мешок.

Мольберта и красок Владя с собой не взял. В кармане у него лежали деньги, которые мама дала на краски. Его так раздражали та предупредительность, то внимание, с которыми относились родные к его увлечению. И так раздражало теперь то, что прежде нравилось ему больше самой радости работы, самого упоения рисунком: на законченной работе, внизу на картоне или холсте, выводить свою фамилию «В. Бортащук» и ставить год. Как будто оттого, что он поставит свою подпись и пометит рисунок годом, он станет мастером, настоящим художником.

Глядя на потемневшие, сургучные грозди рябины, предчувствуя растерянность родных, когда они поймут, что он навсегда забросил краски и кисти, он почти твердо решил оставить рисование, оставить это искушение, грозящее ему позором, потому что он осознал свою неспособность передавать на холсте небо и землю, крыши, влажные от растаявшей измороси, полет тяжелых гусей, жар зимних ягод рябины. Особенно эти гранатовые грозди рябины! Он двадцать раз принимался оживлять на картоне это осеннее дерево, вороха листьев, похожие на муравейники,— и все не радовало его, все начинал он сначала.

И вот он пришел сюда без мольберта, не для того даже, чтобы разобраться в неудаче, а чтобы сидеть на скамье и угрюмо смотреть на рябину. И деньги, которые дала мама на краски, можно истратить как вздумается, можно пожертвовать кому-нибудь из более талантливых ребят на те же краски, можно предложить их хотя бы Толику Валюшинскому.

Он вспомнил про Толика Валюшинского без зависти, понимая, что не смеет завидовать этому любимцу Константина Кузьмича.

Все ребята поразились этюдам, которые Толик привез из своего летнего путешествия по Средней Азии.

Все понимали, что вот и стал Толя художником — так неожиданно, этим летом, которое для всех остальных прошло почти бесследно: ну, купались, ну, играли в баскетбол, ну, иногда выезжали на этюды. А Толя Валюшинский, путешественник, открыватель дальних земель, стал художником — это теперь неоспоримо.

Но удивительнее всего то, что и теперь Толя ни одну свою работу не помечает подписью и годом. Может быть, даже и нынешние, самые удачные картины он считает не лучшими? Наверно, с каждым летом будет рисовать все удачнее Толя, которого в любую погоду можно встретить в парке, или на берегу реки, или еще где-нибудь за городом.

Вот и теперь он появился на холме и стал спускаться к Владе, поправляя на плече брезентовый ремень мольберта. Только Владя подумал о Толе — и он явился!

Толя, подойдя к Владе, оценивающе посмотрел на него взглядом художника, и Владя с беспо-

койством догадался: Толя хочет его рисовать.

Владе этого не хотелось. Но как станешь спорить с художником, которому уже не завидуешь, которого просто ценишь!

— Как хочешь,— сказал с улыбкой Владя.

Но в следующее же мгновение он скомкал улыбку, вспомнив о своих неудачах, о своем жестком решении: никогда не браться за кисть. С какой-то завистью, потрясенно смотрел он на собрата-живописца, сбросившего куртку на ворох листвы и с закатанными рукавами принявшегося выдавливать краски, пахнущие замазкой. Он вздохнул, упрятал подбородок в ворот лиловой куртки и исподлобья, мрачно созерцал стоявшее позади художника дерево с зимними ягодами. Словно слабый ток пронзил его пальцы. Так знакомо было это ощущение, когда он обычно хватался за кисти и краски.

Улыбка исчезла с его лица. Хотя он и поймал себя на желании нравиться художнику. В следующее мгновение он подавил желание выглядеть красивее и попытался представить, каким получится он на картоне: глядящим исподлобья неудачником, окаменевшим на скамье? Он не предполагал, что Толя запомнил его смущенную улыбку!

А работа уже шла, подрамник потрескивал от прикосновений кисти, дурманяще пахло красками, и этот запах заставил Владю, позабыв о жестоком своем решении, тоже рисовать, правда, мысленно, в воображении. И вот какой получался у него воображаемый портрет: долговязый, в белом джемпере, с бегущим серым оленем на груди человек занес руку с кисточкой над листом картона, верный прицел его темно-серых глаз под сросшимися бровями, размашистые, словно крылья стрижа, брови его приподняты.

Он изучал смуглого, загорелого Толю так, словно и вправду он, Владя, должен писать его. Невольно думалось о путешествии Толи по Средней Азии, по ее Хорезмам и Самаркандам с их минаретами, базарами.

— Я больше всего в Таджикистане жил,— с паузами, чтоб не мешать себе, произнес художник, словно отгадывая чужие мысли.

Но Владя решил, что художник заговорил с ним, чтобы живее стало лицо натурщика.

— И был там у меня дружок Абдулла,— продолжал Толя.— Странный такой! Караулил шоссе. Ползет черепаха — он ее перенесет на ту сторону. Чтоб не раздавило. И скорпионам помогал переправляться. Посадит на ладонь и несет через дорогу. И не кусают его! Я тоже захотел однажды, а он как закричит! «Нельзя,— говорит,— белой руки не любят они...»

— Послушай,— перебил его Владя,— а Иссык-Куль разве в Таджикистане? — Он припоминал тот особо понравившийся Толин этюд, на котором так таинственно застыло ночное высокогорное озеро.

— Это потом я жил на Иссык-Куле! — сказал Толя.— Эх, Владька, как там меняются краски к вечеру, просто не уследить! От испарений, наверное. И горы тоже то желтые, то лиловые...

Что Толя увидел в глазах натурщика, почему стал поспешно класть мазки, так и не закончив рассказа о своих странствиях? И Владя, поймав себя на том, что он улыбается, тут же спохватился, снова обрек себя на хмурость. Да, необъятна земля, и всюду хочется побывать. Но что ездить понапрасну, если вот это дерево с гранатовыми ягодами так неподвластно твоей руке, твоей кисти?

Все-таки надо решить раз и навсегда. Закрыв на мгновение глаза, он увидел рябину уже ненапряженным взглядом, и дерево это словно впервые предстало перед ним. Теперь он даже различил, что ягоды не все гранатовые, сверху, на свету они чуть ярче. И он подумал о красках, которые уже не купит, и снова поиграл в кармане деньгами.

Что получается у художника, Владю не интересовало.

Он снова погрузился в свои невеселые размышления.

И только когда Толя, вытерев пальцы большим кленовым листом, уселся на скамье рядом, Владя понял, что теперь и ему можно взглянуть на картон.

Портрет еще не был закончен, местами хаотично лежали серые краски. Хмурому Владе не верилось, что в какой-то миг он прояснел лицом и улыбнулся и художник запечатлел эту улыбку.

— Ты всегда приукрашиваешь? — холодно спросил Владя.

— Я рисую так, как вижу,— ответил обиженно Толя.

Он глядел теперь исподлобья, расстроенно. И Владя пожалел о сказанном, он по себе знал, как нелегко художнику без одобрения, без похвалы. Но что он мог поделать с собой, если портрет показался ему неправдивым!

Он еще посмотрел на свой портрет, но Толя решительно сложил мольберт, не глядя на Владю, будто пряча свой обиженный взор. И еще более пожалел Владя о сказанном, когда вспомнил, как Толя старался ободрить его,

Владю, когда у него никак не получались рябиновые грозди. Владя смутно догадывался, что Толя нарисовал его просветленным с каким-то великодушным умыслом, точно желая вселить в него надежду. А он, Владя, не понял сокровенный замысел художника.

На портрете был совсем другой человек, веселый, надеющийся на успех. Этому человеку так нравилось под законченным рисунком расписываться и ставить год, так ему мечталось об удаче... Толя хотел встречи с этим человеком, хотел как бы вернуть человека самому себе. Очень странные и неожиданные чувства пробудил портрет во Владе.

Когда они подошли к самому краю обрыва, Владя вспомнил, как он рисовал этот овраг и виадук. На мгновение он даже допустил мысль, что сумрачность образа неплохо выражена на рисунке, но он тут же запретил себе думать об этом.

Да и все равно прервалась бы его мысль, потому что Толя Валюшинский вдруг принялся бросать монетки сверху в реку, монетки, описывая параболу, падали у самого берега и серебрились под водой. В чужом краю человек бросает монеты в фонтан или в море, надеясь еще побывать здесь. Но ведь Толя никуда не уезжает, зачем он рассыпает сверкающую мелочь?

— Чудак! — возразил Толя, словно услышав невысказанное.— Если мы с тобой следующим летом поедем в Среднюю Азию, то мы ведь все равно сюда вернемся.

Так неожиданно и так заманчиво было это приглашение к путешествию. И Владя тоже стал швырять серебряные монеты, которые мама дала на краски. Он уже представлял, как они будут втроем с Толей и Константином Кузьмичом жить где придется и рисовать пустыни и горы, старые города. Но он тут же сник, вспомнив о своем решении, о запрете.

— Знаешь,— сказал Толя Валюшинский, когда иссякла у них мелочь,— а мне очень понравился твой мостик через овраг. Ты так хорошо нарисовал дно оврага, траву... Очень понравилось.

Владю удивила память приятеля, в таких подробностях запомнившего его рисунок.

Они стояли на краю обрыва, над рекою, в прозрачном, оголенном парке, а Владе мерещилось, будто к парку, реке, заречью придвинулись никогда не виденные им горы, города с мечетями, пустыня, и посреди пустыни, как мираж, встало дерево с гранатовыми ягодами...

И он пожалел, что так нерасчетливо выбросил все монетки в реку.

Переменка!

Рисунки
Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Писатель Владимир Санин, который написал много и серьезных и веселых книжек, вспоминая о своих школьных годах, писал: «Мы любили смешные книжки, обожали Буратино и боготворили самого веселого школьника на свете — Тома Сойера. Мы поклонялись богу смеха, и героем дня считался не тот, кто победил в драке, а тот, кто рассказал самую смешную историю. Мы, мальчишки, чувствовали, что смех — потребность здорового организма, вроде потребности в леденцах и мороженом. И мы хохотали до коликов, до упаду».

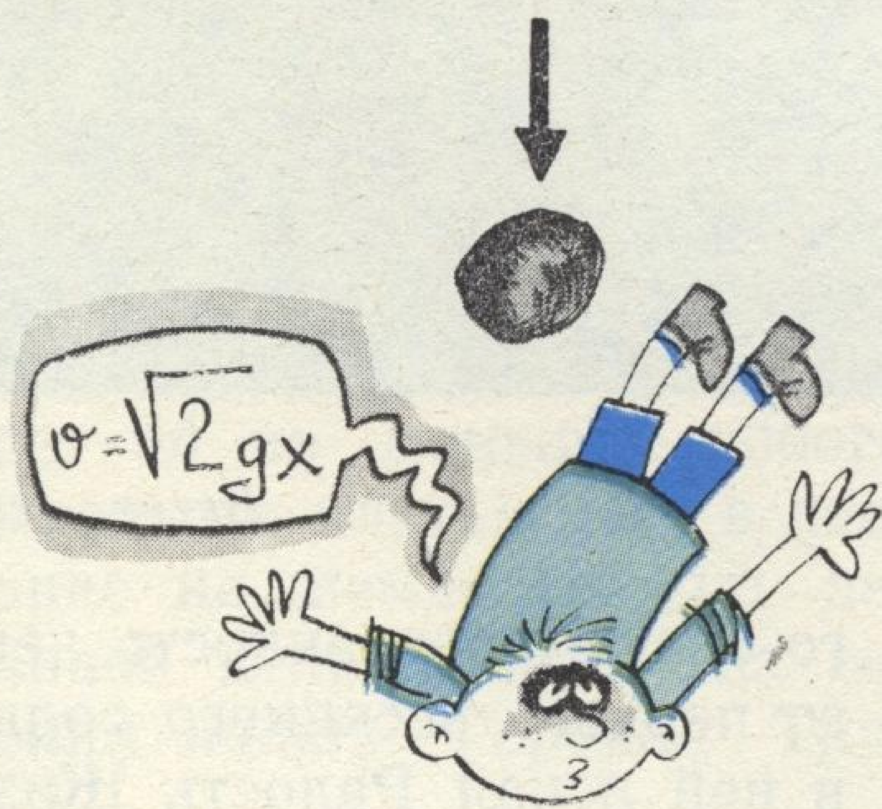
Корреспонденты нашей «Переменки» выражают ту же мысль, но короче и категоричней: «Смех — хорошая штука!» (Гена Сергеев, г. Рязань) или «Я очень люблю смеяться» (Оля Овчаренко, г. Мичуринск). На конверте одного из писем читаем: «Без улыбки не вскрывать!» Что ж, требование законное. Но уж, пожалуйста, и вы нас не разочаровывайте.

Итак, письма, после прочтения которых улыбка не исчезла.

ИЗ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

«Земляника был человек толстый, но полутонкий».

«Если человек взял в руки камень, то вес тела будет притягивать его к земле и камень туда же».

«Он находил выход из самого безвыходного выхода».

«Лошади побежали шагом».

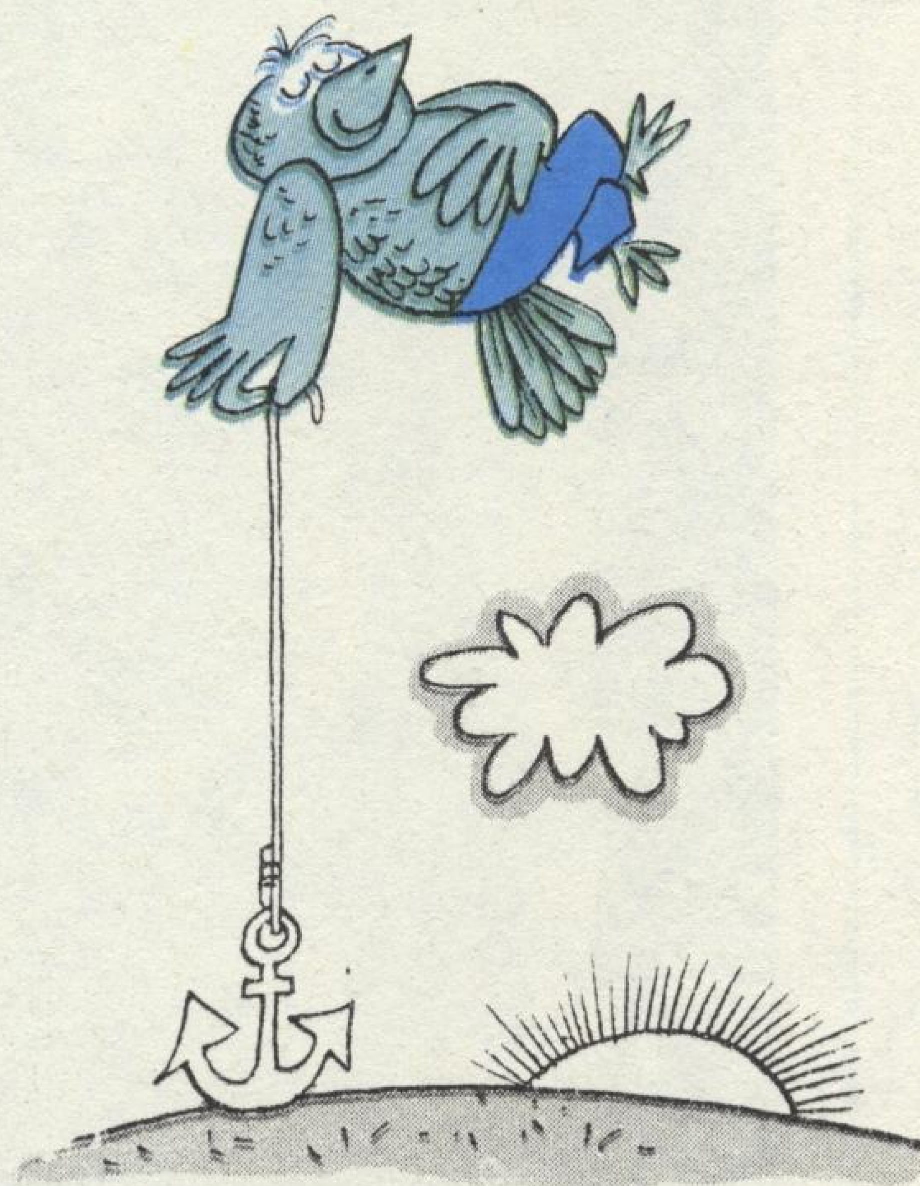

«Орудия, найденные при неандертальце, были уже больше похожи на человека».

«Метеорология — это наука, занимающаяся поимкой метеоритов».

«Если собака — богатый человек, то Очумелов заискивал перед ней».

«Птицы легче воздуха».

«Борьба между собой класса феодалов и класса зависимых крестьян называется классической».

«Собака отличается от человека тем, что имеет две руки лишних».

НЕВЫДУМАННЫЕ ДИАЛОГИ

Внимание! Наш конкурс продолжается.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

— Почему на Земле бывают день и ночь?

— Потому, что люди хотят спать.

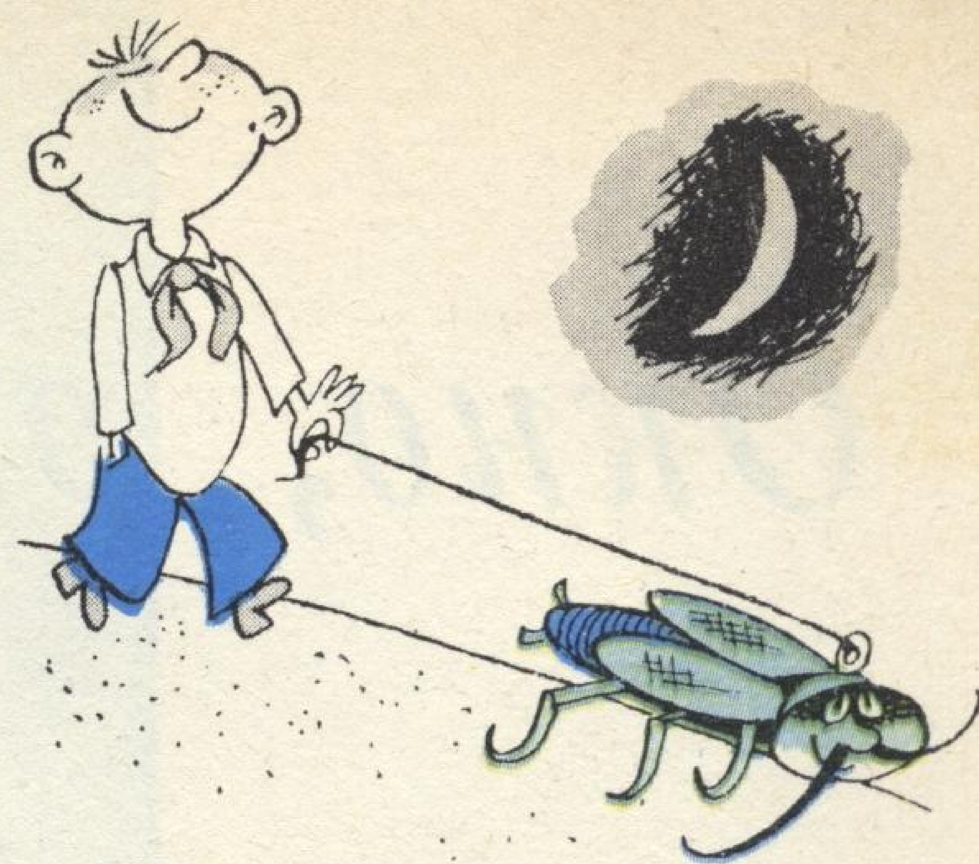
Аня Титова,
с. Несь, Архангельская область

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

— К какому отряду насекомых относятся тараканы?

— Тараканы относятся к домашним животным.

Наташа Алексеева, г. Чита

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В классе проходят спряжение. Учительница вызывает к доске Сережу.

— Подбери и проспрягай глагол.

Сережа не может ничего придумать.

— Можно проспрягать существительное? Ну, скажем, попугай.

— Да, можно.

— Я попугай. Ты попугай. Он попугай. Мы попугаи...

Алекбер Латифов,
г. Баку, пос. Мантина

ЛЕТИ С ПРИВЕТОМ — ВЕРНИСЬ С ОТВЕТОМ

«Я разбил тарелку, и мама не разрешила мне пойти в кино. Что нужно разбить, чтобы мама не разрешила мне идти в школу?»

Саша Т., г. Могилев

— Очень трудный вопрос! Чтобы его решить, надо хорошо разбираться в высшей математике, а для того, чтобы разбираться в высшей математике, нужно знать геометрию и алгебру. Полезно при этом изучить еще физику, химию, биологию, географию, русский язык, литературу, иностранный язык и немного пение... Вот видишь, Саша, как много нужно знать, чтобы мама не разрешила тебе ходить в школу!

* * *

«Я хочу стать клоуном. Зачем же мне нужно заканчивать школу?»

Слава Х., г. Орел

— Действительно, Слава, если ты хочешь, чтоб над тобой смеялись не только в цирке, школу заканчивать не нужно.

* * *

Редакторы «Переменки» благодарят за участие в веселых ответах Олега СТАШКЕВИЧА и Ярослава ХАРЕЧКО.

Окно, открытое в мир

В этом номере, несколькими страницами раньше, ты прочитал рассказ Э. Корпачева «Гроздья рябины». Рассказ о сложном выборе жизненного пути. Сможет ли Владя быть художником?

Ведь быть художником — это не просто перерисовывать репродукции из «Огонька» или нарисовать листья березы так, чтобы это были листья березы, а не дуба. Такое умение рисовать совсем нелишнее: оно необходимо и ботанику, и актеру, и портнихе, и археологу.

Быть художником — значит ощущать красоту мира острее, полнее, значительнее остальных. Быть художником — значит уметь рассказать о мире, людях, природе, событиях так, как может только сам художник.

Как счастлив художник, когда то, что он создает, получается и находит желанного зрителя.

На этих страницах мы поместили репродукции картин с выставки «Молодые художники России» и, показывая картины, словно продолжаем рассказ о Владе.

В работах молодого мастера из Уфы Я. Крыжевского просматривается то общее, что присуще новому поколению советских живописцев. Внимательный, пристальный взгляд. Глубокое раздумье. Доброе отношение к миру. Ясный колорит живописи.

Колорит, общий единый цвет картины, может быть легким, как в данном случае, сине-голубым, или, предположим, фиолетовым, холодным и отчужденным, еще красным или теплым золотисто-коричневым. Колорит — высокая ступень мастерства.

Окно, открытое в мир, полный света, радости, неизведанных далей, простора, — это, мне кажется, программная картина Я. Крыжевского. (Программная — наиболее ясно раскрывающая сущность творчества художника.) На этой картине, лаконичной по деталям, все важно: и букет голубых первых цветов, и клубок ниток, как бы отставшего зимнего вязанья, и легкая фигурка то ли бегущего, то ли танцующего мальчика. Важна и занавеска, рвущаяся на простор, и зеленые, бесконечные и немного таинственные холмы. И имя этой картине дано точное — «Ветер весны». В ней прохлада только что стаявшего снега, прозрачность легкого первого весеннего солнца, в ней ясная Радость Жизни.

Ветер весны.

О полотне «Новый день» можно даже написать рассказ, хотя сам художник лаконичен и немногословен.

Девчоночка-строитель, недавняя выпускница ПТУ, такая уверенная в себе, потому что она мастер и строит большое, значительное здание, сидит себе на бетонных переплетах, словно в кресле, загорает в обеденный перерыв на солнце, и спокойно

Новый день

Счастливое лето.

позирует художнику. Комбинезон и сапоги нисколько ее не смущают. Это ее рабочий наряд. И наряд этот идет ей не меньше любого выходного платья. Нет в девчонке ни жеманства, ни деланной деловитости. Она героиня жизни. Героиня Труда.

Композицию художник очень точно построил — масса голубого неба словно покоится на белых бетонных сваях. Ритм их точно выверен, — убери одну, все развалится. А больше всего поражает, что в картинах Я. Крыжевского ощущаешь воздух. Весенний, летний прозрачный и чистый воздух нашей с тобой Земли.

С. САХАРОВА.

Перевел с итальянского Ю. ЕРМАЧЕНКО. Рисунки В. ДУДКИНА.

Маленькая Терезин

Тереза была маленькая и изящная девочка, как игрушка, и все ласково звали ее Терезин. Жила она с папой, мамой и бабушкой в небольшой горной деревушке и была очень довольна своей жизнью.

Со временем появился у нее братик Ансельмо. Терезин часто гуляла с ним, показывала ему красивые цветы, ходила с ним в курятник за свежими яйцами, разрешала брату гладить корову, такую большую-большую и очень добрую.

Но вот однажды началась война. Отца Терезин забрали в солдаты, и домой он больше не вернулся. Горько плакали мама и бабушка.

— Бедная Терезин, бедный Ансельмик, — говорила бабушка, — ваш папа никогда не вернется домой.

— Нет! — закричала Терезин. — Папа такой добрый, я очень люблю его. Напишите королю, чтобы он вернул нашего папу, я хочу, чтобы он всегда был с нами.

— Король ничего не сможет сделать, — ответила бабушка. — Он послал твоего папу воевать и выиграть войну, а проиграли мы с тобой: папу убили.

— Это несправедливо! — возмутилась Терезин. — Несправедливо и непонятно!

— Дочь моя, — сказала мама. — Когда ты подрастешь, поймешь многое, что сейчас тебе непонятно.

— Я не хочу ничего понимать, — сквозь слезы ответила Терезин. — Я даже расти больше не хочу, пусть я останусь маленькой навсегда.

И в самом деле, с этого дня Терезин перестала расти. Ансельмик все рос да рос, а его сестра оставалась все такой же маленькой, изящной и печальной. И люди прозвали девочку «Терезин, которая не растет».

Подружки ее, красивые, стройные девушки, стали понемногу шить себе приданое.

— Терезин, — говорили они, — будешь такой маленькой, кто на тебе женится?

— Я не собираюсь выходить замуж.

— Парни не будут петь тебе серенады.

— Обойдусь и без серенад.

— Ты не сможешь ходить в туфлях на высоком каблуке.

— Мне и мои башмаки годятся.

Девушки смеялись, а Терезин убегала на сеновал и плакала там, но своего решения остаться маленькой не изменила.

Мама Терезин тяжело заболела с горя, и ее положили в больницу.

Все домашние заботы легли на бабушку, совсем уже старенькую. С жалостью смотрела Терезин, как, согнувшись в три погибели, плетется бабушка с вязанкой дров из леса или едва тащит полные ведра от колодца.

— Горе мне, — говорила бабушка, — тяжелы эти ведра. Хоть бы ты, Терезин, росла скорее. Помогала бы мне.

Терезин попробовала было поднять ведро с водой, но даже не смогла оторвать его от земли. Попробовала взвалить на плечи вязанку дров, да так и упала под ее тяжестью и разбила себе коленку.

Все домашние заботы легли на бабушку.

— Ничего не поделаешь, — сказала тогда девочка, — придется подрасти немножко. Чуть-чуть, чтобы помогать бабушке.

Она подросла чуть-чуть, пошла по воду и вернулась домой с полными ведрами.

Бабушка обрадовалась и поцеловала ее.

— Спасибо, Терезин, ты у меня умница. Может, ты и сена корове подбросишь? Болят мои руки, а вилы такие тяжелые...

Терезин пошла в хлев, но у нее не хватило силы приподнять с земли тяжелые, будто свинцовые вилы.

— Бабушке очень трудно, — решила Терезин. — Подрасту еще немножко.

Подросла она еще немножко, стала такой же, как ее подружки, хотя соседи по привычке называли ее «Терезин, которая не растет». Если люди дадут человеку прозвище, оно останется за ним на всю жизнь.

Мама еще лежала в больнице, когда умерла бабушка. Терезин осталась одна-одинешенька с братиком Ансельмо, который уже ходил в первый класс. Ей приходилось будить брата по утрам, следить, чтобы он мыл уши, чтобы все учебники собрал в портфель, да еще готовить завтрак, прибирать постели, убирать квартиру, ухаживать за коровой и курами, работать на огороде.

Вечером, когда у девочки слипались глаза от усталости, ей нужно было мыть посуду, штопать и гладить костюм Ансельмо.

— Ничего не поделаешь, — вздохнула как-то Терезин, — придется еще немножко подрасти. Надо же помочь Ансельмо, пока нет мамы. Он еще мал, не может позаботиться о себе.

Терезин подросла еще на вершок, и ей сразу стало легче справляться с домашними делами.

Порой, поглядевшись в зеркало, Терезин упрекала себя:

— Где твой твердый характер, Терезин? Сама решила оставаться маленькой, и сама же вот какая вымахала, даже в зеркале не помещаешься.

Но девочка прогоняла от себя такие мысли и принималась за работу. «Да, я выросла, — думала она, — но ведь не ради себя».

Когда выздоровела и вернулась из больницы мама, в доме был полный порядок: одежда у Ансельмо чистая и заштопанная, все прибрано. И Терезин так выросла, что ее и не узнать. Мама была очень довольна всем.

Терезин запретила ей заниматься, пока не окрепнет, домашними делами.

— Позагорай на солнышке, — говорила она маме, — погуляй в лесу, набирайся сил. Я сама управлюсь.

Жители деревни всполошились: разбойник требует у них драгоценности.

Но теперь их стало трое, и работы прибавилось, и Терезин уже не успевала все делать.

— Придется подрасти еще немного, — решила девочка, — чтобы мама снова не заболела.

И она подросла еще чуть-чуть и стала одной из самых высоких девушек в деревне.

— Терезин, хватит тебе расти. А то ты скоро будешь выше всех парней в деревне, — шутили девушки.

Но Терезин думала об одном — как бы помочь людям, и была даже довольна, что выросла такой большой и сильной.

Когда мама совсем поправилась и у Терезин работы поубавилось, она стала помогать одинокой старушке соседке.

Потом и другие стали обращаться к Терезин за помощью, и она никому не отказывала.

Однажды в соседнем лесу поселился злой

разбойник. Вооруженный с головы до ног, он пришел как-то в деревню, сел на ступеньки храма и приказал собрать для него целый килограмм золота.

— И ни грамма меньше, — пригрозил он. — А не то сожгу вашу деревню.

И никто не посмел возразить ему. Женщины поснимали кольца, серьги, золотые цепочки, а жена булочника принесла весы, чтобы узнать, сколько собрали золота.

Терезин ходила из дома в дом и уговаривала мужчин:

— Эх вы, трусы! Возьмитесь все вместе, прогоните разбойника. Вас ведь много, а он один.

— Один-то один, да ведь он с оружием, — отвечали мужчины.

И они отворачивались, чтобы Терезин не видела, как они краснеют от стыда.

— Хорошо, — сказала Терезин, — придется мне взяться за дело.

Она пошла домой, стала перед зеркалом и громко воскликнула:

— Хочу еще вырасти!

И тут же стала расти. Вот ее голова уже достала до потолка. Но ей было мало этого, она вышла во двор и доросла до крыши, потом до самой трубы.

Все произошло очень просто. Как только Терезин показалась на площади, разбойник испугался, бросил награбленное золото и побежал в лес. Но не тут-то было: Терезин сделала четыре шага и нагнала разбойника, схватила его, посадила на самую верхушку колокольни и приказала:

— Сиди, пока не придут за тобой полицейские.

А разбойник так боялся упасть с высокой колокольни, что даже дышать перестал и глаза закрыл от страха.

Терезин оглянулась вокруг. Все собрались на площади и громко благодарили ее.

Терезин опустила голову и пошла домой.

«На этот раз я, кажется, перестаралась, слишком выросла, — подумала она. — Но что же было делать, кому-то надо было расправиться с разбойником...»

И вдруг произошло нечто удивительное: Терезин становилась все меньше и меньше. Вскоре она превратилась в девушку среднего роста, самую красивую в деревне.

Терезин по-своему расправилась с разбойником.

Люди не верили своим глазам.

— Как это получилось, Терезин? — спрашивали они.

А Терезин только улыбалась. Она была простой девушкой и не знала, что самый обыкновенный человек, когда он борется со злом, становится гигантом.

Дом Трех Пуговиц

Жил-был на свете плотник. Звали его Три Пуговицы. Может быть, настоящее имя его было Джакомо или Наполеон, но прозвали его Три Пуговицы давным-давно, так давно, что даже он сам не помнил своего настоящего имени.

Жил Три Пуговицы в бедной-пребедной деревушке. У крестьян не было денег на то, чтобы заказать себе новую мебель. За весь прошлый год ему заказали один-единственный стол и четыре стула. А в этом — только одну скамейку.

— Хотите, я сделаю вам шкаф? — предлагал плотник.

— О, это слишком дорого!

Построил плотник крошечный домик и укатил из деревни.

— Так, может, сундук или вешалку?

— А зачем? Что складывать в сундук и вешать на вешалку?

У бедных людей вся одежда была на них.

Тогда наш плотник Три Пуговицы решил: надо уезжать отсюда. Но в любой другой деревне тоже надо где-то жить. Где я возьму деньги на то, чтобы снимать квартиру? Построю-ка я лучше маленький домик на колесах. Буду возить его за собой повсюду, а когда разбогатею и женюсь, подарю его своим детям.

Сказано — сделано. Плотник он был хороший, да и ударить молотком по своим пальцам он не боялся.

Плотник был маленький и худенький, и большой дом был ему ни к чему. Построил он крошечный домик, в котором едва помещался с молотком и рубанком. Пилу пришлось повесить на гвоздь с наружной стороны. На двери он написал свое имя: «Три Пуговицы». Да еще к дому приделал четыре колеса и оглобли.

— Смотрите, смотрите, — смеялись люди. — Три Пуговицы построил себе дом с упряжкой.

Но плотник сделал вид, что не слышит их насмешек. Он снял шапку, попрощался со своими земляками и отправился в путь.

Домик был легкий. Когда дорога шла под гору, Три Пуговицы садился на порожек и весело катил вниз.

Под вечер Три Пуговицы увидел большой зеленый луг. «Переночую здесь, — сказал он себе. — Сегодня я немало прошагал».

И уснул.

Но вскоре по крыше забарабанил дождь и разбудил плотника. Вокруг бушевала непогода, молнии то тут, то там прорезали темное, свинцовое небо.

«Гром-то как громыхает», — подумал Три Пуговицы и тут же между раскатами грома услышал, как кто-то стучится в дверь домика.

— Эй, Три Пуговицы! Открой, пожалуйста!

— Кто там?

— Пусти меня, я промок до нитки!

— Входи, — сказал Три Пуговицы, открывая дверь. — Дом я строил для себя одного, но буду рад, если и ты поместишься в нем.

— Где есть место для одного, найдется и для двоих.

С этими словами вошел старичок с бородкой и улегся на полу.

— Вот я и поместился.

— Вижу. А ты кто такой?

— Твой дядя Карамелло. Остался я на старости лет один-одинешенек, некому даже сварить мне тарелку супа. Вот я и вспомнил о тебе. Как я огорчился, когда мне сказали в деревне, что ты уехал. К счастью, детишки показали, в какую сторону, вот я и догнал тебя. Ты, я вижу, построил новый дом? Значит, дела идут неплохо?

— Неплохо, — подтвердил Три Пуговицы.

— Молодец, я рад за тебя, а сейчас извини, меня сон сморил.

— Спокойной ночи, — сказал Три Пуговицы.

Сон не шел к нему, он все думал: «Бедный старичок, лег спать без ужина. Как, впрочем, и я».

А гром все гремел и гремел. И снова постучали в дверь.

— Откройте, пожалуйста откройте!

— Кто там?

— Бедная женщина и трое детей. Нам негде укрыться от непогоды.

Три Пуговицы открыл дверь. — Входите, если сможете. Этот дом для одного, но если вы в нем поместитесь, я буду рад.

— Где есть место для двоих, найдется и для троих. А детей я посажу к себе на колени.

Женщина и дети вошли в домик, и все прекрасно поместились в нем.

— Вот спасибо, — благодарила женщина. — Как у вас хорошо и уютно!

— Простите, а куда вы шли в такую непогоду?

— Куда глаза глядят, — заплакала женщина. — Муж мой умер. Осталась я одна с тремя сиротами. За квартиру платить нечем, вот хозяин и выгнал нас. Что будем делать, ума не приложу.

— Не думайте сейчас об этом, постарайтесь поспать немного.

Уснула женщина, уснули ее дети, а Три Пуговицы никак не заснет и все думает: «Бедная женщина, несчастные дети. Могу поспорить, что они тоже не ужинали, как я и дядя Карамелло».

Непогода не унималась. Дождь без устали стучал по крыше. Раскаты грома сотрясали домик, и время от времени кто-нибудь стучал в его дверь. Три Пуговицы впускал всех и приговаривал:

— Где есть место для шестерых, найдется и для седьмого... Где есть место для семерых, найдется и для восьмого... Где есть место для одиннадцати, найдется место и для двенадцати...

Он пустил в свой домик лесника, хижину которого снесла вышедшая из берегов река; двоих парней, которые пробирались через границу, чтобы найти себе работу в соседней стране; старичка, которого выгнали из дома злые родственники, потому что он не мог больше работать. Последним постучал больной королевский слуга. Его выгнали из дворца, когда он заболел.

А на рассвете, когда тяжелые облака низко мчались над землей и раскаты грома гремели, как артиллерийская канонада, кто-то властно постучал кулаком в дверь, да так сильно, что задрожал весь домик.

— Откройте!

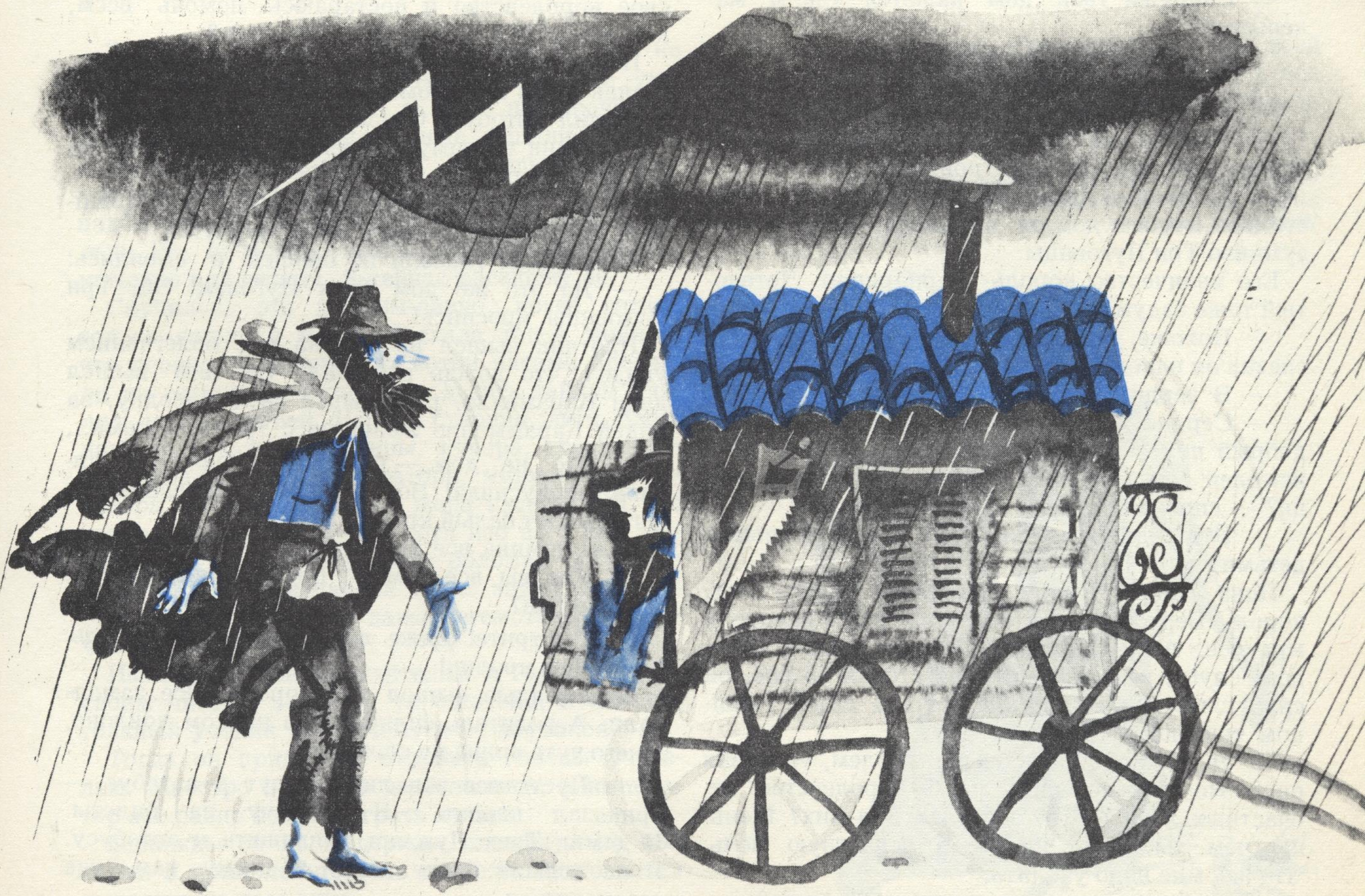
«Можно было бы добавить «пожалуйста», — подумал удивленный Три Пуговицы. Но дверь открыл и увидел на пороге...

— И моего коня пустите в дом, — приказал незнакомец.

Сомнений быть не могло: мантия вся промокла, но корона сверкала, как будто непогода отполировала ее. Это был король!

— Где есть место для двенадцати, найдется

— Где есть место для одного,
найдется и для двоих, —
сказал плотник дяде Карамелло.

Король приказал привязать домик к автобусу, а сам поехал следом на своем коне.

и для тринадцати,— кланяясь, пробормотал Три Пуговицы и добавил:

— А где есть место для короля, там найдется место и для его коня.

Король вошел и осмотрелся при свете молнии.

— Снаружи твой дом кажется таким маленьким.

— Я строил его для одного себя.

— А из какого дерева?

— Из каштана, ваше высочество.

— Каштан не растягивается, как резина. Что-то мне здесь не все понятно.

— В том-то и дело, что непонятно, как поместились в моем домике все люди,— сказал задумчиво Три Пуговицы.

Его величество король Бернардино Четвертый тоже задумался.

— Похоже, дело не в домике, а в сердце,— сказал он наконец.

— В сердце?

— Сердце у человека размером с кулак, но добрый человек может поместить в нем всех жителей земли. И кто же эти все спящие люди? — спросил король.

— Это дядя Карамелло, это вдова со своими детьми, это...

Пока Три Пуговицы рассказывал про всех, король Бернардино становился все мрачнее и мрачнее. А когда король увидел своего больного слугу, который жалобно стонал во сне, он снял с головы корону, будто она стала слишком тяжелой.

— Я считал себя добрым королем,— сказал он.— Но сколько еще в моем королевстве несчастных людей! Что я сделал для них? Меньше, чем ты, приютив их в ненастную ночь. Что же, мне надо уходить.

— В такую непогоду, ваше высочество?

— Нет, я имею в виду... Пора мне на пенсию. Если не умеешь править так, чтобы все твои подданные были счастливы, откажись от короны.

Подумав немного, король добавил:

— Но кое-что я еще сделаю. Как только прекратится дождь, вы все пойдете со мной. Ты, я вижу, хороший плотник, будешь обеспечен работой. Подумаем и о других. Кто болен, того вылечат, кто ищет работу — найдет ее. А за это ты отдашь мне свой домик. Я объеду свое королевство и постараюсь помочь всем, кто нуждается в помощи. Согласен?

Неизвестно, что ответил бы Три Пуговицы, но как раз в этот момент под окном громко просигналил автобус. Оказывается, за ночь ветер сдул домик на самую середину дороги, и автобус не мог проехать.

— Эй, вы,— кричал водитель,— посторонитесь, цыганята, уберите вашу будку!

Пассажиры глазели из окошек и смеялись:

— Да это же дом Трех Пуговиц! Эй, Три Пуговицы, проснись!

Плотник вышел из домика и с облегчением увидел, что дождь перестал. За ним вышел дядя Карамелло, расчесывая свою бородку, за дядей Караммелло женщина с тремя детьми...

— Это не дом,— смеялись люди,— а цилиндр фокусника! Вот увидите, последним из него выйдет белый кролик.

А из домика все выходили и выходили люди.

— Как вы все там не превратились в плоских сардин?

— Смотрите! Даже лошадь! Белая лошадь. Вот тебе и кролик!

За лошадью вышел сам король. Все замолчали. А водитель склонился в низком поклоне, у него чуть спина не сломалась.

— Пусть все эти люди сядут в автобус,— приказал король.— Я заплачу за билеты. И домик Трех Пуговиц привяжите к автобусу. Я на лошади поеду сзади и скажу вам, где остановиться.

Если верить учебникам истории, это был первый случай, когда автобус въехал в столицу в сопровождении конного короля.

Три Пуговицы женился на вдове и сделал деревянный домик на колесах, точно такой, как первый, для своих детей. Но в нем могли поместиться все дети города и осталось еще место для котенка.

Гитара императора

Жил-был однажды могущественный, но не очень умный император. В одной сказке уже рассказывалось, какая с ним приключилась история: обманщики-портные сшили платье королю совсем невидимое, настолько невидимое, что его и на самом деле не было. Король надел это платье и вышел к людям совсем голый. Но, по-моему, никто еще не рассказывал историю про гитару. Я сейчас расскажу ее.

Случилось это давным-давно, когда гитара только вошла в моду. И стала такой модной, что девяносто человек из сотни часами бренчали на гитарах, а остальные десять тайком учились играть на ней. Играли старики, дети, дворники, адвокаты, женщины, кучера, старьевщики. Играли слуги императора, министры императора, дети императора, жена императора. Но сам император не играл, хотя изо всех сил старался научиться. Все ногти обломал о струны гитары, но она издавала такие звуки, от которых бросало в дрожь даже бегемота. Не получалось у него, и все тут.

Император платил учителям и профессорам своим чистым золотом, те богатели, а их сиятельный ученик так ничему и не научился.

Тогда он пригрозил отрубить головы учителям. Маэстро в страхе разбежались, а император все равно не стал играть лучше.

Однажды он не выдержал, швырнул на пол парик и принялся топтать его, как будто хотел выдавить из него вино.

— Где это видано,— закричал он,— во всей стране только я один не играю на гитаре, а все остальные тринь-бринь, тринь-бринь с утра до

— Где это видано,— закричал император,— во всей стране только я один не играю на гитаре!

Императрица вошла в тронный зал и увидела... своего мужа-императора, играющего на гитаре.

вечера? Ну погодите! Если молчу я, пусть молчат все! С сегодняшнего дня я запрещаю играть на гитаре. А кто ослушается — тому прикажу отрубить пальцы.

— Бррр! — вздрагивали подданные императора, по очереди целуя свои пальцы: большой, указательный, средний, безымянный, мизинец.

— Лучше распроститься с музыкой, чем с пальцами.

И кто до лучших времен свою гитару повесил в шкаф, кто спрятал ее на чердаке, кто поспешил схоронить ее в погребе. А многие даже сжигали гитары на улице, на глазах у стражи императорской и при этом приговаривали, потирая руки:

— Мы ведь верные подданные, не правда ли? Отметьте, пожалуйста, что мы уже выполнили свой долг.

Всегда найдутся люди, которые считают своим первым долгом усердие перед властями.

Но страже начихать было на это. Тем более, что среди стражей тоже было много любителей играть на гитаре и запрет императора обрушился на них, как удар по уху.

Но нашлись и такие, кто не послушался запрета. Их заставали в тот момент, когда они, плотно закрыв окна и двери, заткнув все щели в стенах, тихонько перебирали любимые струны. Всех тут же бросали в тюрьму, они томились там в ожидании экзекуции.

Жили в этом городе два молодых парня, два друга: Пип и Поп. Конечно, они умели играть на гитаре. И, разумеется, играли превосходно. И, разумеется, они и не подумали сжигать свои гитары. Вырыли землянку под стогом сена в открытом поле и по вечерам, притворившись, что ходят на охоту за сверчками, забирались в землянку и играли.

— Счастливчики эти сверчки, — смеясь, говорили они соседям, — они могут играть на своей маленькой гитаре, не боясь, что у них отрубят лапки.

Однажды вечером, наигравшись всласть, Пип сказал Попу:

— Знаешь, о чем я думаю?

— Догадываюсь. О том, что хорошо бы разбить твою гитару о голову императора.

— Что ты! Я ею очень дорожу.

— Головой императора?

— Гитарой, глупец! А императора хорошо бы проучить!

— Хорошо бы, да как?

Пип изложил свой план, и Поп горячо одобрил его. На следующее утро они явились во дворец с большим пакетом под мышкой и попросили аудиенции у императора.

— Мы принесли подарок, — сказали они.

— Какой?

— Покажем его только самому императору.

Придворный подозрительно посмотрел на них:

— Вы похожи на жуликов...

— Мы? Мы Пип и Поп, столяры-краснодеревщики. Нас все знают в городе, мы никогда никого не обманывали.

— Ваше величество, — доложил придворный императору, — тут Пип и Поп говорят, что принесли какой-то подарок...

— Молодцы, ребята. Покажите, что вы принесли.

— Ваше величество, — сказал Поп, — пусть все выйдут. Мы просим вас не сердиться, выслушать нас до конца.

— Оставьте нас, — приказал император. — А теперь говорите.

— Ваше величество, мы принесли вам гитару.

— Что???

— Ваше величество, вы обещали выслушать нас до конца.

— Хорошо, хорошо. Но берегитесь, если вы пришли разыгрывать меня.

— Что вы, ваше величество. Посмотрите, какие у нас красивые головы. Мы совсем не собираемся подарить их палачу. Так вот: эта гитара играет сама. Чтобы научиться на ней играть, не нужно никаких учителей.

— А еще, — добавил Поп, — эта гитара играет без струн.

— Без струн? Да вы с ума сошли?

— И это еще не все, — сказал Пип. — Эта гитара может играть и как пианино, и как скрипка, и как гармошка, и даже как барабан.

— Но это невозможно! Давайте послушаем вашу гитару.

Пип распаковал гитару, она в самом деле была без струн: Пип их сам снял утром.

— Ваше величество, — торжественно произнес он, — сейчас я исполню вам симфонию Баха из «Свистящего шелка».

— Название несколько необычное... — заметил император. — Играй!

Пип осторожно коснулся пальцами грифа, где должны быть струны, и... чудесная мелодия заполнила зал, полилась из дверей и окон, всполошила всех, кто находился поблизости.

— Кто это играет? Кто играет? — спрашивал повар у кучера, кучер у лакея, лакей у мажордома, мажордом у придворного сановника, сановник у императрицы. А императрица, даже не постучавшись, вошла в тронный зал и увидела... своего мужа-императора, играющего на гитаре. И звучала эта гитара как целый оркестр!

— Ваше величество!

— Подойди, подойди сюда, дорогая. Никто теперь не скажет, что у меня нет музыкального слуха, что я отрицаю музыку! А вы, господин придворный советник, немедленно сообщите об этом всей стране! Пусть все играют на гитарах! Немедленно освободите заключенных из тюрьмы! Пусть завтра весь народ соберется в императорских садах, и пусть каждый захватит с собой свою гитару. Мы проведем большой музыкальный конкурс, в котором и я приму участие. Посмотрим, кто победит!

Гром аплодисментов последовал за его словами.

— Да здравствует император, отец родины и гитары!

— Спасибо, спасибо, — пробормотал взволнованный до слез император. — А вы, дорогие Пип и Поп, просите у меня все, что хотите. Вы сделали меня счастливым человеком.

— Нам ничего не нужно, ваше величество! — воскликнул Пип.

— Ничего-ничегошеньки, — поддержал его Поп. — Мы же сказали, что принесли вам подарок.

— Правда, правда, но я не отпущу вас с пустыми руками. Эй, казначей, наполни их карманы золотом! И гитару наполни. Хотя нет, гитара теперь моя.

— Да, ваше величество, — поспешно подтвердил Пип. — Мы только на этот вечер заберем ее.

— Мы хотим внести в нее маленькое усовершенствование, — добавил Поп. — Вы, наверно, обратили внимание, что фагот слегка фальшивил?

— Да, — поспешно ответил император, не желая выглядеть невеждой. — И гобой порой посвистывал.

— Мы же играли Баха из «Свистящего шелка», — объяснил Пип, — но вы правы, не всегда он свистел в такт.

— Он играл вполтона, — рискнул заметить император.

— Совершенно верно, вполтона, — подтвердил Поп.

Его величество удовлетворенно улыбнулся и

— Да здравствует император, отец родины и гитары!

подумал: «Ах, как быстро можно научиться музыке!»

— Хорошо,— согласился он.— Можете забрать гитару, но завтра, к началу конкурса, непременно принесите ее.

— Непременно, ваше величество!

Сейчас читатель может подумать: «Стоп! Я уже догадался, чем кончится эта история. Пип и Поп, набив карманы золотом, перейдут границу и уедут в какую-нибудь далекую страну».

Нет, эта история кончается совсем не так.

«Ах, да, понятно! На конкурсе император будет играть на бесструнной гитаре, которая не издает ни единого звука, но ему все равно дадут премию, чтобы не рассердить его...»

Нет, нет, и на этот раз вы ошиблись.

На следующее утро гитара снова играла симфонию Баха, зрители слушали ее, разинув рты, и все музыканты единогласно заявили, что никто из них не играл лучше императора. И счастливый государь угощал всех жареными орешками, а Пипу и Попу подарил две дюжины галстуков.

Теперь настало время объяснить всю эту историю. Дело в том, что Пип и Поп были не только хорошими столярами, но и искусными электриками. Пип сделал радиолу величиной со спичечную коробку и пристроил ее внутри гитары. Как только император брал гитару в руки, радиола начинала играть. Короче говоря, здесь уже начинаются электронные дебри... Император, конечно, ничего не заметил, потому что, как уже говорилось, он не обладал особой проницательностью.

Когда Пип и Поп были у императора, они заметили, что в радиоле оторвался какой-то малюсенький проводничок, поэтому они и забрали с собой гитару, чтобы починить ее.

Императрица, сановники и даже дворцовый повар, которые были похитрее императора, подозревали здесь какой-то подвох. Но император не терпел, когда кто-то сомневался в его способностях.

— Вам просто завидно!— кричал он.— Вы не хотите признать, что играете хуже меня!

Но когда он оставался один, ему было обидно, что он играет только симфонию Баха из «Свистящего шелка». «Хорошо бы мне научиться играть «Санта Лючия»,— вздыхал он,— но что поделаешь? Вот позову этих парней, пусть они научат меня играть другие вещи».

Теперь Пип и Поп могли спокойно играть на своих гитарах. Когда правители хотят, чтобы их разыгрывали, всегда следует удовлетворить их желание.

И если кто-нибудь спросит меня, в чем смысл этой истории, я отвечу так: если невежде внушить, что он самый умный и образованный на свете... он навсегда останется невеждой.

Приехал дядюшка Белый Медведь

Последнее время бурые медведи прохаживались по деревне с гордо поднятой головой.

— Они или лотерею выиграли, или проглотили палку,— говорил Осел, который торговал барабанами в угловой лавочке. Осел, если захочет, тоже может быть остроумным.

Причину такого необычного поведения бурых медведей объяснила лиса Акута:

— Ожидается приезд важных гостей.

— Откуда?

— С Северного полюса.

— Может, приедет медведь, который живет на льдине?

— Совершенно точно. Ждут дядюшку Белого Медведя и надеются, что мы перестанем смеяться над их бурым цветом, когда познакомимся с модником, который всегда ходит в белом.

— Где же он у них будет спать? В холодильнике, что ли? Говорят, белые медведи в жару могут растаять.

Однажды утром папа Бурый, мама Бурая и детвора, от старшего Бурика до младшей Бурики, которую вывезли в коляске,—словом, вся семья вышла на улицу. Бурые медведи стояли перед своим домом и вглядывались в даль.

— Наверное, дядюшка Белый Медведь едет...

— Должно быть.

Лиса Акута с балкона своего дома смотрела в бинокль и первая подняла тревогу:

— Едет, едет! Ах, какая красивая автомашина! Вся белая, а внизу голубая полоска. Голубой цвет — это, наверное, символ моря...

Все население высыпало на улицу. Автомобиль промчался по деревне под гром аплодисментов.

— Как прекрасно одет дядюшка Белый Медведь!

— И какой внушительный!

— Посмотрите, посмотрите, среди своей бурой родни он кажется белоснежной верхушкой торта.

— Дядюшка наверняка привез дорогие подарки. Пойдемте посмотрим.

В этот момент дядюшка Белый Медведь объявил своим внукам и правнукам:

— Я приготовил для вас маленький сюр-

приз, редкую вещичку, которая бывает только у нас...

С этими словами он распахнул заднюю дверцу автомашины, до самой крыши набитую чем-то белым-белым...

— Настоящий снег с самого Северного полюса! — гордо объявил он.

— Снег? А что мы с ним будем делать, дядюшка? — спросила синьора Бурая.

— Что будете делать? Ну, хотя бы хранить в нем лимонад, чтобы он был холодным.

— Но у нас есть холодильник.

— Тогда пусть детишки поиграют в снежки.

— Они могут простудиться.

— Обсыпьте снегом новогоднюю елку.

— Мы уже купили елку из синтетики. Она разборная, лежит в коробке.

— Значит, мой подарок вам не нужен? Такой прекрасный снег: белый-белый, пушистый, мягкий. Я собрал его во время последнего снегопада, перед самым отъездом. Я мчался на самой большой скорости, рискуя, что меня оштрафуют, чтобы только не растаял снег. А вам он не нужен...

— Что вы, дядюшка, снег очень красивый, и хорошо, что вы привезли его.

— Хорошо, что я его привез, но вам он ни к чему. Ну что ж, тогда до свидания!

И рассерженный дядюшка Белый Медведь сел в свою автомашину и захлопнул дверцу, что-то сердито бормоча под нос.

Синьора Бурая расплакалась и убежала домой. Синьор Бурый последовал за ней, печально покачивая головой. Один за другим отступили и их дети. Причем старший захватил с собой коляску с маленькой Бурикой, которая продолжала хлопать в ладошки и кричать:

— Ядя Елый! Ядя Елый!

Малышка не разобралась в сложившейся ситуации.

Жители деревни подмигивали друг другу, но вообще-то все огорчились. У каждого была на то своя причина.

— Ну и дела! — шептали одни. — Где это видано, приезжать в гости с кучей снега...

— Разве можно так принимать родственника, приехавшего с самого полюса? — недоумевали другие.

Но больше всех были удивлены самые маленькие обитатели деревни. Ведь дело-то было в июле. В июле! А там, в железном корпусе машины, лежала целая гора снега. Вы понимаете, что это такое?

Наконец один крольчонок осмелел и постучал в дверцу автомашины:

Дядюшка Белый Медведь приехал на красивой автомашине.

— Эй, дядюшка Белый Медведь!

— Что тебе нужно?

— Вы не могли бы дать мне немножко снега? Мне так хочется поиграть в снежки!

— И мне, дядюшка Белый Медведь, и мне!

Со всех сторон сбежались крольчата, лисята, щенки, котята, ослики, жеребята. Дядюшка приоткрыл окошко.

— Синьор Белый Медведь, дай нам немножко снежку!

И все увидели, как улыбнулся дядюшка Белый Медведь. Распахнул дверцу машины и выбросил оттуда целую снежную горку.

И началось сражение, самое веселое из всех сражений. Видали ли вы что-либо подобное летом? Вряд ли... Даже синьор Осел не выдержал, подошел поближе и слепил снежок, прицелился в колокольню и...

— Дон! — отозвался колокол, в который попал снежок.

— Дин-дон, дин-дон! — весело зазвонили колокола в ответ на меткие снежки, которые кидала в них детвора по примеру синьора Осла.

Синьор Белый Медведь был в восторге: даже колокола празднично звонили в честь его приезда!

Синьор Бурый, синьора Бурая, их малыши, один за другим, стали выглядывать из своего дома. Интересно, что же происходит на улице.

Увидев, как все радостно приветствуют дядюшку Белого Медведя, бурые медведи вздохнули свободно. Они боялись, что над ними будут смеяться соседи из-за их сумасбродного дядюшки, который приехал в гости с автомашиной, набитой снегом. Но теперь снова высоко подняли головы, как бы говоря:

— А вы сомневались, что в нашей семье водятся такие выдающиеся личности...

Из оставшегося снега дядюшка Белый Медведь приготовил вкуснейшее мороженое, и все время, пока он жил в деревне, все приветствовали его как самого дорогого гостя.

Весны зеленая ветка

Мария Прилежаева...

Кому из школьников не знакомо это писательское имя! Всякий раз, когда встречаешь его на обложке книги или в журнале, всегда, даже еще не начав читать, уверен, произведение это поведает тебе о событиях значительных, познакомит с людьми большой души, смелыми и честными, беззаветно преданными великим ленинским идеалам. И писательница всегда оправдывает читательские ожидания. Будь то повести «Семиклассницы», «Юность Маши Строговой», «Пушкинский вальс», «Третья Варя», где поэтично рассказывается о юности нашей страны, о советских школьниках и учителях, будь то произведения, воссоздающие образ Ленина и его соратников по революционной борьбе: «С берегов Медведицы», «Начало», «Под северным небом», «Удивительный год», «Три недели покоя», «Жизнь Ленина». Каждой своей повестью Мария Павловна Прилежаева знакомит нас с героями, судьба которых неразрывно переплелась с судьбой Родины, с судьбой Революции.

Вот и новая ее повесть «Зеленая ветка мая» раскрывает становление и мужание характера юной Кати Бектышевой, судьбу которой круто изменила Великая Октябрьская социалистическая революция.

Так уж случилось, что в раннем детстве Катя осталась без отца и матери. Сироту на воспитание взяла мамина тетка Ксения Васильевна, баба-Кока, и увезла ее к себе в монастырскую келью.

Революция ворвалась в ее жизнь, в жизнь бабы-Коки, в жизнь многих-многих людей, как вешний ветер обновления, как долгожданный солнечный май, осветивший путь к счастью, добру и справедливости. Подобно

первому зеленому листочку, сочному и клейкому, Катя постепенно, день за днем, стала набираться свежих сил и стойкости, освобождаясь от религиозных предрассудков, обретая ясную и благородную цель в жизни. Мы как бы становимся соучастниками тревог и мечтаний героини, волнуемся за нее, разделяем ее радости и печали.

Не сразу налаживается ее жизнь в селе Иванькове, не сразу приходит педагогический навык. Кате семнадцать лет. Но, мучаясь и страдая, она стойко переносит все невзгоды и трудности, ибо знает — людскую любовь, уважение односельчан надо заслужить делом. А дело ей доверено ответственное и почетное — помочь неграмотным крестьянам ,и их детишкам стать людьми образованными. И она трудом своим завоевывает это доверие, становится нужным и полезным человеком.

Как и в других своих книгах, в повести «Зеленая ветка мая» Мария Прилежаева показывает силу воздействия коллектива на человека, благородное и неодолимое братство людей, спаянных друг с другом единством революционных убеждений. В самом начале жизненного пути Кате помогает брат, приезжавший домой на побывку из действующей армии,— от него она впервые узнала о большевиках, об их борьбе за народное счастье. Верным другом, наставником становится и добрая баба-Кока, сердцем принявшая революцию. Она живо откликается на все просьбы крестьян, помогает школе, деревенским ребятам.

Но, пожалуй, главным советчиком и для Кати и для бабы-Коки становится председатель сельсовета коммунист Петр Игнатьевич Смородин, обладающий даром повсюду находить хороших людей, увлекать их за собой. Он и для Кати находит таких людей, отзывчивых и добросердечных, без которых не смогла бы она в полной мере изведать радость труда, радость общения с народом.

Мария Прилежаева, сама в прошлом учительница, сумела показать романтику

учительского труда, показать школу, которая дает ребятам путевку в большую жизнь.

В будущем году Советское государство будет отмечать свое шестидесятилетие. И среди книг, правдиво рисующих первые шаги Страны Советов, вы обязательно найдите «Зеленую ветку мая» Марии Прилежаевой. Прочтите ее, и вы узнаете о судьбе Кати Бектышевой, о судьбе человека, которого сделал счастливым Великий Октябрь.

Вл. РАЗУМНЕВИЧ

Однажды в детстве я прочитал книгу...

Со мной происходило чудо

Давно, в далеком детстве, только что прочитав, я начинал перечитывать снова и снова, еще и еще строки удивительного, совершенно захватывающего рассказа...

«Метелица на совесть гнал жеребца, согнувшись над ним, как хищная ночная птица, жестоко и весело раздувая тонкие ноздри...»

Любой мальчишка моего поколения мог наизусть пересказать эту книжку про партизанского разведчика Метелицу; как скакал он в разведку по таежной опасной дороге, как встретил в темноте у костра маленького испуганного пастушонка и как, окруженный врагами, стремительно бросился на белогвардейского офицера...

В то время я еще не знал, что это всего лишь один эпизод из прекрасной книги Александра Александровича Фадеева «Разгром». Но уже надолго, на всю жизнь запомнил и тревожные шорохи тайги, и обволакивающий сопки туман, и летящую по дороге стремительную фигуру всадника.

А когда прочел всю книгу, познакомился с мужественными Левинсоном и Дубовым, с могучим Баклановым и отчаянным Морозкой, то словно бы пошел с ними навсегда по боевой, некончающейся дороге.

Картины этого похода потом не раз отчетливо возникали передо мной — то в Москве, то в дальнем океанском плавании. Вдруг припоминались запахи тайги, ощетинившиеся елями сопки и бешеный стук копыт среди наступающей ночи.

Стоило взять в руки книгу, со мной происходило чудо: я чувствовал, это уже не Метелица, это я лечу в разведку; это не Морозка, а я бросаюсь навстречу врагу.

А потом пришла война, другая жизнь, а с ней время другой любимой книге.

И снова со мной стали происходить чудеса: то я с Тюлениным пробирался на школьные чердаки, метал гранаты в окна фашистского штаба, то хватал под уздцы обезумевшую от бомбежки лошадь. Это я поднимался ночью на крышу управы и укреплял над ней наш красный флаг, я читал в фашистском застенке стихи из «Демона», я шел навстречу смерти с гордо поднятой головой...

Я плакал от любви к Сережке и Уле, Ване Земнухову и Любе Шевцовой и словно бы сам жил их жизнью, их подвигами, их борьбой.

Это была прекрасная, пламенная «Молодая гвардия», и написал ее тоже А. Фадеев.

Я предавался этому прекрасному волнению, придвигал ближе книгу, я мучился и плакал, вновь удивляясь чуду, заключенному в ней.

Позднее я понял: чудо в горячем сердце писателя. Это оно так горячо рассказывало о шуме тайги, о суровой дороге, это оно летело навстречу подвигу, опасности и счастью.

Мне еще понятнее стали книги Фадеева, когда через много лет ехал по таежной долине, где когда-то скакал Метелица, а мне говорили: «Вот по этой дороге, по болотам несли когда-то раненого Сашу Фадеева... А вон, кажется, и дерево у родника, возле которого он тогда лежал!»

Как Метелица, мчался Саша на партизанском коне, насмерть дрался с врагами революции, был в подполье, ходил в смертельно опасную разведку и любил смотреть опасности в глаза. Разбрасывал листовки в стане белогвардейцев, помогал друзьям уходить от шпиков.

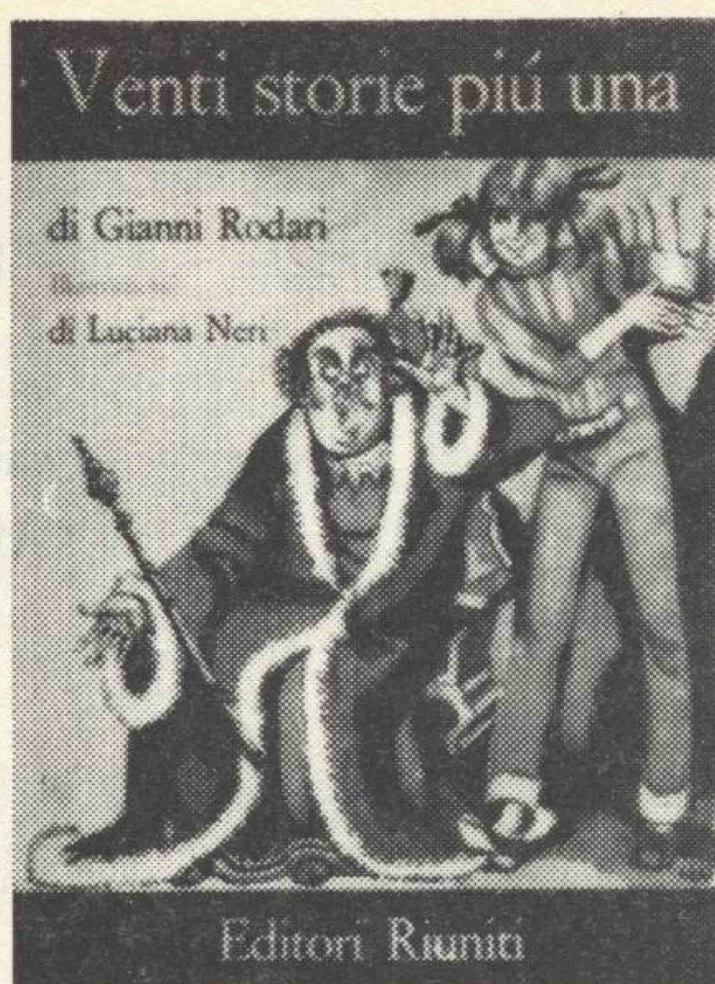
Александр Фадеев умел мужественно отвечать за свои поступки и требовал мужества от других.

А позже, когда собирались с друзьями на Орлиной сопке, всматриваясь в уходящие за горизонт корабли, он любил читать стихи о мужестве, о любви и те строки из мятежного «Демона», которые читала в свои последние часы Уля Громова.

Подруга его партизанской юности Тамара Михайловна Головина рассказывала мне во Владивостоке об их партизанских делах, о дружбе, о мечтах, и мне понятнее и ближе становились герои его книг.

Я тоже поднимался на сопку, смотрел на заливы Владивостока, которые так любил Фадеев, и думал: чудо — это талант Фадеева. Это как пламя. Горящее на ветру, оно всегда летит вперед.

Виталий КОРЖИКОВ

Сказка о сказочнике

Жил-был на свете... Это потом он стал синьором, а когда был маленьким, его звали бамбино. Когда он был маленьким, всегда с завистью смотрел на взрослых: хотелось поскорее стать большим. Взрослым все дозволено, взрослые все могут.

Но как только он подрос, понял, что не может жить без детства, не может жить без детей. И пошел к ним...

«Добрый день, синьор Учитель»,— эти слова он слышал шесть раз в неделю в течение многих лет.

Однажды, когда Королева их дома, то есть мама, подала на стол поленту [1], он отодвинул тарелку и задумался. Его родина — Италия дала миру столько великих людей, что, если попытаться обо всех рассказать хотя бы вкратце, придется написать не одну толстенную книгу. Да обо всех и не расскажешь. Не лучше ли рассказать о себе? О своих мечтах? И он написал:

«Вот если бы Данте
назвали меня,
И я написал бы поэму!
Вот если бы дали мне
имя Эвклид,
И я бы открыл теорему!
Вот если бы имя Джотто
добыть
И тоже великим
художником быть!
Стать бы во всех
искусствах
Самым-самым искусным!»

[1] Еда из кукурузы (итал.).

Под своими стихами он подписывался Лино Пикко, хотя в домашнем королевстве его звали просто Джанни. Чаще всего эти стихи стали появляться в «Унита» — газете итальянских коммунистов.

Италия... Кто там не был, тому она кажется страной сказочной, а люди, которые там родились и живут,— сказочниками или героями этой сказки. Не знаю, как остальные 50 миллионов итальянцев, но один из них, Джанни, явился в мой дом, в мой мир добрым, веселым сказочником.

Герцен в свое время писал: «В Италии все определенно, ярко, каждый клочок, каждый городок имеет свою физиономию, каждая страсть — свою цель, каждый час — свое освещение».

И Джанни Родари подарил этой сказочной стране сотни удивительных сказок. Если бы каждому его сказочному персонажу выделить одну комнату, то для всех героев, рожденных чудесным сказочником Джанни, понадобился бы огромный дворец. Или, говоря по-современному, надо было бы построить стеклянный — чтоб всех было видно — небоскреб, ушедший в небо (в отличие от его «Небоскреба, ушедшего в море») [2]. И если бы я был волшебником, первый этаж этого небоскреба я бы предоставил нашим старым знакомым из книги «Джельсомино в стране лжецов»: естественно, самой Кошке - Хромоножке, тетушке Кукурузе, королю Дракомону, десятилетней Ромолетте, похожей на мальчика, кондитеру, редактору газеты... Нет, я вижу, одного этажа мало для всех героев даже одной книги.

Следующие этажи я бы предоставил, конечно же, находчивому, веселому и отважному Чиполлино со всей его «славной» компанией: синьором Помидором, принцем Лимоном и т. д.

[2] Название одного из рассказов Джанни Родари.

Кстати, уж очень неусидчивым оказался этот Чиполлино. Родившись в Италии, он не усидел там под книжной обложкой. Он пошел гулять по миру, прозвучал по радио, попрыгал на экране, а ныне вышел и на сцену... Киевского театра оперы и балета. Вышел танцевать.

Итак, вернемся снова к небоскребу.

...Чуть выше я бы разместил действующих лиц книги «Путешествие Голубой стрелы». Еще выше — героев книги «Двадцать историй плюс одна», с некоторыми из которых, ребята, вы познакомились в этом номере. Это и маленькая Терезин, и плотник Три пуговицы, и Император со своей бесструнной гитарой, и Дядюшка Белый Медведь, и другие.

Да, но не всех героев доброго, веселого сказочника Джанни знает наш читатель: еще не все его книги переведены на русский язык. Так что и им надо предоставить комнаты. А сколько еще новых сказок напишет нам Родари!

Жизнь самого Джанни неразрывно связана с «ПИОНЕРОМ»: и с тем итальянским журналом, которым он руководил и в котором печатался, и с «Пионером», который сейчас держишь в руках ты.

Многие итальянские сказки заканчиваются традиционным двустишием:

«Так и жили они без
печали,
А мне ничего не дали».

Сказки Джанни дают многое, минимум — один мудрый совет. Не зря сам сказочник некогда говорил, что писать для детей — это просто еще один раз быть учителем.

...Жил-был на свете синьор. Звали его Джанни. Фамилия — Родари. Родился он в 1920 году, живет в Риме, а с нами будет всегда.

Р. БАБЛОЯН

Ведет журналист-международник Яков БОРОВОЙ

За мир в Европе, за мир во всем мире

Европу называют колыбелью цивилизации — так много дала европейская культура и наука всем народам мира.

Но не раз кровопролитные войны, вспыхивавшие в Европе, опустошали эту сокровищницу человеческого труда и таланта.

Вторая мировая война была самой разрушительной в истории человечества.

За тридцать лет после Победы над гитлеровской Германией многое изменилось. Окрепло единство людей доброй воли. Ленинский принцип мирного сосуществования стал главным в отношениях между государствами.

Но у сторонников мира есть еще противники в странах капитала, которые наживают миллионные барыши на поставках оружия. Не прекращается гонка вооружений.

Одним из самых важных событий этого года стала Конференция коммунистических и рабочих партий Европы, которая проходила 29—30 июля в Берлине.

«И как раз этим силам принадлежит решающая заслуга в том, что Европа вот уже более тридцати лет живет в условиях мира»,— сказал, выступая на конференции, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Участники международного форума в Берлине говорили о том, как дальше сообща бороться за мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс.

Наш корреспондент встретился с общественными деятелями разных стран, и вот что они сказали:

— Венгерский народ, как и народы всего мира, с огромным вниманием следил за работой Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Процесс разрядки получил значительное развитие на континенте. Решающее слово в этом принадлежит теперь социалистическим государствам, рабочему и коммунистическому движению в странах капитала.

Дьюлане СЕНТИШТВАНИ,
секретарь Отечественного народного фронта (Венгерская Народная Республика)

— Я представляю не коммунистическую газету. Но на меня большое впечатление произвела речь Леонида Ильича Брежнева. Советский Союз вновь доказал незыблемость своей миролюбивой политики.

Гельмут БАУШ,
член редколлегии газеты «Дойче фольксцайтунг» (Федеративная Республика Германии)

Сейчас по всей планете проходит кампания сбора подписей под Стокгольмским воззванием, принятым в столице Швеции. В этом документе Президиум Всемирного Совета Мира призывает народы Земли остановить гонку вооружений, добиваться запрещения ядерного оружия и всех видов оружия массового уничтожения.

Стокгольмское воззвание нашло горячий отклик в сердцах людей всего мира. Только в нашей стране его подписало более ста миллионов человек.

29 ноября — День Свободы Югославии

БОМБАШИ

На полях войны теперь зреет хлеб. Давно переплавлены в печах покореженные танки. Восстановлены города. Но война осталась в памяти, в песнях, в пожелтевших фотографиях, война осталась в сердцах людей.

В Белграде я познакомился с Сашей Божович. Саша, отважная женщина, врач, во время войны воевала против фашистов в партизанском отряде. Сашу часто можно видеть в школах и интернатах, она рассказывает о подвигах партизан и, конечно, о «бомбашах» — юных грана-

тометчиках, которые были сынами югославских полков и партизанских отрядов.

Многие пионерские отряды в Югославии названы именем Бошко Буха, бомбаша, Народного героя Югославии. Ребята часто просят Сашу рассказать про Бошко, с которым она сражалась в одном отряде. При ней мальчик совершил свой последний подвиг.

В отряд Бошко попал в 1941 году. У него не осталось в живых ни отца, ни матери — их убили фашисты. Бошко пришел к партизанам, чтобы мстить врагу.

Однажды Бошко подбирался к бункеру, в котором засели итальянские фашисты, оккупировавшие Югославию вместе с гитлеровцами. «Бела, бела мия...» — распевали они. «Сейчас вам будет черно!» — крикнул мальчик и бросил в бункер гранату.

В пятнадцать лет Бошко Буха приняли в коммунистическую партию. Он был уже мужественным бойцом, верным товарищем, хорошо знал, за что сражается. Хотя иногда и горевал, что мало ему лет и невысокого он роста.

Когда Бошко послали на I конгресс Союза коммунистической молодежи Югославии, на трибуне его едва было видно. Тем не менее он очень хорошо рассказал о боевых действиях своего отряда и о задачах молодежи. Товарищ Иосип Броз Тито снял свои часы и подарил их мальчику. «Куришь?» — спросил Тито, протягивая ему пачку сигарет. Бошко взял две сигареты и сказал: «Спасибо. Я не курю. Но можно я возьму их с собой для нашего командира?»

В декабре 1943 года Саша Божович с бойцами отправились на машине за медикаментами. Бошко упросил, чтобы его взяли с собой. По дороге на партизан напали каратели. Они забросали машину гранатами и убили всех бойцов.

Бомбаши в походе.

Бошко стал отстреливаться из автомата, чтобы прикрыть отход Саши. «Доктор, уходите!» — кричал он ей. Но Саша, раненная в обе ноги, потеряла сознание. Каратели все ближе подступали к Бошко, и он бросил свою последнюю гранату. Скоро замолчал и его автомат.

Подоспевшие партизаны отбили Сашу у карателей. А Бошко погиб в этом бою. Ему присвоили звание Народного героя Югославии посмертно.

О. ТИХОМИРОВ

ЦВЕТАМ— СОЛНЦЕ, ДЕТЯМ— МИР!

Ребята в Японии начинают учиться с шести лет: до двенадцати лет — в начальной школе, потом переходят в среднюю школу I ступени. Эта школа трехлетняя, в ней дети изучают японский язык, математику, естествознание, обществоведение, музыку, занимаются физкультурой и домоводством.

Тем, кто хочет продолжить свое образование, приходится держать экзамены в среднюю школу II ступени. И экзамены и обучение в этой школе платные. А это не по карману многим японцам... Поэтому многие ребята начинают трудовую жизнь с пятнадцати лет. У них нет еще никакой квалификации, и зачастую они сразу пополняют армию безработных.

С первого класса в японских школах преподают особый предмет «мораль». Задача его—«формирование идеального японца». Будущих идеальных японцев учат поклоняться героям. Ничего дурного в этом вроде бы нет: каждый народ гордится своими славными соотечественниками. Вопрос только в том, кого считать героями. Маленьких японцев учат почитать генерала Тойо и других полководцев милитаристской Японии, осужденных военных преступников, летчиков-смертников — «камикадзе». Зато в учебниках нет ни строчки об интернационализме, уважении к культуре других народов.

Против такого воспитания протестует Общество в защиту детей. Его девиз прост и благороден: «Цветам — солнце, детям — мир!» Преподаватели этого общества учат ребят дружить с детьми всей планеты, бороться против войны. Во время агрессии США во Вьетнаме общество перечислило в фонд помощи Вьетнаму три миллиона иен.

По знаку герольда рыцари Неро и Ланселот поскакали навстречу друг другу. Крепко бились они. Удар был жесток: в мгновение ока Ланселот вылетел из седла...

КАК В СТАРЫЕ ДОБРЫЕ ВРЕМЕНА

По обычаю победитель совершил круг почета.

Потом рыцари сошлись в пешем поединке. Зазвенели мечи, да так, что искры посыпались. На этот раз Неро был побежден, Ланселот мастерским ударом выбил оружие из рук врага. Настал черед Ланселота с почетом объехать поле брани. Рыцарь остановился у королевской ложи и получил приз из рук прекрасной дамы.

Турнир окончился. Рыцарь Неро, он же Макс Дьямон из британской королевской гвардии, отправился на службу. А его соперник, сняв доспехи, занял место кондуктора в обычном лондонском автобусе. Оба они члены общества, которое с огромным энтузиазмом борется за возрождение в Англии рыцарских турниров. Британцы всегда чтили традиции! «Рыцари» мечтают о том, чтобы турниры были включены в олимпийские виды спорта.

С. МАКЕЕВ

ЗАРУБЕЖНАЯ КАРИКАТУРА

В капиталистических странах непрерывно растут цены на товары первой необходимости. Теперь и Пиф, любимый герой французской детворы, страдает от дороговизны.

— Как встречают Новый год в других странах? — спрашивают нас в своих письмах ребята. Сегодня мы немного расскажем об этом.

Афганцы справляют Новый год в марте. Дети и взрослые состязаются в запуске бумажных змеев: чей змей поднимется выше и продержится дольше всех в воздухе? Награждают призами и тех, кто смастерил самых красивых, самых необыкновенных змеев.

Новый год бирманцы справляют в апреле. Это праздник Воды.

На улицах под ярко раскрашенными навесами ставят бочки и ведра с водой, к водопроводным колонкам присоединяют шланги. Поливают друг друга, прохожих и проезжих. Льют воду из окон и дверей... И никто не обижается. «Пусть вода смоет все заботы, и жизнь в новом году будет счастливой!» — говорят бирманцы.

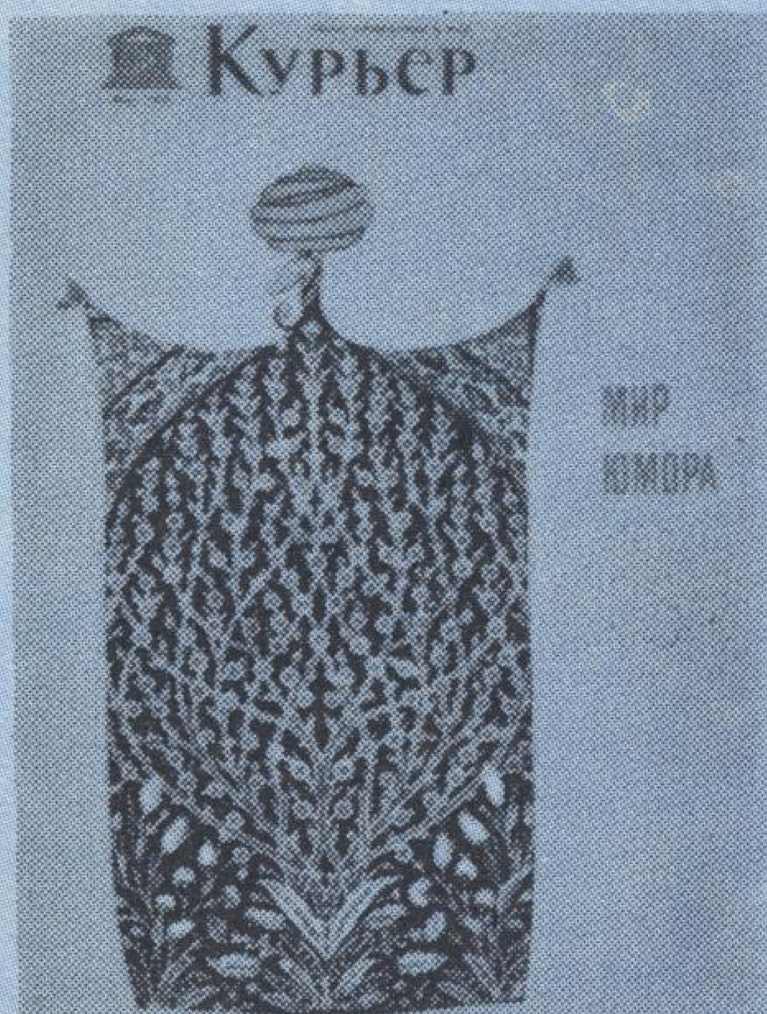
В Индии дома и улицы украшаются тысячами электрических лампочек и свечей. Люди жгут шутихи, запускают в небо ракеты и фейерверки.

Для индийцев огонь — символ будущего счастья!

М. ГОДУНОВА

Знакомьтесь, журнал «Курьер ЮНЕСКО»!

ЮНЕСКО — это организация по вопросам образования, науки и культуры при Организации Объединенных Наций.

ЮНЕСКО издает много брошюр, справочников и журналов, в том числе иллюстрированный ежемесячник «Курьер ЮНЕСКО».

В подзаголовке стоит: «Окно, открытое в мир». Каждый номер посвящен какой-то одной проблеме развития науки, культуры, просвещения. Номера этого года рассказывают о древней культуре кельтов; о новых исследованиях деятельности человеческого мозга; о мерах защиты от стихийных бедствий.

Апрельский номер посвящен тридцатилетнему юбилею ЮНЕСКО. А майский, обложку которого вы видите перед собой,— юмору народов мира.

Вы побываете на традиционном фестивале юмора в городе Габрово (Болгария), посмеетесь над веселыми похождениями Ходжи Насреддина. Иллюстрирован номер карикатурами и смешными фотографиями.

ФОРУМ — так называлась площадь в Древнем Риме, на которой проходили народные собрания, вершился суд. На **форуме** сосредо-

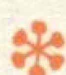

точивалась общественная и политическая жизнь государства.

Сейчас форумом называют широкое собрание, совещание представителей организаций, государств.

НАЦИОНАЛИЗМ — реакционная буржуазная теория, которая утверждает исключительность и национальное превосходство одного народа над другим. Национализм лежит в основе фашизма. Коммунистические партии ведут борьбу с национализмом, воспитывают трудящихся в духе дружбы народов, их равенства и независимости.

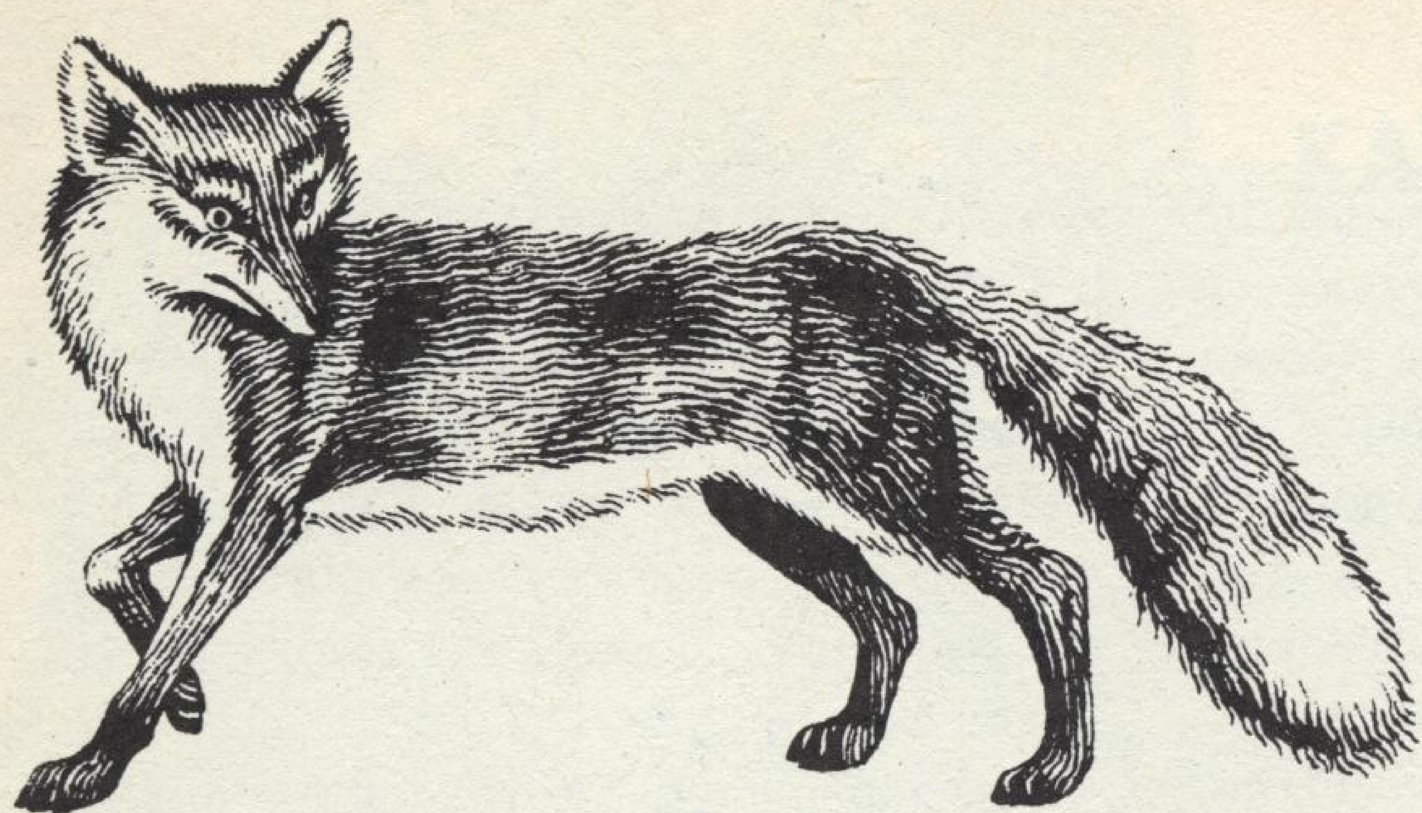
ДИСКРИМИНАЦИЯ — ограничение гражданских или международных прав граждан или государств. Так, например, Соединенные Штаты до сих пор не предоставили Советскому Союзу тех торговых льгот, которые предоставлены многим капиталистическим странам.

Расовая дискриминация — угнетение народов в колониальных странах, лишение их гражданских прав. Притеснение граждан другой расы в капиталистических странах. Индейцы, коренные жители (аборигены) США, и сейчас подвергаются жесточайшей дискриминации. Они живут в резервациях, страдают от болезней и неграмотности.

В абсолютно бесправном положении находятся африканцы в Южно-Африканской Республике, где царит расистский режим. В июле этого года расисты расстреляли 176 участников мирных демонстраций в Соуэто и других африканских поселках ЮАР.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

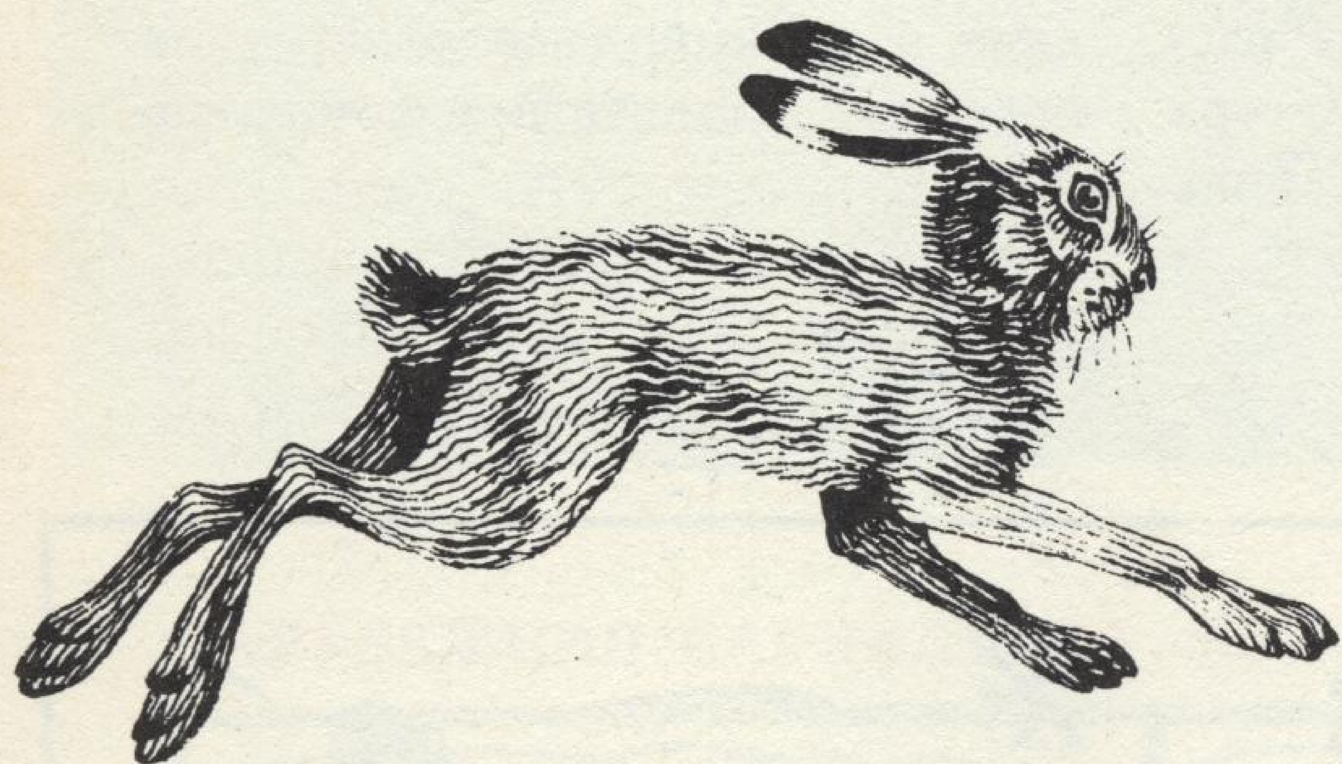
Ваши знакомые

Снова зима. Что делать зимой ребятам, которые ведут Красные тетрадки? Лесное справочное бюро «Ау!» считает, что лучшим ответом на этот вопрос будет рассказ об итогах конкурса «Зимние автографы».

Зачем надо было собирать «зимние автографы»? Чтобы узнать, какие звери и птицы живут в ваших местах, и в трудную зимнюю пору помочь им. Однако взять автограф у лесного зверя бывает иногда труднее, чем у знаменитого артиста: зверь избегает встречи с человеком, предпочитает быть невидимкой. Но и невидимка оставляет следы, которые всего заметней на снегу.

И по белой тропе ребята отправились на поиски автографов.

На этих страницах—зарисовки следов птиц и животных, сделанные замечательным ученым-зоологом А. Н. Формозовым. Рисунки и подписи к ним — из книги А. Н. Формозова «Спутник следопыта».

След прыжка белки на мелком снегу.

Сова в конюшне

След — это не только отпечатки звериных и птичьих лап. Лена Мицкевич (село Бурмакино, Кировская область) нашла «еловую столовую», где семенами шишек лакомилась белка. Витя Артамонов из г. Людиново, Калужской области, зарисовал желуди, расклеванные сойкой, а Оля Тимофеева из города Энгельса — погрызенный белкой орех. Ира Петрухина из села Акимовка, Алтайского края, сумела заполучить автографы зайца и лисицы, Люде Кочкуровой из села Новогеоргиевка, Амурской области, удалось познакомиться с зайцем-беляком лично.

В Березинском заповеднике провела зимние каникулы минчанка Таня Заяц. В заповеднике работает ее сестра. Таня прислала нам целую тетрадку зарисованных ею следов: и птичьих — во́рона, серой вороны, белой и серой куропаток, сороки, глухаря, рябчика, сойки, синицы — и звериных — лисицы, белки, куницы, горностая, выдры, лосихи, зайца-беляка и редкий автограф — переднюю лапу волка с обломанным когтем.

Таня в своем письме благодарит устроителей конкурса: *«Я стала усидчивей, внимательней к природе родного края, и этим я обязана вам! Целые часы, наблюдая за повадками животных, я проводила в лесу. Конкурс меня закалил».*

След правой лапы совы длиннохвостой, или уральской неясыти, — на влажном снегу.

Лесное справочное бюро «Ау!» уверено, что лесной свежий воздух был полезен и другим ребятам. Зимние походы прибавили им не только здоровья. *«Важно найти ключик знаний, который открывает дверь в мир загадок природы»*,—написала Наташа Гауш из Саратова. И каждый из ребят как мог искал этот ключик.

Коля Михайлов из чувашского села Четлама расспрашивал бывалых людей о повадках зайцев и лисиц. Володе Люкевичу его мама, учительница биологии в школе на белорусской станции Погорельцы, объяснила, что зря он надеется встретить зимой в лесу барсука, в эту пору барсук спит у себя в норе. Для волгоградца Виктора Чернявского, как и для многих других ребят,

Отпечаток правой лапки сойки и следы прыжков этой птицы на первом снегу.

Слева — отпечаток лапки белой куропатки в зимнем оперении, справа — весной на последнем снегу.

настольной книгой стал «Спутник следопыта» А. Н. Формозова. На рисунках Виктора, что очень важно, указаны размеры следов. Особенно интересно было Виктору распутывать следы ласки: «Они привлекают своей сложностью и открытием нового». Виктору удалось раскопать зимнюю кладовую ласки, где было припрятано про запас две головы крота и пятнадцать мышиных. Открытием была для Вити и встреча с совой. До этого он не знал, что зимой сова может охотиться днем.

Следопытство — сложная лесная наука. Не удивительно, что у ребят-новичков есть неточности и ошибки и в зарисовке следов и в описаниях. Но все ребята, что с удовольствием отмечает лесное справочное бюро «Ау!», проявили живой интерес к зимней природе, научились и зорко смотреть и задумываться над увиденным.

Таня Заяц сумела разгадать хитрость рябчика, который устраивает себе зимнюю спальню не под деревом, а на открытых местах, где снег глубже. Снежное одеяло спасет рябчика от мороза. Но для некоторых лесных жителей глубокий снег может быть гибельным.

ЗАПОМНИТЕ НОВОЕ ЗИМНЕЕ ЗАДАНИЕ ЛЕСНОГО СПРАВОЧНОГО БЮРО «Ау!»: ПРОСЛЕДИТЬ, КОМУ ИЗ ЖИВОТНЫХ СНЕГ ВРАГ, А КОМУ ДРУГ, И НАПИСАТЬ НАМ О СВОИХ НАБЛЮДЕНИЯХ.

Если Таня Заяц задумалась над зимней спальней рябчика, то Лилю Танана из уральского села Ларина взволновала залетевшая в конюшню сова. Что делать сове в конюшне? Лиля одна из первых завела Красную тетрадку. Странички, посвященные наблюдениям над зайцами и лисицами, озаглавлены ею «Расскажу о моих знакомых». Почему же в зиму 1975/76 года заячьих следов стало меньше, а лисьи чаще стали встречаться вблизи села? Лиля рассудила так: год был засушливым, неурожайным, в поле плохо с кормом, мыши придвинулись к жилью человека. А где добыча, там и охотник. Вот почему у самой околицы стали встречаться лисьи следы и залетела в конюшню сова.

Отпечатки передних лап крупного беляка, сидевшего на неглубоком влажном снегу.

Следы ворона.

Слева — отпечатки правой лапы сороки, справа — серой вороны.

Стожок сена для хромого зайца

В тетрадке у Лили Танана не только записи о ее наблюдениях над животными, но и строчки Пушкина, Тютчева, Есенина, Бунина, Исаковского, посвященные русской природе. Лиля и сама пробует писать стихи.

После похода за «Зимними автографами» и Таня Заяц написала стихи и рассказ «Оленье спасибо». Олененок Пыжик лизнул руку девочке, которая заготовляла для оленей веники, и от ее рук пахло веником, и олененок это учуял.

Отпечаток правой передней лапы самца среднерусской лисицы на рыхлом снегу.

Общение с природой научило ребят глубже понимать, больше ценить ее красоту, сделало их добрей и человечней.

Лиля Танана умеет разговаривать со своими знакомыми на их птичьем языке. Услышав ее посвистывание, птицы слетаются на обед. Пернатые знакомые появились и у Сережи Студнева из г. Пензы и у Гали Бусько из г. Ужура, Красноярского края, и у Пети Цветкова из села Полх-Майдан, Горьковской области, и у Наташи Петровой из г. Братска, и у Любы Гепаловой из алтайского села Бобровка — у всех, кто подкармливал птиц зимою.

Чтобы большие птицы не отнимали корм у синиц, Витя Чернявский придумал засыпа́ть арбузные семена в развешанные на ветках молочные пакетики. Но у Вити есть еще и четвероногие знакомые, за судьбу которых он тоже болеет. Витя опустил в прорубь ветки, чтоб вода не замерзла и ондатре легче было дышать, а на берегу возле трав с сочными корневищами закопал клубни картошки для диких кабанов.

Желуди для кабанов собирал со своими приятелями и Володя Люкевич. Володя очень любит животных. Летом он нашел птенца куропатки, который не мог ходить, пальцы у него склеила налипшая на них грязь. Володя осторожно раскрошил засохшую глину, и птенец заковылял на поиски матери.

Зимой на огороде у Люкевичей стоит стожок сена для зайцев.

«Яблони у нас обвязаны,— рассказывает Володя,— их зайцам не попортить, а лугов у нас много, сена мне не жалко накосить».

Как-то Володя услышал верещание зайца. *«Кто-то из городских,*— пишет Володя,— *поставил капкан, наши на такое не способны».* Володя освободил пленника, сделал для поврежденной лапы лубок и, пока заяц не выздоровел, держал его у себя дома.

Сейчас возле стожка с сеном стал попадаться след зайца с чуть искривленной лапой. Это автограф Володиного знакомого — спасенного им косого.

ЛЕСНОЕ СПАСИБО

ВИТЯ ЧЕРНЯВСКИЙ, ЛИЛЯ ТАНАНА, ТАНЯ ЗАЯЦ, ВОЛОДЯ ЛЮКЕВИЧ ПРИЗНАНЫ ЖЮРИ ПОБЕДИТЕЛЯМИ КОНКУРСА «ЗИМНИЕ АВТОГРАФЫ».

Они награждаются значками и грамотами Центрального Совета Всероссийского Общества охраны природы.

Лесное справочное бюро «Ау!» поздравляет их. Кроме того, ему поручено передать:

заячье спасибо — Тане Кабировой из з/с Ново-Ивановск, Павлодарской области, которая освободила зайца из проволоки;

беличье спасибо — Саше Штокману из Ростова-на-Дону. Саша не позволил озорникам изловить живущую в городском парке белку. Вере Метелёвой из села Алексеевка, Киргизской ССР, и всему ее классу, который, шефствуя над выпущенными в парке белками, собрал для них шесть мешков арбузных семян. Каждое воскресенье Вера ездит в парк подкармливать белок. Лиде и Ире Румянцевым, кормившим белок в парке города Пушкина, Люде Кочкуровой из Новогеоргиевки. Она развешивает в лесу грибы для белок;

птичье спасибо — всем уже названным выше устроителям птичьих кормушек, а также Оле Задворных из г. Петровское, Ворошиловградской области, Хафизе Хачаровой из г. Усть-Джагута, Юре Василиженко из г. Троицка, Челябинской области, предложившему всем мальчишкам сдать в музей пугачи и рогатки, Тане Люфко и Ире Мироновой из карельского поселка Ладва-Ветка, которые написали: «Если птица убита — совесть забыта. Не представляем себе нашу землю без птиц. Кажется, само солнце бы потухло».

Лесное справочное бюро «Ау!» надеется, что и в новую зиму ребята будут так же активно помогать лесным животным и защищать их.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ЛЕСНОГО СПРАВОЧНОГО БЮРО «АУ!»

В ЗАЩИТУ диких тюльпанов, сцилл, печеночниц, сон-травы, троллиусов и других ВЕСЕННИХ ЦВЕТОВ всесоюзной Красной тетрадкой будет весной 1977 года проводиться

ОПЕРАЦИЯ «ПОДСНЕЖНИК»

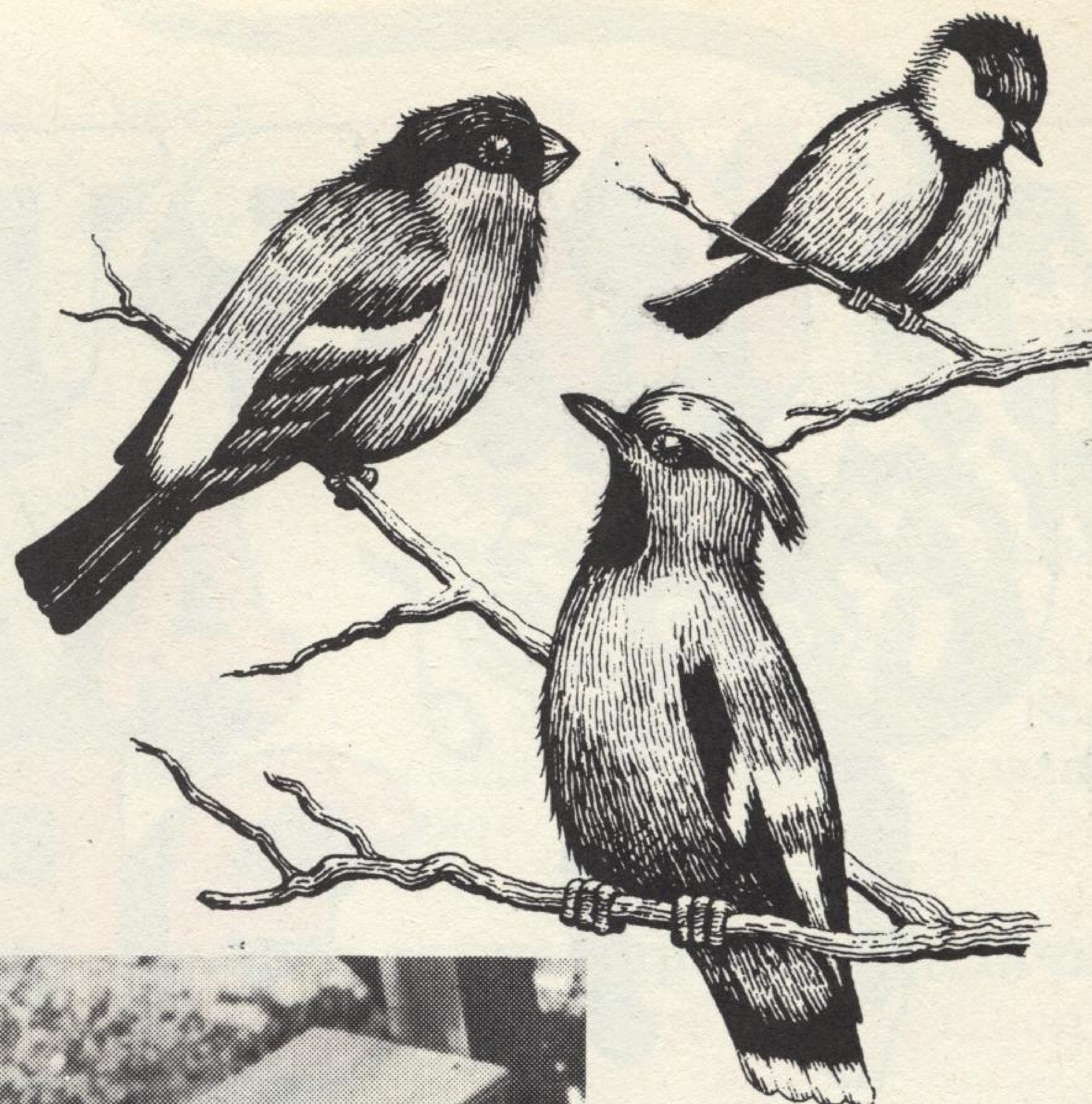
Подробности в первых номерах журнала «Пионер» за 1977 год!

ЗИМНЕЕ ЗАДАНИЕ ЛЕСНОГО СПРАВОЧНОГО БЮРО:

КОМУ ИЗ ЖИВОТНЫХ СНЕГ ВРАГ, А КОМУ ДРУГ?

**Не теряйте зимних снежных дней!
Начинайте наблюдения! Ждем ваших писем.
Победителям — награды!**

В зимний лес — с кормушками

Как только снег покроет землю, птицам в лесу трудно кормиться. В это голодное время они рады любому корму: семечкам, зернам, хлебным крошкам, а то и просто кускам хлеба (только их надо заранее подсушить, чтобы не замерзли на морозе). Сороки, свиристели, синицы, снегири тянутся к жилью, ищут у человека помощи и защиты. И мы должны дорожить этим доверием, должны помочь птицам зимовать...

Вот уже несколько лет мы шефствуем над птицами снегиревского леса под Москвой.

Осенью делаем разведку, смотрим: где птиц больше, где меньше. У нас есть схема снегиревского леса, мы ее разбиваем на квадраты и отмечаем те, где птиц больше. Там и кормушек вешаем больше. Прошлой осенью мы развесили в своем лесу 55 кормушек. Делаем их на уроках труда, по собственным чертежам. Предлагаем и вам сделать такие кормушки.

Н. Н. ЩЕРБАКОВ,
учитель 707-й школы г. Москвы

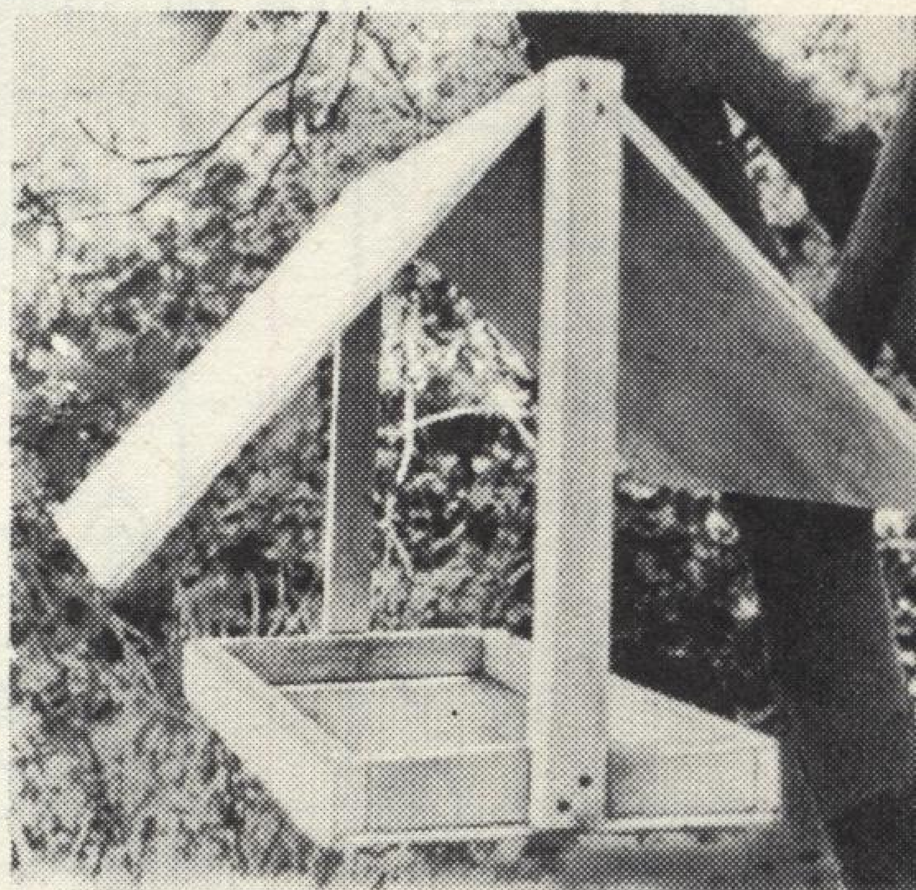

Односкатная кормушка тоже не боится снегопадов. Ее можно прикрепить к стволу, чтобы она не качалась и не пугала птиц.

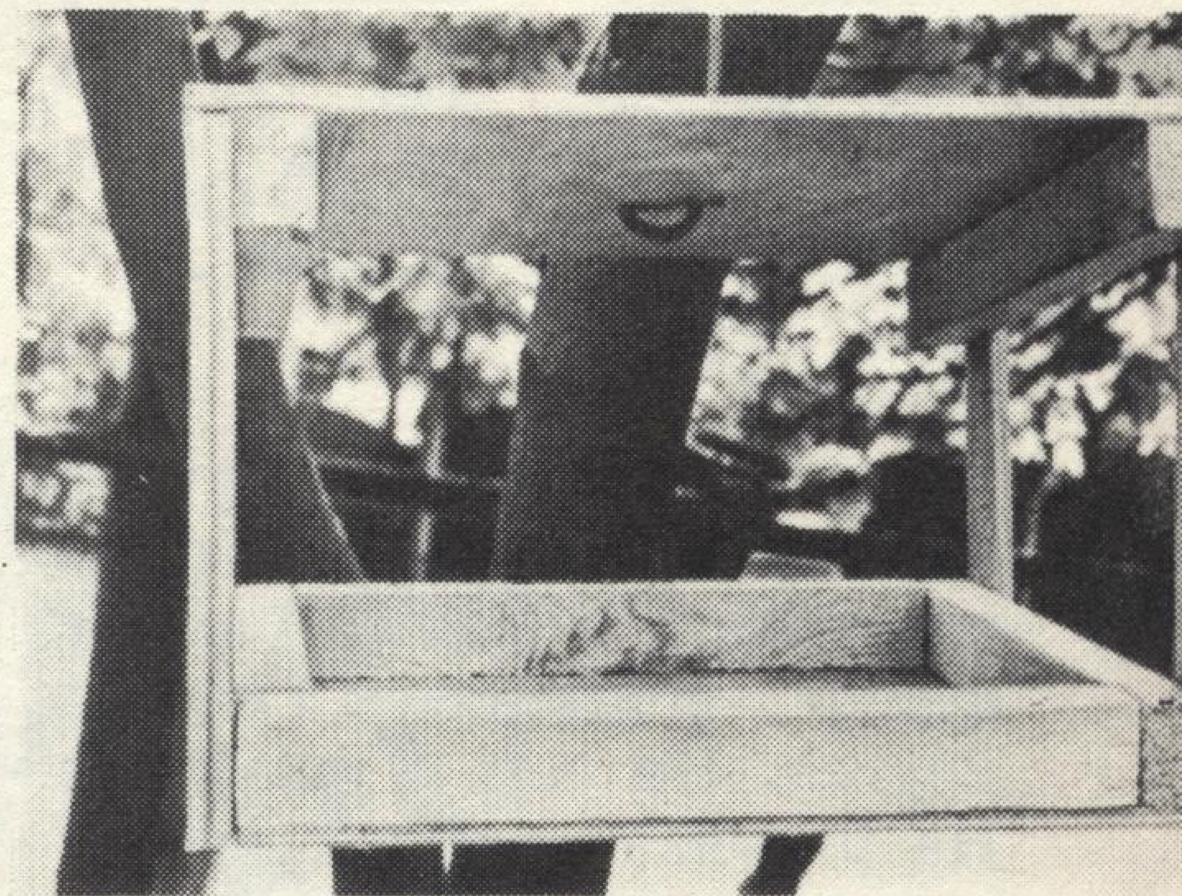
Кормушка - раскладушка — самая простая и удобная, занимает мало места в рюкзаке. Сделать ее легче других.

Крыша шалашиком хорошо защищает корм от снега.

И под высокой крышей большим птицам удобно и просторно, есть где повернуться.

У кормушки для больших птиц крыша с наклоном, чтобы снег не скапливался сверху.

«Седьмое небо» — многоэтажная кормушка. Тут птицам привольно: на одном этаже — арбузные семечки, на другом — конопля, на третьем — песок, чтобы птицам было легче переваривать пищу.

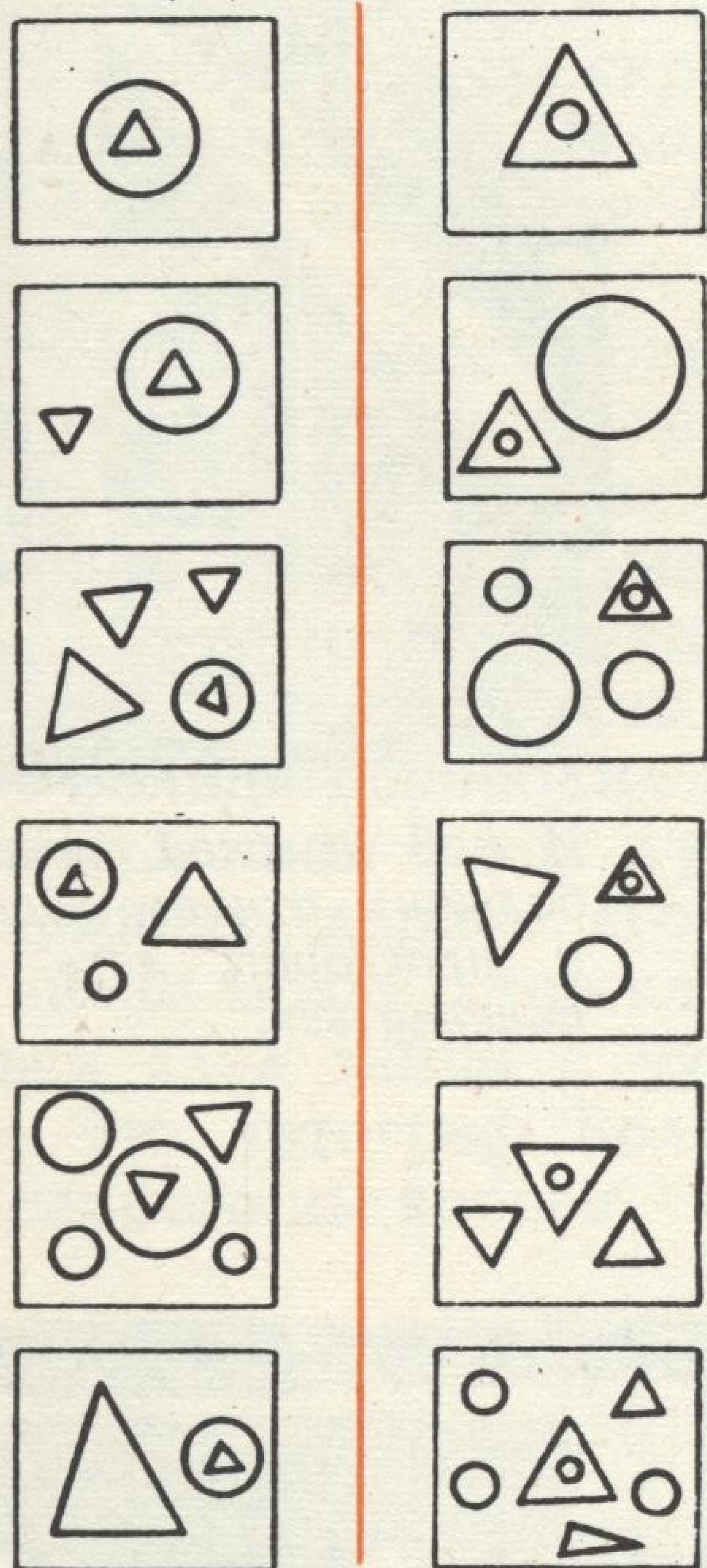
А какие вы делаете кормушки для птиц? Расскажите о своих конструкциях. Пусть в зимних лесах будет больше кормушек — хороших и разных.

КАРТИНКА ДЛЯ ЭВМ

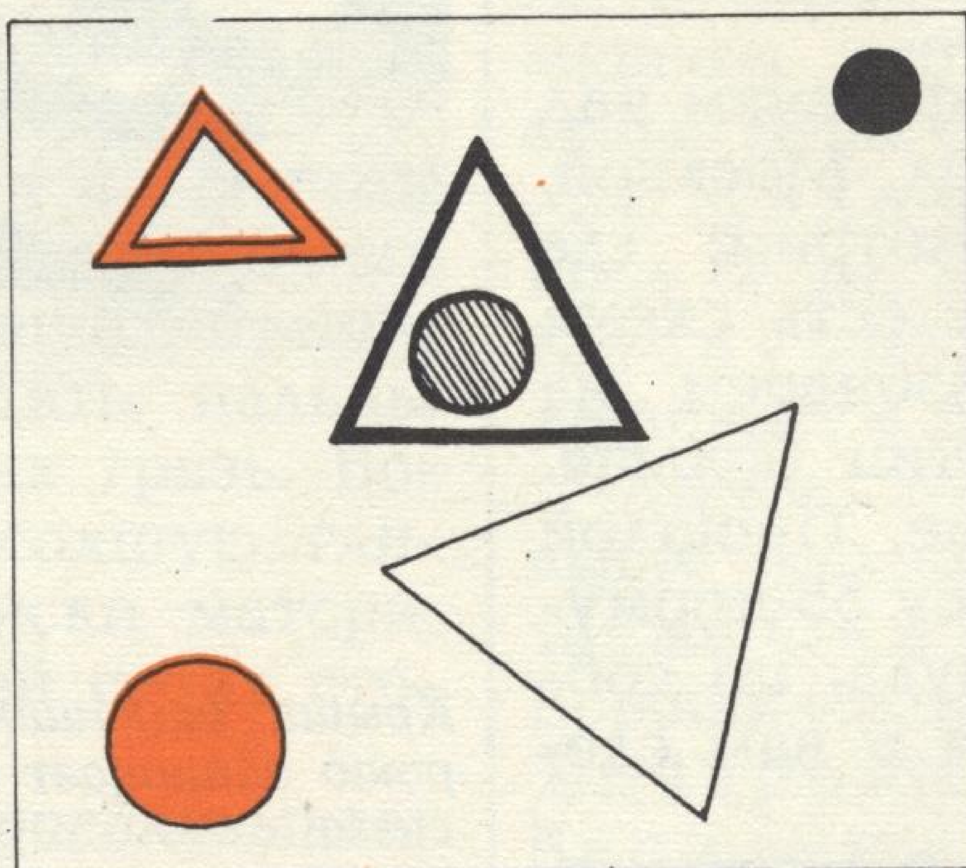

А. БЛОХ

Перед тобой несколько картинок — шесть слева и шесть справа. Посмотри внимательно: чем левые картинки отличаются от правых?

Сначала выясним, что у них общего. Оказывается, на каждой картинке одна из фигур содержится внутри другой. Но есть и различие. На рисунках слева треугольник в круге, а на рисунках справа, наоборот, круг внутри треугольника. Теперь ответь: на какие рисунки — правые или левые — похожа вот эта картинка?

Разгадывание картинок-задач развивает наблюдательность и внимание. А для ученых такие картинки интересны еще и тем, что их можно задавать машинам, тем, которые могут решать сложные задачи, вычислять и даже по-своему рассуждать при этом. Короче говоря, речь идет об ЭВМ.

ЭВМ показывают **(как,** не будем сейчас об этом говорить) две группы картинок и стараются научить их правильно отвечать на тот же вопрос, который мы только что задали тебе: к какой из групп относится рисунок, которого раньше они никогда не видели.

Ты спросишь: зачем это нужно?

ЭВМ часто приходится решать такую задачу: в чем различие? Многие из них специально придуманы, чтобы облегчить людям процесс узнавания. Врачам они помогают определить болезнь (диагностические ЭВМ), библиотекарям найти нужную книгу среди сотен и даже тысяч (информационно-поисковые), ЭВМ — автоматические контролеры, умеют отличать хорошие изделия от бракованных. Есть еще много других машин, умеющих каждая в своей области отличать нужные нам вещи от ненужных.

Тебе тоже каждый день, каждую минуту приходится решать схожие задачи. Вот такие, к примеру.

...По карнизу крадется какой-то зверь.

— Это же кошка! — тут же скажешь ты.

Конечно, кошка. Но как ты узнал? Ведь эту кошку ты никогда не видел раньше?

...Посмотри, что за странный рисунок. Что бы это могло быть?

— Буква «а»! — немедленно слышу я твой ответ.

А как ты узнал об этом? Не старайся ответить на этот вопрос. Он только кажется легким. Если бы у нас был ответ на этот вопрос, мы бы уже начали строить новые ЭВМ, и задача узнавания была бы решена. И трудно даже представить себе, насколько такие машины облегчили бы нашу жизнь и работу.

Ради этого и стараются ученые научить машину узнавать.

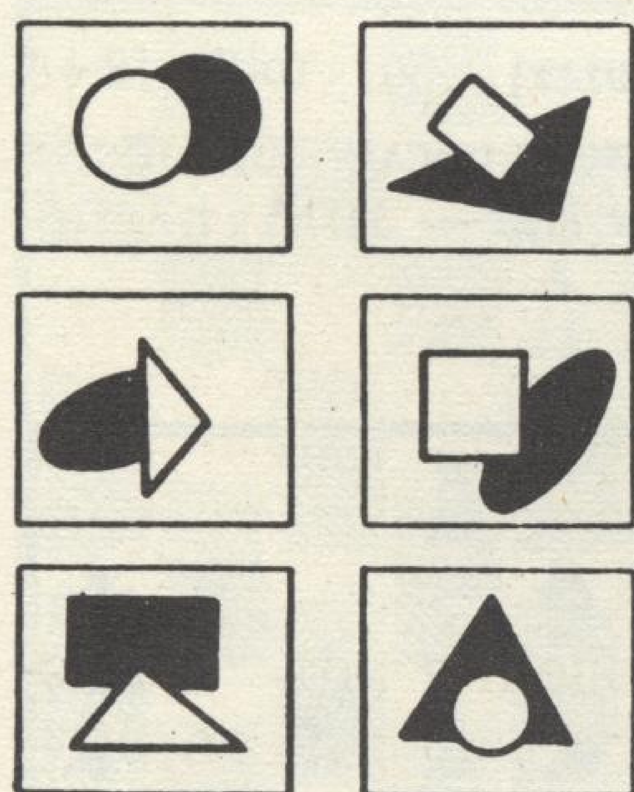
Попробуй решить несколько задач из тех, на которые машины уже умеют отвечать.

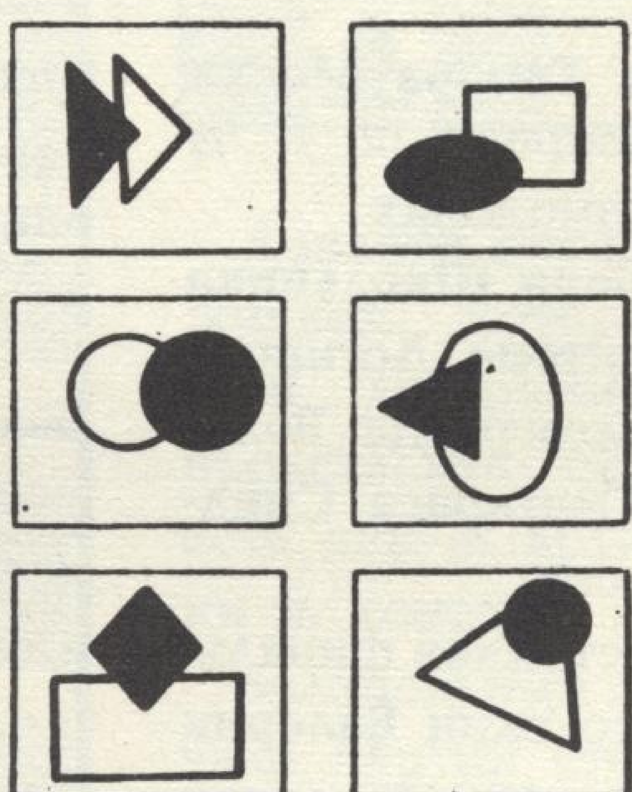
Чем отличаются шесть картинок слева от шести правых картинок?

Задачи мы взяли из книги математика М. М. Бонгарда «Проблемы узнавания».

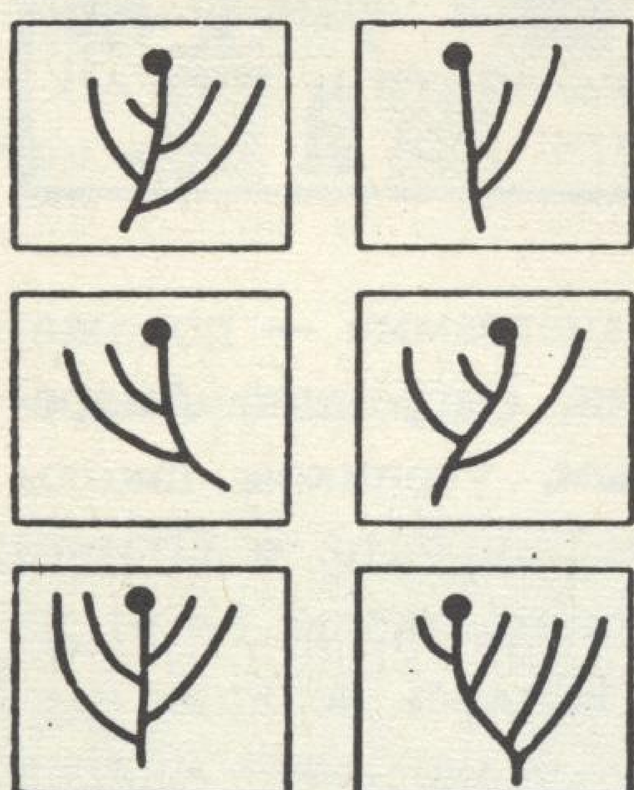
ЭВМ уже решают такие картинки-задачи.
А ты с ними справишься?

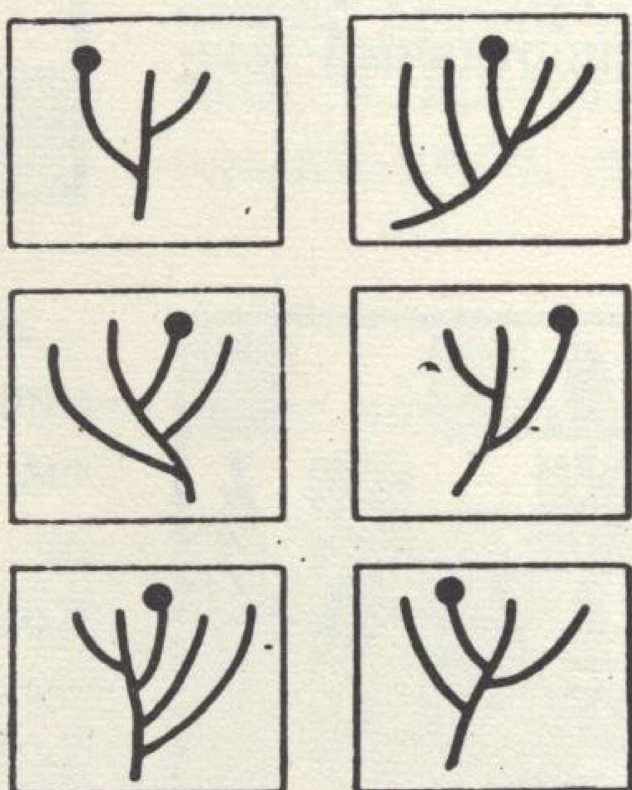
1

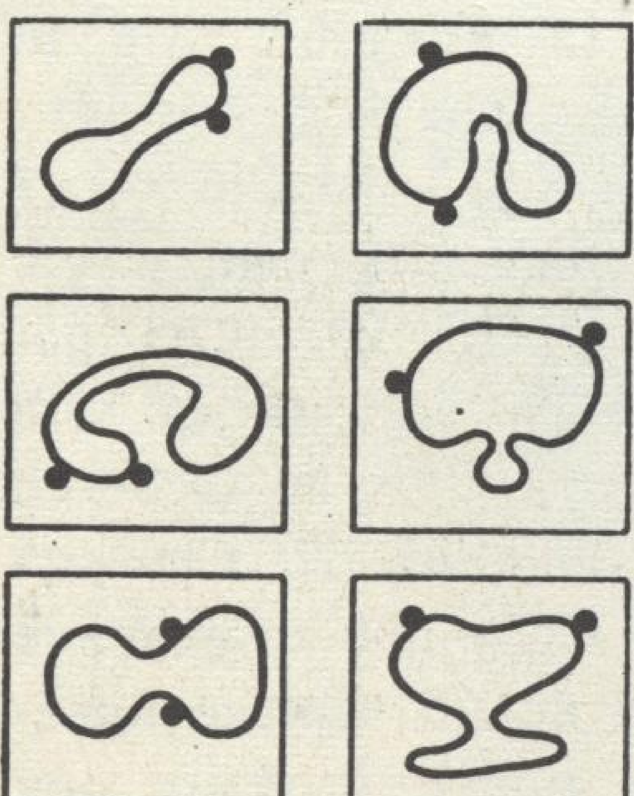

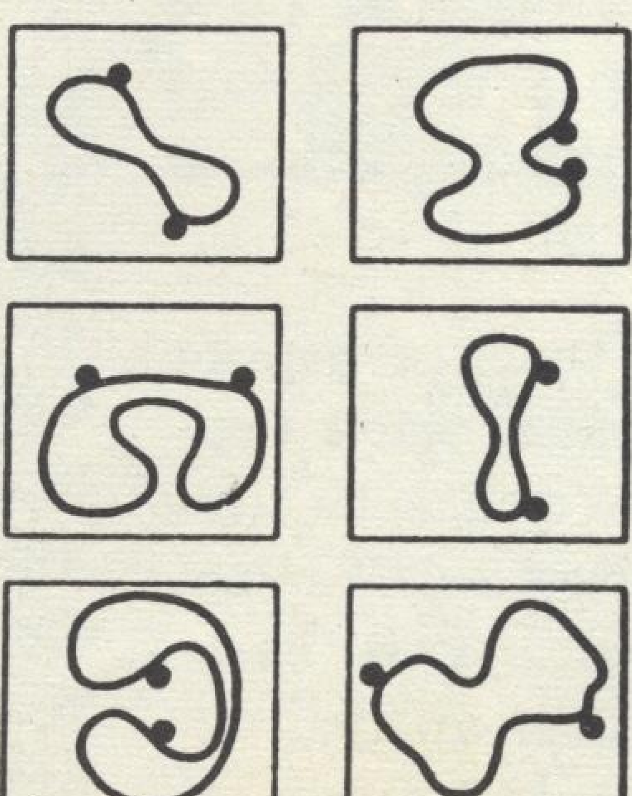
2

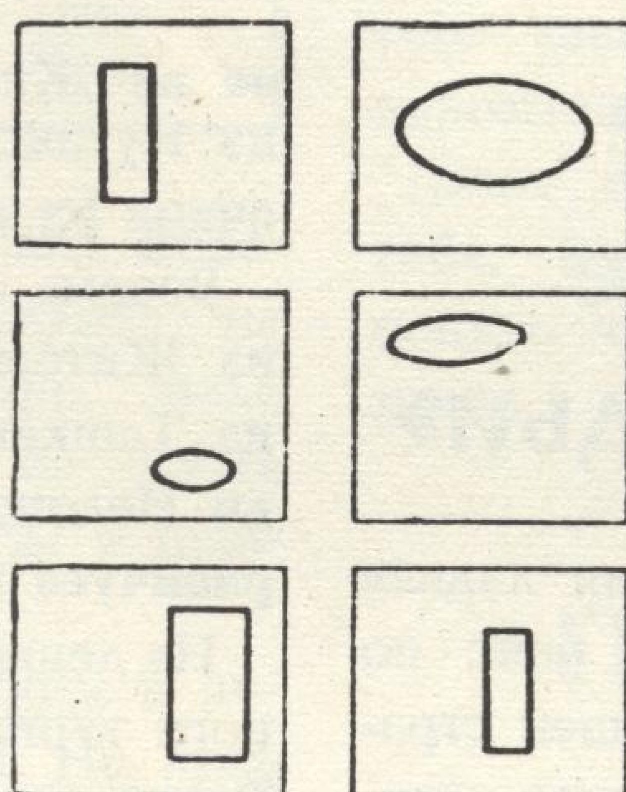

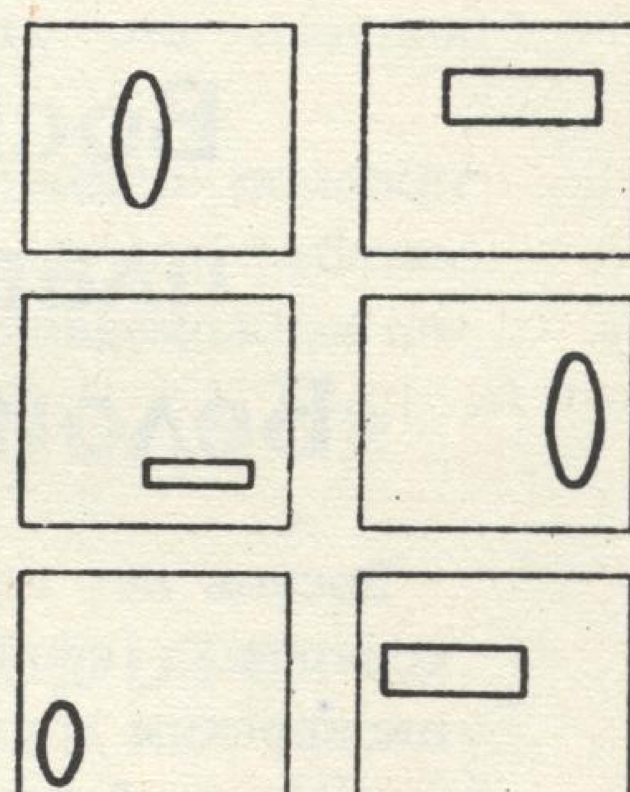
3

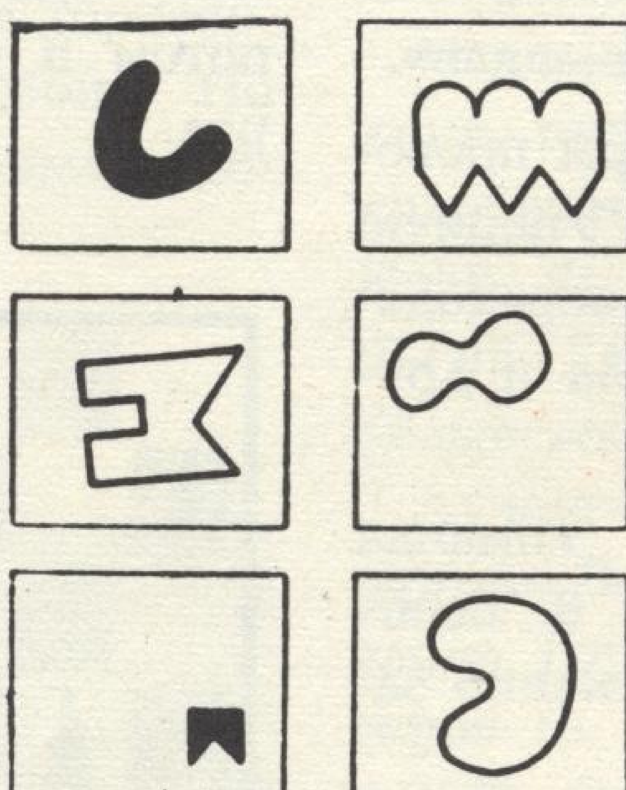

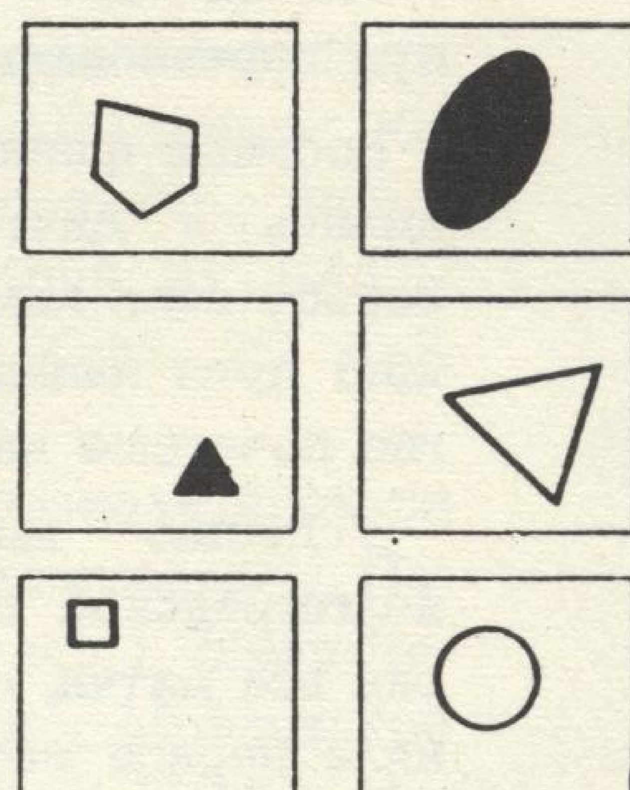
4

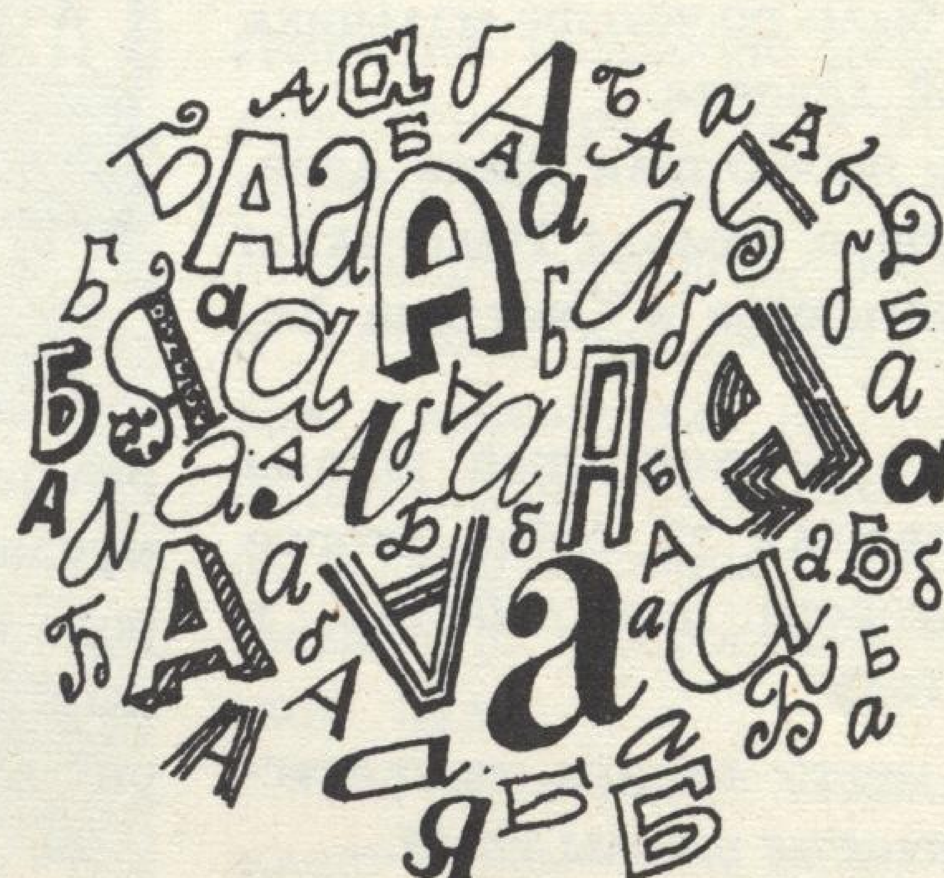

5

Рисунки
Б. КЫШТЫМОВА.

Фотографии
И. КУЗЬМИЦКОГО.

Вот они, победители — команда волгоградской школы № 8.

Восьмое плавание «Белой ладьи»

Восемь лет назад «Белая ладья» совершила свой первый рейс по пионерским дружинам нашей страны. На ее борту было около миллиона юных шахматистов. В этом году их в десять раз больше! Недаром экс-чемпион мира Михаил Таль сказал: **«Сейчас у нас нельзя стать сильным шахматистом, минуя соревнования «Белой ладьи».**

Восьмые финальные игры проводились в Даугавпилсе. Упорную борьбу вели команды за переходящий приз нашего журнала и другие почетные награды.

Успешно выступала команда **волгоградской школы № 8.** Выиграв все матчи, она заслуженно заняла первое место.

Состав этой команды необычен: в нее входили три мальчика и две девочки, а во всех остальных командах было по четыре мальчика и по одной девочке.

Вот они, победители: **Витя Леви, Саша Суворов, Володя Недопекин, Лиля Карамышева и Светлана Либакова.**

Ребята из **житомирской школы № 25** удержали за собой второе место, которого они добились в прошлом году.

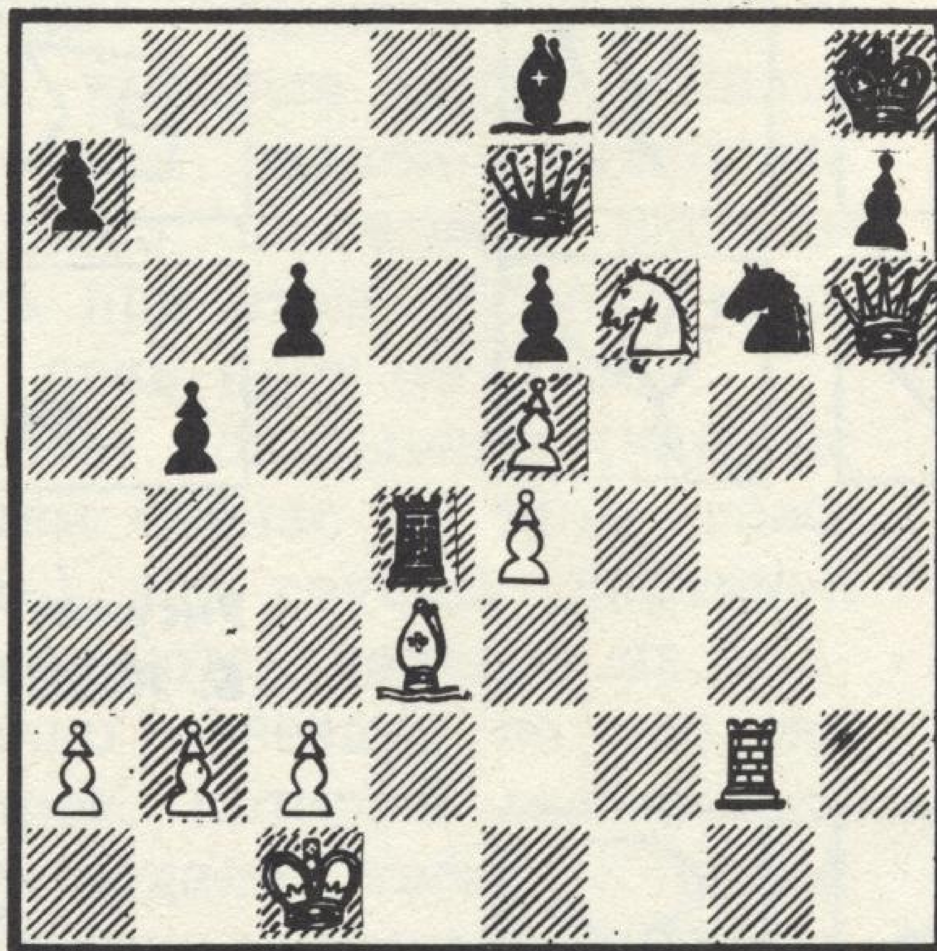
Третье место заняли **ташкентские шахматисты школы № 17.**

Хорошо играли **Таня Андреева** из Житомира и **Тамара Месхи** из Кутаиси, они набрали по 8 $^1/_2$ очков из десяти возможных.

Восемь очков у **Бори Школьника** из Житомира, у **Антона Логинова** из Ташкента, у волгоградца **Володи Недопекина и Гинтараса Синдравичуса** из Вильнюса.

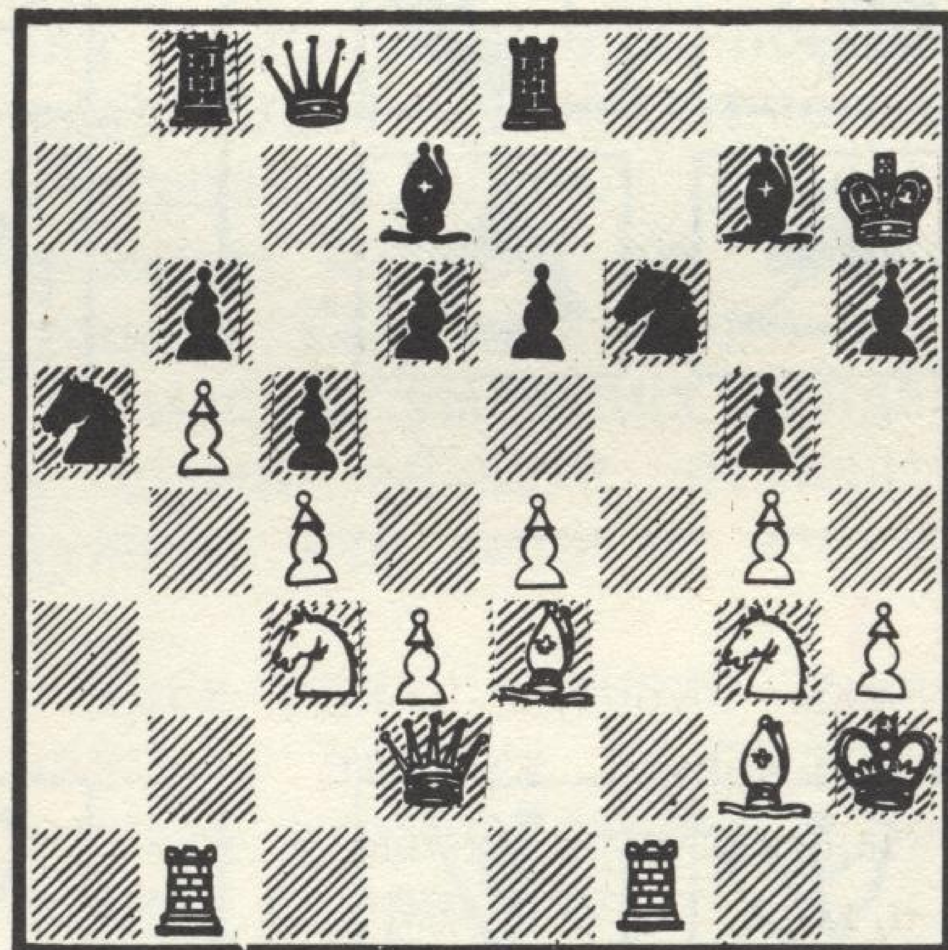
Из девяноста участников финального турнира только один **Валерик Салов,** ученик 11-й ленинградской школы, не потерпел ни одного поражения.

Валерику одиннадцать лет, но он уже в третий раз участвует в финале. Здесь он получил второй, а потом и первый спортивный разряд.

К этой позиции пришла партия **Валерика Салова с Мартином Сермуклисом,** учеником школы № 1 города Цесис Латвийской ССР. Черный король оттеснен в угол. Валерик красиво завершает атаку:

29. Лg2—h2! Kg6—f8 (другой защиты нет, но и этот маневр не спасает черных) 30. Фh6 : f8+! Черные сдались, после 30... Ф : f8 они получают мат — 31. Л : h7.

А на этой диаграмме — положение из партии, сыгранной **Андреем Ненашевым,** учеником школы № 17 города Ташкента, и **Отаром Козия,** учеником школы № 61 из города Баку. И здесь позиция черного короля ослаблена. Андрей смело и решительно наступает.

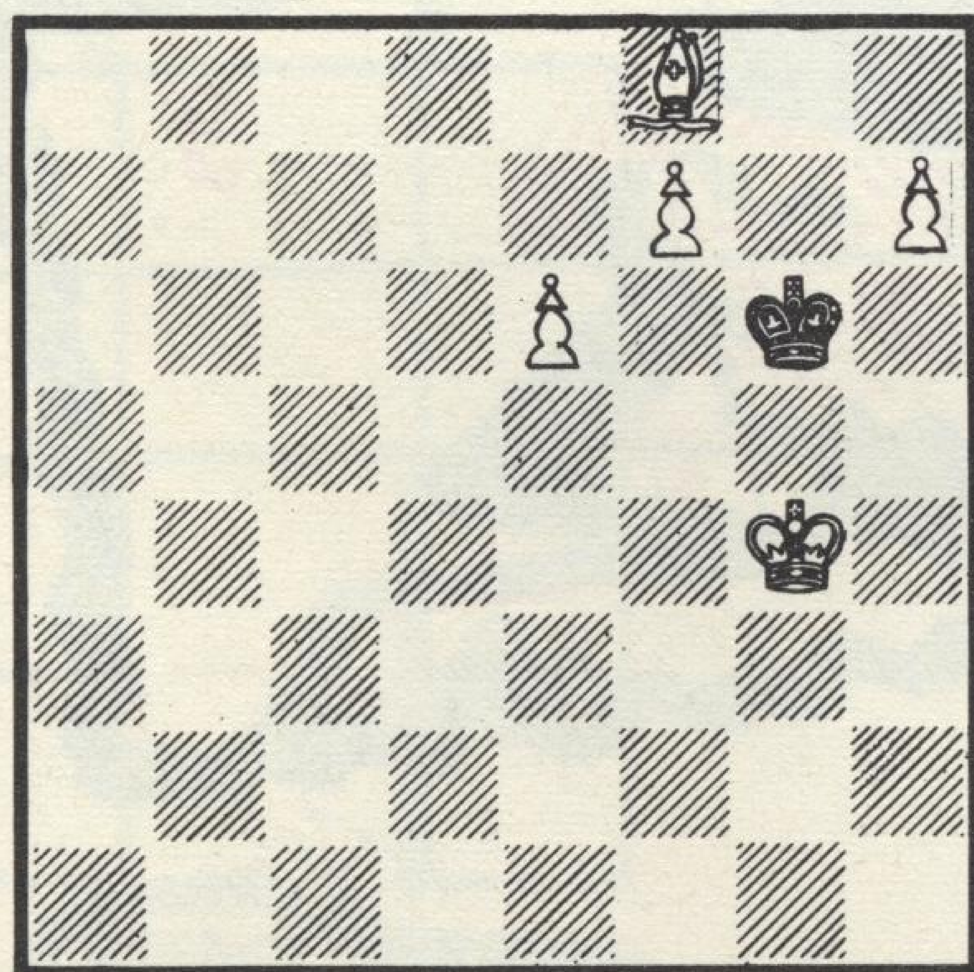
23. e4 — e5! (Пожертвовав пешку, белые быстро ввели в бой все свои фигуры) 23... d6 : e5 24. Kc3 — e4 Лe8 — f8 25. Ke4 : f6+ Лf8 : f6 26. Cg2 — e4+ Kph7 — g8 27. Лf1 : f6 Cg7 : f6 28. Kg3 — h5 Cf6 — g7 (надо было защищать пешку g5, лучше 28... Ce7) 29. Ce3 : g5! Cg7—h8 (или 29... hg0. Ф : g5 Фf8 31. Лf1 и т. д.) 30. Cg5 : h6 Фc8—d8 31. Лb1—f1 Фd3—e7 32. Ch6—g5 Фe7—d6 33. Cg5—d8! Вторжение белого ферзя на g5 черные предотвратить не могут, поэтому они сдались.

Юные шахматисты сражались и с экс-чемпионом мира Михаилом Талем в сеансе одновременной игры.

А сейчас «Белая ладья» снова ушла в плавание: в пионерских дружинах проходят новые турниры по программе «Стартов надежд». Пешкин, как всегда, «болеет» за тех, кто сражается на этих турнирах.

Кто решит?

Задачу **Володи Семечкина** из поселка Владимировка, Донецкой области.

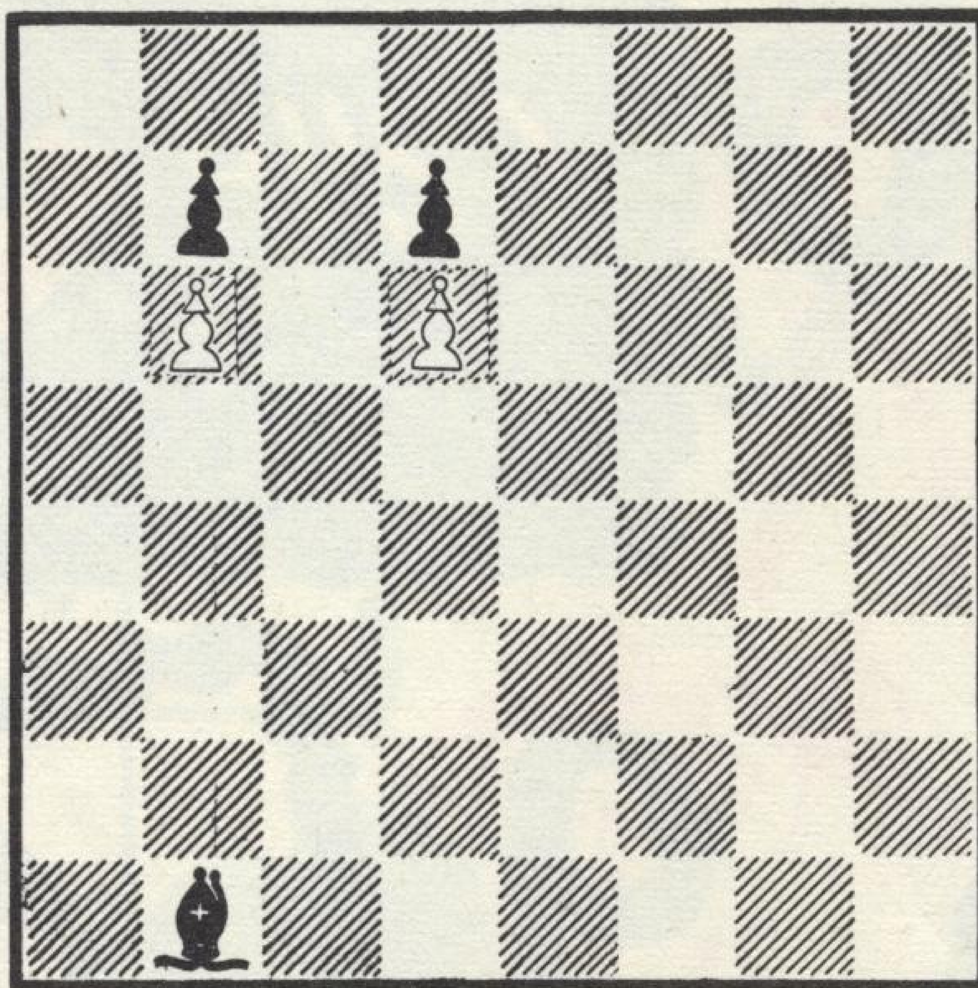

Белые: Крg4, Сf8, пешки e6, f7, h7 (5); черные: Крg6 (1).

Начиная игру, белые дают мат в три хода.

Невозможная позиция

«Что такое невозможная позиция в шахматах, как определить, возможна она или нет?» — спрашивает в своем письме **Володя Савин** из города Красноярска.

Давайте поразмыслим над положением, которое вы видите на этой диаграмме. Конечно, надо представить себе, что на доске есть еще и другие фигуры и пешки и, конечно, короли.

Белопольный слон черных в начале партии стоял на c8. Но ведь пешки b7 и d7 с места не тронулись, как же этот слон мог попасть на b1?

Мы делаем маловероятное предположение: черные одну из своих пешек довели до первой горизонтали и превратили в слона. Но предположим, что у черных, кроме пешек b7 и d7, сохранились еще шесть. Тогда эта позиция невозможна.

Этот простой пример поможет тебе, Володя, и другим ребятам понять, что такое невозможная позиция.

Приз вручен Жене Курляндчику из Житомира.

Проверьте себя

(Задача опубликована в журнале «Пионер» № 3).

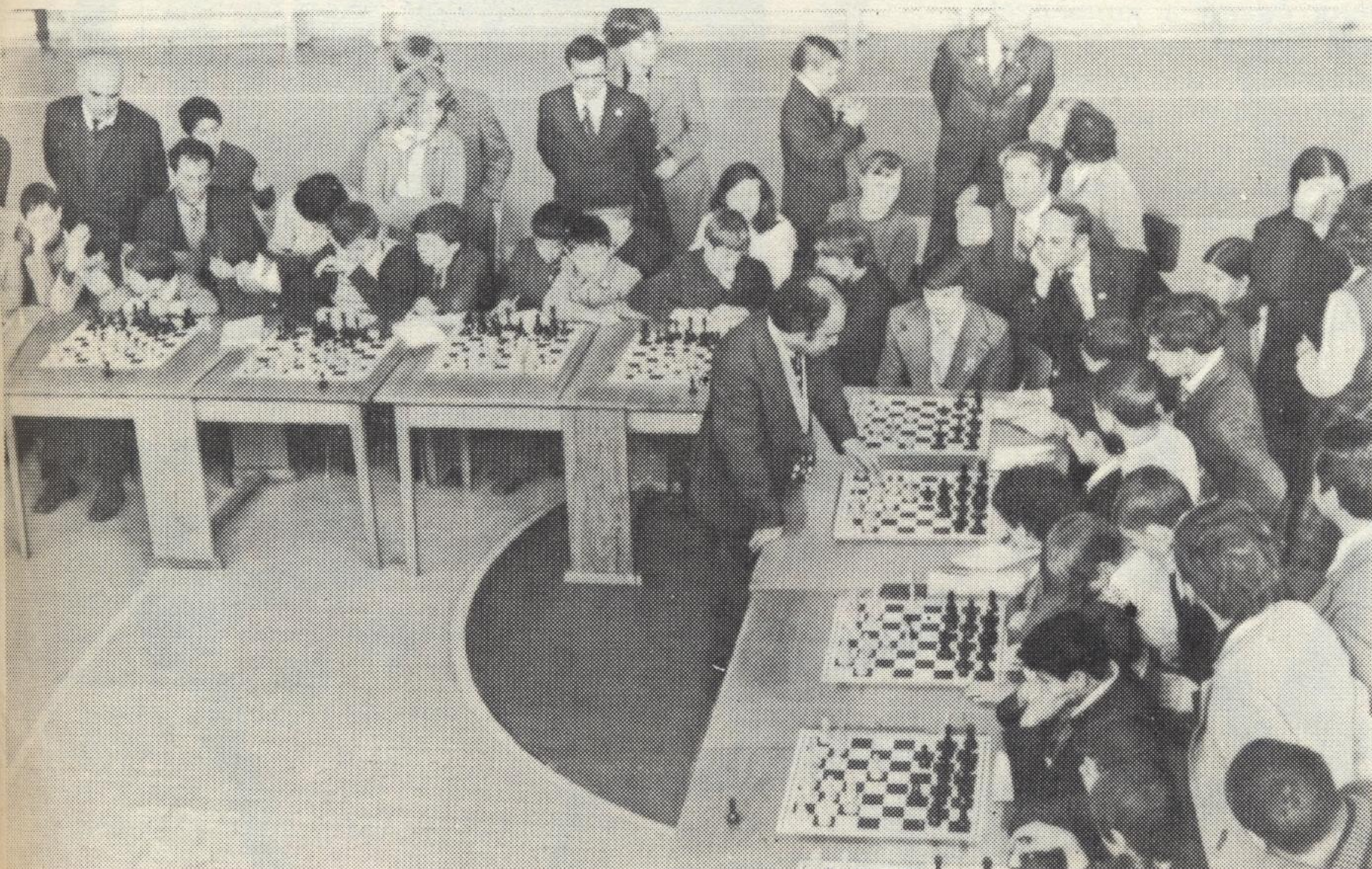
Черные не должны были брать коня, предложенного Гариком Каспаровым, ведь при 21. Фg6+ Крh8 22. Ф:h6+Крg8 23. Сd5+! Ф:d5 24. Фg6+ Крh8 25. Лe7, белые выигрывают.

Лучше всех проанализировали партию **Валерий Виноградов** (г. Павлово, Горьковской обл.), **Женя Чегиров** (п. Кадошкино, Мордовской АССР), **Олег Тюрин** (г. Пенза).

Двухходовка из № 4 решается ходом 1. Фа6. С этой задачей успешно справились многие друзья Пешкина. Подробно разобрали все варианты **Юра Глухов** (г. Щелково, Московской обл.), **Лена Коган** (г. Днепропетровск), **Володя Швец** (г. Мценск, Орловской обл.), **Андрей Горьковенко** (п. Макарцево, Вологодской обл.), **Вася Горбунов** (г. Южно-Сахалинск), **Павел Матвеенко** (с. Староселье, Волгоградской обл.).

Всех этих ребят Пешкин награждает «Грамотами ферзя и ладьи».

Экс-чемпион мира Михаил Таль дает сеанс одновременной игры.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

ХИТРОЕ ЧИСЛО

Напиши число любое,
На него я погляжу
И затем клочок бумаги
При тебе в конверт вложу.
Под своим числом любое
Напиши число опять,
Й число одно позволю
Сам себе я написать.
Подведем черту и сложим
Нащих чисел стройный ряд.
Нет ошибки? Осторожней?!
Все в порядке? Очень рад!
Сумма — я прошу, проверьте! —
У меня давно в конверте!
В чем тут фокус? В чем секрет?
Сообщи мне свой ответ.
Догадайся, что внесло
В сумму трех мое число!
И запомни: лишь девятки
Приведут тебя к отгадке!

Живживка.

Игры Лупы и Пинцета

Начните с головы!

Сияет Лупа гордая:
— Хотя непросто было,
Верблюда одногорбого
Я все-таки сложила.

Когда игрою этою,
Друзья, займетесь вы,
То — я вам всем советую —
Начните с головы!

В игре участвуют марки семнадцати стран: СССР, Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Югославии, Австрии, Турции, Швейцарии, Греции, Дании, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, ФРГ, Ирака.

Как всегда, рядом могут лежать только марки граничащих между собою стран.

Игры деда Буквоеда

Кто есть кто?

На этих листочках адреса молодых моих друзей. Определите их профессии. Для этого составьте из всех букв на каждом листке одно слово. Рад буду получить такие адреса и ваших друзей!

Дед Буквоед.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 10

Остров сокровищ
Маршрут до клада должен быть таким, как на рисунке справа.

Марсианские марки
Марка под номером пять и будет угловой маркой

Замок Кащея
К замку подходит треугольник в нижнем ряду второй слева.

Штопка
Вот такие окончания строк должны получиться: рынке, ботинки, подметке, сапожные щетки, лесам, гуталином, сам, ногу, пенек.

ТРИДЦАТЬ ДВА... МИНУС НИ ОДНОГО!

«Получил по литературе двойку. Учительница спрашивает, о чем ты думаешь, когда мы говорим о купце Калашникове... А я думал о том, что после уроков идти к зубному».

В. К., г. Краснодар

Вот такое письмо пришло в редакцию. Кто лучше врача сможет на него ответить? И мы обратились к Александру Николаевичу Балашову.

— Мне как зубному врачу, по правде сказать, обидно, что из-за меня или из-за моего коллеги появилась такая обидная двойка. И непонятно: у большинства ребят, которых я знаю, зубы просто загляденье — крепкие, ровные, белые. Стоит мальчику или девочке улыбнуться — и сразу все ясно. Особенно, по-моему, это понимают девочки. Они, как правило, больше заботятся о своей внешности.

А когда зубы чистые, здоровые, один к одному, так и хочется сказать человеку: «Ну, улыбнись еще раз, пожалуйста!» — до чего же хороши зубы! Да и не в одних улыбках дело.

Все здоровье зависит от зубов: если зубы плохие, придется тебе пропускать уроки из-за ангин и частых насморков. А если ты спортсмен, играешь, скажем, в хоккей и мечтаешь попасть в сборную страны, то помешать тебе могут... плохие зубы. Я расхваливаю здоровые зубы не только потому, что у меня профессия такая. Просто я знаю, как немного надо делать для того, чтобы никогда не пришлось печалиться из-за своих зубов.

Надо всего-навсего приобрести несколько полезных привычек. Во-первых (только не говори, что ты это уже сто раз слышал) ...чистить зубы. Утром и вечером. Ну уж, если ты самый великий лентяй на свете и два раза тебе не по силам, тогда чисть один раз — вечером.

Вместо того, чтобы объяснять тебе, как это важно, просто скажу, я лично уже давно сделал выбор: чем потом лечить больные зубы, лучше тратить две минуты в день на их чистку.

Что касается зубной щетки, то никогда — ни в пионерском лагере, ни в походе — не одалживай ее у приятеля, пользуйся только

Два раза в год, независимо ни от чего, отправляйся к зубному врачу.

своей. Ну, а если попросят у тебя, то это тот случай, когда лучше оказаться жадиной.

Еще одна полезная привычка. Посчитай-ка, сколько ты съедаешь конфет, пирожных, сладких пирожков? Если ты сластена, я за твои зубки не ручаюсь. Непременно умерь свой аппетит. А главное, ешь сладости не «когда захочется», а в определенное время, в обед, ужин, полдник. И еще. Привыкнуть к этому нелегко, но все-таки постарайся: каждый раз после еды прополощи рот водой.

А вообще, чем объедаться конфетами, обрати-ка лучше внимание на яблоки, лучок, морковь. Зубам тоже нужна гимнастика. Считай, что когда грызешь твердую сочную морковку, твои зубы занимаются гимнастикой. Протертая морковка или яблоки хороши для младенцев, а не для человека твоего возраста с нормальными зубами.

И третье. Два раза в год, независимо от настроения, погоды, независимо ни от чего, отправляйся к зубному врачу. Даже если зубы ничуть не болят. Тогда эти визиты будут для тебя совершенно безболезненными, привычными и нисколько не страшными.

А если почувствовал, что с зубами что-то не в порядке и трусишь идти в поликлинику, вспомни тогда непременно вот что. У тебя тридцать два зуба, и представь, нет ни одного лишнего. Если лишишься хоть одного, под угрозой окажутся соседние. Им теперь придется работать за тот зуб, что выбыл из строя. От этого они могут быстро разрушиться.

А если придется у врача чуть потерпеть... Что ж, будь мужчиной.

Советуем тебе прислушаться к тому, что говорит Александр Николаевич. Он человек опытный, кандидат медицинских наук и работает в очень важном институте — Центральном научно-исследовательском институте стоматологии.

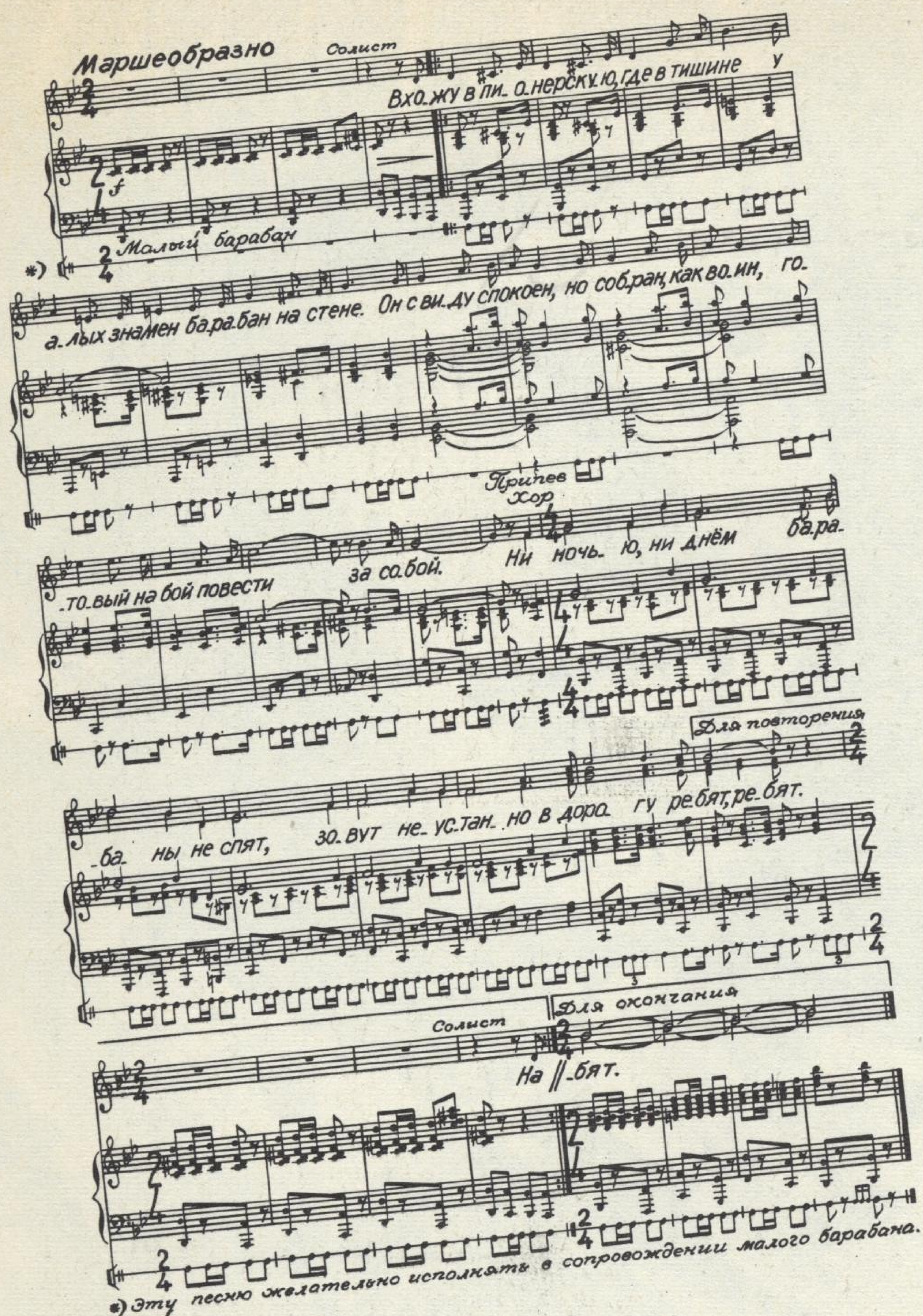

«Ну, улыбнись еще раз, рассмейся!» — до чего же хороши зубы!

Беседу записала И. ГОЛУБЕВА.

Фотографии В. ПОСТНИКОВА.

ПЕСНЯ О БАРАБАНЕ...

Музыка М. ПРОТАСОВА **Слова Т. ЗОЛОТУХИНОЙ**

Текст песни напечатан на последней обложке.

САМИ О СЕБЕ

«ШЕФИНЯ»

Я хорошо учусь. Поэтому мне и поручили шефство над Игорем, учеником 2-го класса «Б». И сначала всё шло хорошо. Он меня слушался, аккуратно приходил на занятия. Двойки стали реже появляться в его дневнике. По некоторым предметам получал даже четверки.

Учебный год Игорь закончил, можно сказать, нормально. Учителя меня хвалили. А я вдруг подумала: почему он не говорит со мной ни о чем, кроме уроков? (Я видела, как спорит он на переменке со своими одноклассниками.) А потому, что мне никогда не приходила в голову мысль спросить Игоря, что его волнует и увлекает. О чем он думает или мечтает. Можно ведь было сходить в кино и поговорить о фильме. Или съездить в краеведческий музей Приморья. А может, не поздно все это сделать сейчас? И тогда я буду для него не «шефиней», а человеком, к которому он может обратиться за советом и помощью.

Оля МАЛАФЕЕВА,
с. Вольно-Надеждинское, Приморский край

СОДЕРЖАНИЕ

Идем дорогой Ленина, дорогой Октября! — Гравюры В. Носкова 1
...Нет у революции конца! — Документальное повествование о Волгоградском тракторном заводе, о его людях, о нас с тобой, о нашем прошлом, настоящем и будущем...— Л. Симонова. Рисунки С. Трофимова . . 2
Кремлевские башни. Уроки мужества. Горняцкая юность. Солнечный камень.— Стихи О. Беликова. Рисунок А. Борисова 16
В космосе, в его далях, это может случиться...— В. Севастьянов. Фотографии А. Пушкарёва 18
Миллион и один день каникул.— Повесть-сказка Е. Велтистова. Рисунки В. Роганова . . . 20
Новые машины.
Родившиеся в девятой пятилетке.— С. Зигуненко. Рисунки Н. Андреева 36
Малая пионерская энциклопедия.— Фотографии В. Гусева 39
Грозди рябины.— Рассказ Э. Корпачева. Рисунки И. Красулина 40
Переменка.— Рисунки Е. Шабельника .45, III пол. обл.
Выставка молодых художников 46
Маленькая Терезин. Дом Трех Пуговиц. Гитара императора. Дядюшка, Белый Медведь приехал.— Сказки Джанни Родари. Перевел с итальянского Ю. Ермаченко. Рисунки В. Дудкина 48
Что нам читать? 61
Международный пресс-центр «Пионера».— Ведет Я. Боровой. Рисунки Е. Шабельника . . 64
Лесное справочное бюро «Ау!»
Ваши знакомые.— Н. Надеждина 68
В зимний лес с кормушками.— Н. Щербаков 71
Встреча с Тремя Неизвестными.
Наш лягушатник.—А. Блох. Рисунки Б. Кыштымова 72
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович. Фотографии И. Кузьмицкого 74
Ума палата.— Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой 76
Тридцать два... минус ни одного! — И. Голубева. Беседа с А. Н. Балашовым. Фотографии В. Постникова 78
Сами о себе 80
Песня о барабане.— Слова Т. Золотухиной. Музыка М. Протасова . . . . . 80, IV пол. обл.

На обложке:
«Аврора». Рисунок А. Аземши.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (главный художник), **Л. С. СИМОНОВА** (зав. отделом школьно-пионерской жизни), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **А. М. ГРИШИНА.**

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-37, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 26/VIII 1976 г. А 01003. Подписано к печати 1/X 1976 г.
Формат 84×60⅛ Объем 9,33 усл. печ. л.
11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз.
Изд. № 2563. Заказ № 2740.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Переменка!

Рисунки
Е. ШАБЕЛЬНИКА

Мы договорились встретиться в Доме журналистов, но еще, не доходя до места свидания, я увидела ватагу мальчишек, окруживших высокого человека. Это был капитан Клосс — Станислав Микульский. Прислушавшись к разговору, я поняла, что ребята задают капитану Клоссу те же вопросы, которые собиралась задать я. Мне оставалось только присоединиться к ним.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Пан Станислав, в «Ставке больше, чем жизнь» вы во всех сценах выступали сами или у вас были дублеры?

МИКУЛЬСКИЙ. Нет, никаких дублеров не было. Все делал сам. Правда, кое-чему пришлось поучиться немного, например, верховой езде.

РЕБЯТА. И стреляли сами?

МИКУЛЬСКИЙ. Это уж точно! Я как-никак бывший офицер. Для меня это вопрос престижа...

РЕБЯТА. А вот вы делали когда-нибудь на съемках такое, чего вы ну совсем не любите?

МИКУЛЬСКИЙ. К сожалению, приходилось. Один раз выпил целую чашку рыбьего жира, хотя терпеть его не могу. Правда, на первых дублях я пил не настоящий рыбий жир, а подкрашенную воду. Но режиссера это почему-то не устраивало. «Как-то у тебя ненатурально выходит,— утверждал он.—Не чувствуется, что ты пьешь рыбий жир!» В конце концов, после седьмого дубля я согласился глотнуть настоящего рыбьего жира. И что вы думаете, устроило это режиссера? Ничего подобного! Он сказал: «А вот сейчас, Станислав, ты переигрываешь. Придется повторить...»

РЕБЯТА. А когда вы снимались в фильме «Пан Самоходик и рыцари тамплиеры» и переезжали с ребятами на машине через реку, по-настоящему тонули?

МИКУЛЬСКИЙ. В тот раз дело приняло серьезный оборот. На съемках я немного не рассчитал и въехал на машине в реку не совсем там, где полагалось... Машина стала тонуть на самом деле. А вместе с ней я и двое юных актеров. Мы, значит, барахтаемся в воде, а режиссер с берега кричит: «Ну кто так тонет?! Захлебывайтесь больше! Не бойтесь в рот воды набрать! Если боитесь наглотаться — дублеров вызовем!» До берега мы добрались благополучно. Но режиссер был недоволен.

РЕБЯТА. Скажите, а вы смотрите те фильмы, в которых играете? Например, «Ставку»?

МИКУЛЬСКИЙ. Конечно! Когда снимался в фильме, я не знал, каким он получится. Все серии «Ставки» смотрел с большим интересом...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Простите, ребята, но следующий вопрос задам я. Пан Станислав, как вы относитесь к капитану Клоссу?

МИКУЛЬСКИЙ. Если честно, то отрицательно!

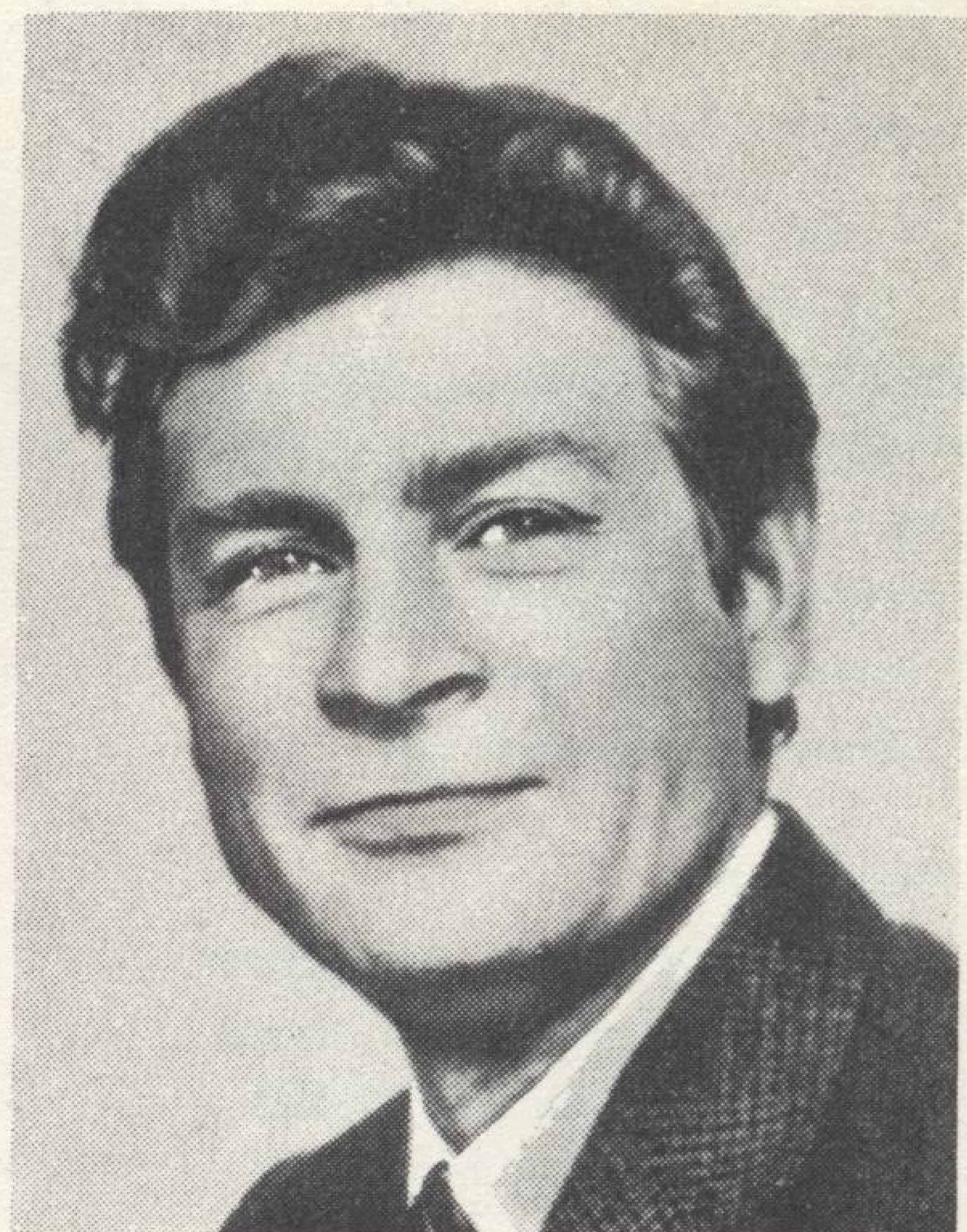
РЕБЯТА. Почему?!

МИКУЛЬСКИЙ. Понимаете, он мне иногда очень мешает. Ну, то, что меня часто называют Клоссом, а не Станиславом — это мелочь. Хуже, что многие режиссеры после этого фильма стали предлагать мне похожие роли. Но особенно я страдаю от Клосса в театре: я главным образом драматический актер, уже много лет играю на сцене Театра Польски. Теперь представьте себе: идет драма Шекспира «Отелло». Я играю Яго. Выхожу на сцену, на мне венецианский костюм, грим, борода приклеена. И вдруг по залу разносится: «Капитан Клосс! Капитан Клосс!» Можно так жить? Приходится каждый вечер бороться с Клоссом за самого себя!

КОРРЕСПОНДЕНТ. У меня, пан Станислав, к вам еще один вопрос: у нас телефильм «Ставка больше, чем жизнь» пользуется большой популярностью. А как его принимали в Польше?

МИКУЛЬСКИЙ. Этот фильм до сих пор смотрят с удовольствием, особенно мальчишки. Они даже придумали новую игру: играют в Клосса!

РЕБЯТА. Подумаешь! Мы тоже играем в Клосса!

МИКУЛЬСКИЙ. Я получаю множество писем из разных стран, из Советского Союза тоже. На некоторых конвертах ребята пишут просто: «Польша, капитану Клоссу»... И поскольку я просто физически не в состоянии ответить всем моим корреспондентам, пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить их всех через журнал «Пионер». Надеюсь, что ответил на некоторые вопросы, интересующие ребят, выполнил некоторые просьбы...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Не совсем! Вы еще не подарили свой автограф.

МИКУЛЬСКИЙ. Ну, это совсем не трудно сделать. Пожалуйста:

Интервью записала Р. ДУБОВИЦКАЯ.
А за все, что происходило на «Переменке», как обычно, отвечает Н. РОСТОВЦЕВА.

ПЕСНЯ О БАРАБАНЕ

Слова Т. ЗОЛОТУХИНОЙ

Музыка М. ПРОТАСОВА

Вхожу в пионерскую, где в тишине
У алых знамен барабан на стене.
Он с виду спокоен,
Но собран, как воин,
Готовый на бой
Повести за собой.

ПРИПЕВ:
Ни ночью, ни днем
Барабаны не спят,
Зовут неустанно
В дорогу ребят.

На марше отрядном у всех на виду
Я вместе с моим барабаном иду.
Никто не устанет,
В строю не отстанет,
Пока в трудный час
Барабан среди нас.

ПРИПЕВ.

И если нежданно нагрянет беда,
Мой друг барабан будет в первых рядах.
Он учит нас с детства
С отвагою в сердце
По жизни идти,
Как и он, впереди!

ПРИПЕВ.

Ноты песни напечатаны на 80-й странице.

Цена 25 коп.
Индекс 70694